

ГРАНИ

GRANI

146

1987

Verlagsort: Frankfurt/M., Oktober-Dezember

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»

к литературной молодежи, к писателям
и поэтам, к деятелям культуры
— ко всей российской интеллигенции

Русское издательство «Посев», находящееся в настоящее время за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, предоставляет вам возможность публиковать те ваши произведения, которые по условиям политической цензуры не могут быть изданы на Родине. Напечатаны эти произведения могут быть в журнале «Грани», в ежемесячнике «Посев» или изданы отдельными книгами. Будет сделана попытка их публикации и на иностранных языках.

Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом, который будет строго соблюдаться издательством.

Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в «Посеве» ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможным их получить.

Пересылать рукописи в издательство «Посев» можно как через своих граждан, едущих за границу, так и через иностранцев, посещающих СССР. Приехавший за границу может сдать пакет с рукописью на почту, а в случае необходимости — опустить в почтовый ящик и без марок. На пакете с рукописью необходимо указать следующий адрес:

**Possev-Verlag
Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt am Main 80**

Предоставляя пишущим страницы своих изданий, мы помогаем российской интеллигенции, а в особенности молодежи, выполнять возложенную на нее историей ответственную задачу — в свободном творчестве правдиво изображать жизнь и стремления нашего народа, воспроизводить его духовный облик.

За свободное Творчество! За свободную Россию!

Издательство «ПОСЕВ»

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов

1947 – 1952 Е. Р. Романов

1952 – 1955 Л. Д. Ржевский

1955 – 1961 Е. Р. Романов

1962 – 1982 Н. Б. Тарасова

1982 – 1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч

1984 – 1986 Г. Н. Владимов

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XLII

№ 146

1987

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Борис ФАЛЬКОВ. Во сне земного бытия или Моцарт из Карелии. Главы из романа	5
Ю. КУБЛАНОВСКИЙ. Где-то на рубежах синевы... Стихи	49
Александр ГРАНТ. Заговор муз. Мини-повесть	55
Вера МУРАТОВА. Дым Дымыч. Рассказ	88

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Мария ШНЕЕРСОН. Голос Шухова в произведениях Солженицына	106
---	-----

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Проф. Н. В. ПЕРВУШИН. Кто был Александр Бланк?	134
Д-р В. ФЛЕРОВ. Болезнь и смерть Ленина	145

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ХЕЙФЕЦ. Новая "аристократия"?	175
--------------------------------------	-----

ИСТОРИЯ

Ударные части в русской армии (весна-лето 1917). Окончание. Публ. Н. РОССА	206
---	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Михаил НАЗАРОВ. О романе В. Белова "Все впереди"	227
Иосиф КОСИНСКИЙ. Крупный жемчуг	236

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	245
--------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ с № 143 по № 146	247
-----------------------------	-----

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Октябрь — Ноябрь — Декабрь 1917 года	253
Русская революция глазами петроградского чиновника. Из дневника 1917—1918 гг. Публ. Е. П. НИЛЬСЕНА и Б. ВАЙЛЯ	258
И. ЯШУНСКИЙ. Выборы в Учредительное Собрание	288

Обложка работы художника Н. Мишаткина

Борис ФАЛЬКОВ

Во сне земного бытия
или
Моцарт из Карелии

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Следователь Ш. — Так что же вы видели?

Инженер Н. — Все.

Следователь Ш. — А точнее?

Инженер Н. — Точнее — ничего.

1

В десять часов утра на квартире композитора и почти миллионера, задержанного маленького человека и бетховенианца Шостаковича заквакал телефонный звонок. Подергивая вялым подбородком, Дмитрий Дмитриевич мелко пробежал по скрипящему паркету и бабьим, в тон звонок, голосом сообщил:

— Да, это я... Слушаю. Говорите. Да-да.

— Я понял, — пропел в ответ нежный тенор. —

Главы из романа.

Я уже понял, что это вы. Теперь и мне дайте сказать. Дмитрий Дмитриевич, с вами говорит ваш старый поклонник. Ваша музыка, можно сказать — музыка воскресшего старика Бетховена, прошла иглой с ниткой красной всю мою жизнь. И вот теперь, наконец, я могу отплатить вам за все то, что вы для меня и многих других сделали. Дмитрий Дмитриевич, я не композитор, к сожалению, хотя и обожаю кой-какую музыку... Я, увы, вор! И даже более того: грабитель. С интеллигентным, правда, прошлым. Слушайте же: сегодня мои ребята затеяли пощупать вашу квартиру. Поняли?

— Слушаю, да-да, — по-лягушачьи сказал Шостакович.

— Я вижу — вы не понимаете, — несколько раздраженно проговорил тенорок. — Кажется вы сейчас записываете какую-то тему? Бросьте!

Дмитрий Дмитриевич смущенно отложил в сторону блокнотик.

— Ваша жизнь в опасности! — продолжил тенорок. — А не только кошелек. И кстати, что вы там записывали, уж не новую песенку ли? И еще кстати: это не вы сочинили "Три барышни, три куколки?" Я так и думал... Нет-нет, и не я тоже. Повторяю: сегодня в четыре часа вас будут грабить, если вам угодно. А мне лично совесть не позволяет поступать так по отношению к красе и гордости. И потому я взял бюллетень. Но остальные вполне здоровы и придут вовремя. Сделайте надлежащие выводы. Спасибо за все. Прощайте! Да... ребята будут в белых халатах, под врачей.

— Но... — квакнул Шостакович, но было поздно: в трубке запипикал отбой.

Дмитрий Дмитриевич сразу и безусловно поверил сообщению. Он и сам был сходного мнения о своей музыке и роли в обществе, а также имел

совпадающие с полученной информацией представления о преступном мире, вынесенные им еще из тех далеких времен, когда мальчишкой служил в качестве тапера ленинградского кинематографа "Колизей" и тем, сам имел отношение к упомянутому миру. И потому "Бабий Яр" был сразу затоплен потоками современной опасной жизни и карандаш не держался взволнованными пальцами. Немножко помотав подбородком и почирикав себе под нос, Дмитрий Дмитриевич снова взялся за трубку и позвонил 02. Там его переправили в районное отделение, и через пять минут Шостаковичу удалось вполне сносно объяснить ситуацию. Через час наряд примчался к нему на квартиру. Хотя до четырех оставалось еще много времени, кто же его знает, может, звонок входил в коварный план ограбления самой существенной частью! А речь ведь шла о нашем московском Бетховене, с его, как известно, нечеловеческой музыке, не меньше. Оперативники рассыпались по его квартире: в кабинете — за штору, на кухне — за холодильник... Трое стали за вешалкой в прихожей. Сам Шостакович, по предложению опытных профессионалов, сел за стол и продолжил работу. Незнакомно — работал ли он на самом деле, но исправно, во всяком случае, исполнял контрплан, составленный капитаном Головачевым. Все это вместе походило на съемку фильма из жизни великих людей. И все было в полной готовности к приему — будь то будут киношники или грабители.

В половине четвертого, когда агенты на квартире композитора задыхались под шубами в передней и хватали радикулит за холодильником, и никто из них уже не обращал внимания на то, чем занимается сама замечательная личность, в отделении скорой помощи — 03 — раздался новый теле-

фонный звонок. Тенорок, удивительно похожий на голосок грабителя-меломана, с большим волнением сообщил, что композитору Шостаковичу, адрес, очень плохо! И что правительство, народ... и так далее. Скорая вылетела, как баба-яга на помеле, или как на сверхновом самолете ТУ—104.

Ровно в четыре реанимационная бригада стала наяривать в дверь квартиры дома композиторов — Неждановский переулок угол Горького. И каково же было ее удивление, когда вместо больного гиганта и окружающих его высоких попечителей, она напоролась на пятерых громил с пистолетами, набросившихся на нее и приступивших к вязанию! После короткой схватки, во время которой были попорчены физиономии анестезиолога и санитара, а с другой стороны — сломана рука капитана Головачева, которого дикий случай столкнул с врачом Нестеренко, на досуге занимавшимся запрещенным каратэ, победу одержала психологически подготовленная милицейская бригада. Одержала, то есть поволокла поверженных в свои фургончики. Отогнув штору на выходящем во двор окне, Шостакович с облегчением понаблюдал, как отъезжают, стреляя выхлопными трубами, почти черные фургоны, а потом, не забыв закрыть дверь на все запоры, пробежал в кабинет, где с чистой совестью уселся за работу. Возможно, именно этому происшествию обязана музыка многими экспрессивнейшими своими страницами. В бетховенианском, разумеется, стиле.

Конечно — ТАМ быстро разобрались что к чему и к вечеру скорая в полном составе разъехалась по домам. Даже врач Нестеренко ужинал у себя дома. Был отвезен к жене и капитан Головачев, после оказания ему помощи тем же Нестеренко. Все уладилось... Но злая шутка была сыграна,

хотя инцидент и не имел резонанса в прессе. По понятным причинам. Он же не имел никаких последствий и в смысле розыска мерзкого тенорка, виновника скандального происшествия. Сам Дмитрий Дмитриевич вряд ли узнал об истинной подоплеке дела, и прекрасно: художник должен воспринимать жизнь всерьез. И если целью коварного тенорка было отвлечь композитора от глубины и серьезности жизни, и привлечь к ее нелепым и подлым сторонам, а тем самым сделать и его работу мелкой и подлой, то такой цели он не достиг. Хотя и шатался по Москве в полной безопасности, что было и само по себе неплохим результатом. Его не искали, и потому даже пальцем тронуть не могли. А между тем вся эта Москва знала историю псевдоналета в подлинном виде, как знала и ее сочинителя — обладателя пресловутого тенорка. Им был тоже почти миллионер и композитор, сочинитель знаменитых песенок в ритме "ум-ца", антибетховенианец и никем никогда не дерганный Никита Богословский. Таким образом шутка, вероятно, имела фундаментальную, принципиальную подоплеку. Истории этой можно безусловно доверять, так как рассказывал ее всем и любому сам Богословский. А он все это не только сочинил и привел в действие, но и видел ее собственными глазами, потому что с половины четвертого сидел на скамейке во дворе своего дома в Неждановском переулке и до тех пор, пока происшествие не кончилось. Ко всякому, и конечно — его, удовлетворению. После чего пошел пить пиво в Чернышевские, за углом, бани.

Студентов консерватории Курманаева и Фалькова изрядно подкосила покупка заячьих шапок, и они изыскивали средства к существованию любыми, в том числе самыми отвратительными способами: например — участием в массовках. Правда, Фаль-

ков время от времени поигрывал на пианино в оркестрике театра Станиславского, где получал набегавшую ему за месяц сумму аккордом, отдавая начислявшему ему деньги инспектору определенную мзду за фиктивные репетиции, а Курманаев иногда промышлял настройкой инструментов — что тщательно скрывал от друзей по многим причинам, но у первого месячные были впереди, в ноябре, а у второго их с августа не было. И потому они в тот день стояли у площади Дзержинского в переулочке, где шли съемки фильма "Здравствуй, это я". Впоследствии фильм сочли явлением, а актеры, занятые в нем, пошли в гору. Разумеется, это не касалось занятых в массовке Фалькова с Курманаевым. Речь там шла о любви молодого выглядевшего, но на самом деле очень зрелого мужчины и юной пламенной девушки, не знавшей, чего ей нужно. Там было в меру аристократического патриотизма и не в меру намеков на важную науку, связанную с, конечно, физикой. Все это входило в моду, вместе с церковными колоколами и юбками-колоколами, вероятно от того, что большинство послевоенных деятелей искусства подходило к возрасту главного героя фильма и втайне скорбело о преимуществах, выпадающих работникам секретных наук. И потому их творческие эманы выдавали тайны подсознания, им самим неизвестные до тех пор, и замаскированные сознанием желания: достигшая совершеннолетия девушка и наука в младенческом возрасте, очень пригодные для эксплуатации. И результаты такого творчества были искренними, и им можно было верить. Ведь творцы и сами ни о чем таком в себе не подозревали, а лепили именно — что Бог подаст. Итак, в переулке из подъезда выносили большой портрет актера Ролана Быкова, по фильму — умер-

шего, а в толпе ходила актриса Маргарита Терехова, та самая молодая девушка, в жизни отлично знавшая, чего ей хочется. В той же толпе стояли Курманаев с Фальковым и маялись: сцена выноса покойника повторялась в пятый раз. В пятый раз всем сообщали через рупор, что случилось большое несчастье и стало быть все физиономии должны приличествовать случаю. Берите пример с жены героя — вон, как она плачет и укрывается платочком! Однако замаянные Фальков с Курманаевым взяли пример не с нее, а с актера Джигарханяна — главного героя, который вообще не явился на съемки похорон друга, и был вмонтирован в ленту позже, с очень огорченным лицом.

Дело решило то, что перед пятым дублем помощник режиссера хищно нырнул в массовку и выудил за рукав Фалькова. По-видимому ему показалось, что отвращение, написанное на лице статиста, есть нечто похожее на скорбь по случаю утраты Быкова. Кроме того Фальков был похож на установившийся типаж физика, молодого коллеги умершего, потому что был в демократической ковбойке с распахнутым воротом и в очках с оправой "Патент". Помощник потянул студента ко гробу, на ходу объясняя, что он нынче близкий ученик покойного и должен идти непосредственно за портретом, а значит — вдвойне скорбеть. Кстати, за это и заплатят вдвойне: не три а шесть рублей. Он дотасовал статиста до места и снова кинулся в толпу искать следующую жертву. Вот это и оказалось слишком для Фалькова, и двойная плата не могла умерить это слишком. Как только помощник отошел подальше, он не колеблясь и с чувством большого облегчения оступил в народ и постарался получше спрятаться в массовке. Теперь уж оставаться здесь вообще не имело смысла. Фальков пообещал Кур-

манаеву вернуться к раздаче трешек, что должно было происходить примерно в восемь вечера, взял у него под эту трешку последний рубль и скрылся за углом. Самое интересное было то, что через несколько минут Курманаев, поначалу отказавшийся от побега, почувствовал приступ голода, вспомнил этот рубль и помчался следом — но, разумеется, ни в одной из забегаловок поблизости друга не нашел. И не мог найти. Поэтому с сознанием неправимой ошибки, совершенной им во время краткого помрачения, вернулся на место и стал дожидаться восьми часов. Не мог же он найти друга потому, что тот отнюдь не отправился обедать в столовую поблизости, а решил употребить этот рубль с максимальным эффектом во времени и в калориях: то есть — пошел пить пиво в Чернышевские бани.

Мало кто в Москве, да и во всей стране, не знал Вольфа Мессинга, артиста и мага с хищным сопящим носом и хорошенькой ассистенткой, но мало кто знал о его привычке совершать прогулки в свободные от выступлений вечера по запутанным переулочкам между улицами Герцена и Горького. И совсем никто не знал — что являлось гвоздем этой его программы, не рассчитанной на зрителя. Ни за какие деньги зритель не должен был допустить и на миг мысль, что читающий эти его мысли, видящий насквозь, слышащий из далеких-далеков колдун держит свой моцион ради кружки пива в Чернышевских банях по 22 копейки за не совсем полную! Нельзя было чародею позволить, чтобы кто-нибудь смог во время концерта представить его в углу банного жаркого вестибюля с плохо мытой тяжелой посудиною в левой руке и с хвостом копченого леща — в правой. Даже ассистентка-красавица не имела права знать об этом. И

когда она, время от времени, улавливала исходящий от мэтра знакомый, и одновременно — невозможный запах, он, читая ее мысли по сморщенному носику и тревожным взглядам, объяснял его происхождение новыми французскими духами. Как известно, там, в Париже есть и такие духи, какие пахнут не то что — копченой рыбой с пивом, а и просто потом. И еще как пользуются спросом! Итак, поскольку этот вечер был у Вольфа Мессинга свободен от выступлений и прочих служебных обязанностей, он, освободившись от ассистентки, пустился в путь к Чернышевским баням. И никто следящий за ним — если б кому-нибудь такое пришло в голову — не смог бы узнать его цели, потому что двигался он самыми запутанными безо всякой системы переулочками, соблюдая правила конспирации: обнаружение и отрыв от возможного хвоста.

И вот что вышло из того, что все эти люди в один вечер собрались у пивного ларька в Чернышевских банях, и чего могло бы и не быть при менее или более случайных обстоятельствах — при отсутствии хотя бы одного из упомянутых любителей пива. Без кого-нибудь из них скорее всего было бы так: Фальков узнал бы Баркалова и не подошел к нему. Или все-таки подошел, но они в ближайшее же время и расстались бы, после того, как окончились их скромные средства. И тогда, может быть, не было бы... Впрочем — к чему это гадание на пивной пене? Если было так, как было. И никак иначе. А было вот как.

Получив в банном вестибюле свою кружку, удовлетворенный шуткой Богословский направился в уголок и там обнаружил знакомого ему по совместным выступлениям Мессинга. Тот, хотя и был неприятно поражен свидетелем его личной жизни,

не проявил этого наружно, ведь это был не человек из публики, а свой брат-артист. За это за последнее они вместо одной кружки выпили по четыре. Как раз после четвертой в бане, наконец, появился Фальков, приступивший к освоению полученной от Курманаева суммы. Наскоро пропустив первую кружку, он со второй отправился в тот же угол и, попивая ее, стал потихоньку прислушиваться к разговору соседей, которых он, конечно же, знал в лицо, но не имел чести быть с ними познакомленным. Не хватало еще одного звена, чтобы замкнуть наметившуюся цепь. И оно было послано. Кем — уж не знаю... Фальков сразу узнал нового посетителя по характерному признаку: тот непрерывно надевал и снимал с подходящего для того кончика носа золотое колечко. От такого упражнения кончик, почти хоботок, покраснел и наверное — зудел. О последнем следовало спросить самого владельца колечка и носа, что было вполне доступно студенту поскольку он знал его по совместной работе в театрике Станиславского, где на этой неделе оркестр разучивал музыку, написанную новым посетителем для спектакля "Клоп". Кстати говоря, идея постановки пьесы вызвала, мягко говоря, удивление всех исполнителей — включая и музыкантов, знакомых с репертуарными особенностями станиславских, удивление, прекратившееся только после того, как режиссер сослался на ПРИКАЗ. Любопытный приказ, неизвестный ранее композитор — это не могло вызвать и у Фалькова ничего другого, кроме удивления. И это чувство, и с другой стороны — отдаленное, но действительное знакомство, а также всем известный факт, что пиво лучше пить в компании, чем одному, все это позволяло в пределах такта и в тех же пределах толкало подойти к новоприбывшему. Он так и сделал, и поступок

сразу же оправдал себя: у приезжего композитора Баркалова, сочинившего музыку к "Клопу", было три рубля, из которых некая часть пришлось на долю Фалькову. Попав же в угол, Баркалов, в свою очередь, узнал Богословского, приятеля своего шефа, а Богословский, то ли обладавший значительной памятью на лица, то ли даром общительности, узнал Баркалова. После этого те, кто не знал друг друга в составившейся четверке, были представлены другими и составила такая по размерам компания, что пришлось еще неоднократно ходить за пивом. Даже Мессинг перестал испытывать неудовольствие: свою роль сыграло качество пива. Да и общество, как ни крути, было не из худших. Во всяком случае — не худшим из возможных. Вскоре финансовую часть дела взял на себя почти миллионер Богословский, во-первых потому, что все об этом миллионерстве знали, а во-вторых — станет понятно позже почему. Через час они представляли собой единое братство не только между собой персонально, но и между своей четверкой и остальным миром. Следствием было то, что пиво полилось без счета, а носить его стал в угол сам продавец, изрядно на этом погревший руки. Погрели свои желудки и другие посетители, причем всем скоро стало известно — кто так осчастливил их. Сообщал об этом регулярно сам Богословский, подтверждая свои слова громогласными объявлениями: за мой счет! Потом все четверо сошлись на том, что все они одинаково глубоко сожалеют и всячески скорбят об отсутствии среди них того единственного в мире человека, которого они совместно знали и всестороннейше уважали, и который все равно не смог бы быть здесь, потому что не был здесь. Этого человека они быстро вычислили, перебрав возможности поистине многие: а этого —

ты знаешь? Конечно, имелся в виду актер театра Станиславского и кино имени Горького Евгений Урбанский. Потом Мессинг попытался прочесть мысли Фалькова и прочел, что надо бы еще пива. И Богословский это исполнил. Потом Баркалов потерял кольцо и все они искали его, потому что Моцарт плакал. Потом, потом, потом... После всех потом они, наконец, пошли вниз по лестнице, обнявшись, и попали в парную. Потом вернулись наверх и снова спустились по лестнице, на этот раз она привела их на улицу. Здесь они спели песню про блокнот и пулемет, и только после ее окончания обнаружили, что она написана отсутствующим Блантером, в то время, как начинали они ее петь под именем Богословского. Для утешения они по очереди примерили бабочку-галстук миллионера, в шикарную крапинку, и Баркалов научил их петь свой новый шлягер из спектакля "Клоп", подошедший весьма кстати: там были слова... "товарищи, вредно пить бормоту-уху-у!..." Потом... потом были неизбежные "Три барышни". С тремя куколками.

И вот тут-то Богословский и признался, что не уплатил за последние, по меньшей мере — сорок кружек пива. И добавил, что они находятся здесь на улице так беспрепятственно лишь потому, что продавец считает их временно отсутствующими, то есть — в нужнике пребывающими. А не заплатил он потому, что миллионы с собой не носит, а носил сегодня лишь пять рублей, и то — с утра. Сообщение произвело впечатление взрыва атомной бомбы. Все молча и траурно полезли в свои карманы и сложив найденное вместе, увидели жалкую мелочь. Ужасно, но это даже чуть отрезвило их: запахло милицией. И, кстати, кому кому, а Богословскому, уже публично каявшемуся в банях по

поводу своей давешней шутки и сорвавшему аплодисменты, попадать в отделение было совсем ни к чему. Впрочем, Мессингу тоже. А чем хуже были Баркалов или Фальков? И тогда было принято единственно возможное решение: драпать. Вопрос решился устно, без прочтения мыслей, и единогласно. Они без фальши взяли старт и помчались к улице Герцена, руководимые Мессингом, знавшим переулки, как свои собственные мысли, и легко запутывавшим следы. Богословский сразу же после старта отстал. После него отстал развинченный Баркалов. Фальков с Мессингом у редакции газеты "Гудок" перешли на шаг и потихоньку вышли к театру Маяковского, где в толпе прохожих дождались своих. Баркалов припелся первым, весь в поту и пошатываясь: алкоголь вмиг испарился из него. Богословский же пришел значительно позже и чрезвычайно веселый. И сразу же признался, что соврал. Что он давно, еще ВПЕРЕД уплатил за пиво. Стало быть — пошутил.

Это была вторая бомба. И запустив ее, шутник отошел в сторонку, чтобы не быть пораженным ее осколками. И даже изготавился бежать, что было вполне реально: ведь он то еще не бегал! И потому взрыв был тихий, а вспышка — тусклая. Мессинг — просто выматерился и пошел в одну сторону, Баркалов с Фальковым — без реакций вслух, но с тем большим грузом в душе и в теле — в другую. Богословский пожал плечами, и легкой походкой вместе с еще более легким сердцем отправился в третью. А вдруг, чем кто не шутит, подвернется в этой стороне случай сыграть третью шутку, и тогда состоится рекордный, поистине благословенный день! Которого ни за какие миллионы не купишь. И песню о нем так просто не споешь...

В тяжком молчании плелись Баркалов с Фалько-

вым по улице Герцена, один — длинный и развинченный, другой — ему по пояс, но тоже не без того. У Никитских ворот они остановились и посмотрели друг на друга.

— Личное время кончилось, — загадочно сказал Баркалов.

— И деньги тоже, — в тон ему ответил Фальков. — К раздаче трешек уже опоздали.

— И у меня, — сказал Баркалов. — Считается, что давать нужно поменьше, для подлинности.

И это была не менее, чем первая, загадочная фраза.

— Ты куда? — спросил Фальков.

— Черт его знает... — отвечал Баркалов. — Может, в командировку отправят...

Если учесть, что он и был в чем-то вроде командировки, то и это сообщение не уступало первым двум.

— А я, скорей всего, к бабушке, — сказал тактично Фальков. — А Ашукинское. Пожрать.

— Это где — Ашукинское? — безразлично спросил Баркалов.

— Километров пятьдесят от Москвы, с Ярославского вокзала, — сказал Фальков. — Поехали? Все-го час езды.

— Час езды с Ярославского! — вздрогнул Баркалов. И было совершенно непонятно — отчего тут вздрагивать?... — Постой! Разве там это, Ашукинское? Разве не Каллистово?

И он с волнением сжал своими длинными пальцами плечо Фалькова.

— Каллистово следующая станция, километра три... Пешком минут двадцать... А что? — Наконец не выдержал и задал вопрос Фальков.

— Судьба, — сказал Баркалов глухо и печально. — Рок.

— Поехали? — приписал эту печаль голоду и пиву Фальков. — Дом деревянный, еда деревенская, воздух, лес... Всего час езды...

Ему одному мучительно было тащиться час в электричке. И кроме того — у Баркалова могла завалиться мелочь на билеты.

— Всего час, — сказал Баркалов, — и бесповоротно... Вот что, ты подожди минуту, а я позвоню — идет?

— Звони, — сказал Фальков, и Баркалов не пошел, а побежал к ближайшей телефонной будке. Было видно сквозь ее прозрачные стенки, как он долго искал номер в записной книжке, потом два раза набирал его, как отчаянно жестикулировал, разговаривая, как, наконец, бросил трубку и вышел наружу, отдуваясь.

— Все, — сказал он решительно. — Решено: едем. Только, чур — не лезть куда не просят! И так уже...

Загадок свалилось на голову Фалькова больше, чем он мог одновременно обдумать. Баркалов же был ему симпатичен. Поэтому он плюнул на загадки, до поры...

— Едем, — подтвердил он.

— Рок, — сказал Баркалов, покачивая головой и надевая на хоботок колечко. — Фатум.

2

— А позвольте вам, бабушка, представить Славику Баркалова, известного композитора!

Баркалов преувеличенно согнулся, кланяясь, а когда выпрямился — то сразу надел на хоботок колечко. Бабушка с явным неодобрением оглядела его долговязую фигуру.

— А это и есть моя бабушка по матери — Сан Санна Ожигова!

— Очень приятно, — сказал Баркалов и снова поклонился. Колечко упало при таком резком движении на пол, и Моцарт помчался за ним в согнутом положении, догнав его лишь в углу прихожей.

— Н-да... — свела суровые брови бабушка. — Однако — что ж? Проходите, композиторы...

Дом был старый, из потемневших бревен, с дощатой верандой и окошками в разноцветных стеклышках. После прихожей шла кухня, за нею еще две комнаты. У плиты на кухне, спиной к вошедшим, стояла вторая женщина, поменьше, в плюшевом жакете и теплом платке.

— А это кто? — прошептал Баркалов, так как эта женщина даже не обернулась в его сторону.

— Это прабабушка, — шепотом же ответил Фальков. Баркалов только присвистнул.

Если Сан Санна Ожигова была похожа на персонажи икон московской школы, с их отечными лицами и выкаченными на щеки глазами под круглыми лбами, то прабабушка была вылитая модель для иконописца нынешних времен — Глазунова: высохшая, крутолобая, с несметными морщинами, тонким крючковатым носом и неожиданно синими глазами. К собственному своему удивлению Фальков обнаружил, что не знает, как ее зовут. Так уж получилось, что он никогда не слышал, чтобы к ней обращались по имени, сам же — никогда не разговаривал с ней, а она в последние пять лет вообще рта не раскрывала. С того времени, то есть, как ей стукнуло сто лет. Прабабушка была по привычке верующей и в ее чуланчике всегда светила лампадка перед металлической иконой. Может она и молилась там тихонько — этого никто не слышал. Что творилось в ее древней голове, о чем она помнила и думала — тоже было неизвестно. Целыми днями она торчала у плиты, впрочем, мало

что делая, больше мешая. И лишь изредка издавала странный звук, будто собиралась что-то произнести, но так и не произносила. Дочь ее, Сан Санна, отца своего не помнила. Помнила Якутск, зимы в пятьдесят градусов, деревянные дома и тротуары... Училище и курсы. Потом хорошо помнила революцию. Она играла в любительском театре пьесы Островского и была парторгом на разных приисках. Потом вышла замуж за тамошнего экспедитора. В сорок третьем году мужа ее расстреляли за то, что санный поезд, который он сопровождал, был остановлен и ограблен. В вину ему ставили, в основном, что он остался жив. Через два года Сан Санна купила под Москвой этот дом и переехала в него с двумя узлами и давно молчащей матерью. У нее была дочь, принятая покойным экспедитором как родная — мать Фалькова — родившаяся через пять месяцев после свадьбы. Сам Фальков родился вовремя на Украине, куда его мать успели по распределению и где она вышла за врача-коллегу. Сан Санна до сих пор любила Островского, особенно ей нравился актер Малого Театра Яншин в пьесе "Без вины виноватые". Еще ей нравился актер Меркурьев в кино, очень похожий лицом на нее саму. Из книг она предпочитала "Униженные и оскорбленные" и "Зачарованный странник". Видно, те же склонности, которые привязывали ее к этим названиям, вылепили и ее отношение к браку дочери: она считала отца Фалькова жестокосердным унижителем и оскорбителем невинной дочери своей, и стало быть самого Борю — внука — порождением палача и жертвы. Говорила она прокуренным басом и курила только "Беломор". Но, исключая мелкие оттенки, относилась к внуку по-родственному и теперь, когда он учился вдали от дома родного, выказывала даже некоторую от-

ветственность за него. Что чувствовала и как относилась к чему-либо прабабушка — неведомо, так как она ничего не выказывала.

— Что, — сказала Сан Санна, когда закипел самовар и гости, молчаливые из-за набитых ртов, придвинули к нему стаканы, — случилось что? Наверное жрать нечего. Не мог же ты вот так просто приехать! Ба-абку проведать...

Баркалов поперхнулся куском колбасы, а Фальков сделал удивленное и обиженное лицо. Отказать бабушке в проникательности было нельзя. Но и показывать ей свою безотказность тоже было не к чему. Прабабушка отвалилась от плиты и зачем-то шастала в чулан и обратно. Двигалась она поразительно быстро для своих лет — вьюном, кикиморой, и ее довоенные резиновые боты лихо шаркали. Звякали стаканы в массивных подстаканниках, пахло табаком и негасимой керосинкой.

— Чего там — признавайся, — продолжала бабушка. — Небось прогулял все?

— Да что вы, бабушка! — с возмущением поднял подбородок Боря. — Просто в гости. На природу. И Славик вон здешними местами интересовался...

— Ври, ври, — сказала бабушка, заметив косой взгляд, брошенный Баркаловым на внука. — Жрать приехали?

— По делу, — брякнул прижатый к стенке и чувствующий некоторую неловкость за бабку перед приглашенным Баркаловым внук. — По делу, но и вас повидать, между прочим...

— Какие же у вас могут быть дела, композиторы? — пренебрежительно оттопырила губы Сан Санна. — Разве что юбочные... А что — в Москве юбки перевелись?

Выпытывала она мастерски. И Фалькову ничего не оставалось, как разозлиться и снова брякнуть:

— Дело важное! В Каллистово!

— Эка! ... — вдруг хрипло крикнула Сан Санна. И застыла пойманная между кухней и чуланчиком прабабушка, у которой даже буркнуло что-то дважды в животе. — Зачем — Каллистово?

— Не мне, собственно... — заговорил дальше Фальков: он уже заметил косые гневные, и одновременно испуганные взгляды Баркалова. И это раззадорило его. Он вспомнил баркаловскую нервозность и даже страх, связанные каким-то образом с хорошо знакомым ему Каллистовым. Он свел воедино странные реплики Баркалова, его удивительный звонок по телефону и полученное, без сомнения, *разрешение* на поездку... "Личное время" и "подлинность" — тоже вспомнились Фалькову. Пора было и разобраться во всем этом. Тем более, что речь шла об отлично известном ему Каллистове и буквально в двух шагах от этого Каллистова. — Это не мое, собственно, дело... А вот его — Славика!

Бабушка перевела тяжелый взгляд на Баркалова и тот узнал ее теперь, в строгий фас: она была вылитый портрет Надежды Константиновны Крупской в последние ее дни. Прабабушка подошла поближе и уставилась на него в упор. Холодок пробежал между его лопатками.

— А ты чего в этом Каллистове потерял? — Бабушка безуспешно раскуривала папиросу.

— Не потерял, — проклиная болтливость Фалькова, мальчишки, пробормотал Баркалов, — а надеюсь найти... человека...

— Че-е-ловека, у-гу, — отдельно и презрительно произнесла глубочайшим басом Сан Санна то ли ему, то ли папиресе, уже остывшей в ее пальцах. — Не потерял, так значит — потеряешь еще. И вряд ли когда-нибудь после отыщешь...

— Что потеряю? — растерялся Баркалов и покраснел. Фальков искоса наблюдал за ним, сохраняя на лице равнодушное выражение.

— Голову! — каркнула прабабушка, и в воздухе кухни будто пронеслись чьи-то черные жесткие крылья, и помчалась вдвое быстрее, чем раньше, в свой чулан. Ботики ее шлепали и чмокали, словно она на ходу вытанцовывала вприсядку и впри-топ. Из чуланчика отчетливо донесся гневный шепот.

— Голову, подтвердила Сан Санна. — И все остальное, может быть...

— Не понимаю! — развел руками Баркалов. — Что такое это Каллистово? Почему такие реакции? Да мало ли таких Каллистово, какие только мне известны! А сколько неизвестных... Вот, например, знаю Кал...

Тут Баркалов неожиданно икнул.

— Говори, говори, — ехидно сказала Сан Санна. Баркалов еще больше покраснел, но продолжил:

— На западном берегу Чудского озера, например, есть Калласта. Что-то вроде этого на Байкале...

— Вот-вот, — со значением заметила она.

— Пятый спутник Юпитера — Каллисто, — вставил Фальков. — Галлилей открыл.

Баркалов раздраженно зыркнул искоса:

— И мало ли где еще! Это название от английского "каллозити", мозолистый, бездушный...

Прабабушка застонала в своем чуланчике. Бабушка с силой ткнула папиросой в пепельницу:

— Вот именно, без души. А сам за душами охотится, каллус...

— Это вы про меня? — совсем растерялся Баркалов.

— Кому ты нужен, — пренебрежительно махнула рукой Сан Санна, — про него...

— Про Гнедича, — вставил Фальков.

— Вы его знаете! — вскричал Баркалов в необычайном волнении. Руки его тряслись до такой степени, что он никак не мог попасть колечком на хоботок. — Гнедича знаете? И дом у озера, где хмель растет?

— Значит, — почти торжественно сказала Сан Санна, — вот какое у вас дело...

— У него, — уточнил Фальков.

— А он что — сдурел? — с презрением сказала бабушка. — Пусть лучше проваливает...

— Вы и мне так говорили, помните? — сказал Боря. — И что? Ничего такого... И почему у вас такое предубеждение? Ну, прабабушка — понятно, а вы... Или вы тоже в Бога поверили?

— В черта, — мрачно возразила бабушка. — У озера, где хмель растет. Вот что, Бориска... завтра же с утра поезжай обратно в Москву! И композитора своего забирай. Нечего вам тут делать. Поезжайте пока по добру и учитесь там, хотя и неизвестно — чему вы там можете учиться...

— Но послушайте... — начал было Баркалов, однако Фальков перебил его:

— ... действительно, бабушка, с чего бы это Славе не посетить Каллистово, а мне не навестить своего знакомого? И даже больше, чем просто знакомого...

— Даже больше, чем... — прошептал Баркалов.

— И все-то вы намеками — чем он плох, по-вашему? Скажите прямо, без выкрутасов. А по-моему — интеллигентный человек, репутация самая...

— Репутация! — наконец вскричала и бабушка. Боря никогда еще не видел ее такой взволнованной. — Да лучше бы ты навестил... *знакомых из барака!* У них репутация все-таки получше!

Это было сильно сказано, если знать — какая репутация была у упомянутого барака. Куда сильнее, чем высказывания на кульминациях пьес Островского, с настоящей страстью разыгрываемых ею когда-то на приисках. И прабабушка, оценив это, застонала в своем чуланчике. Внук тоже отлично понимал этот язык. Барак, а точнее — те, кто в нем жили, барачные, имели в окрестных поселках такую репутацию, хуже которой придумать было нельзя. Им приписывали полный ассортимент грехов, существующих в мире, и всевозможные их гибриды. Драки, пьянство, разврат... все это были мелочи, упоминавшиеся лишь при детях. Каждый житель поселков хоть раз в день, но упоминал барачных, и в тоне малоуважительном. Боря с детства знал о бараке. Как многие другие, бабушка выплачивала в праздники добровольную дань трехрублевой бумажкой его гонцам. Попробуй, не заплати, если дом деревянный! И притом бабушка, как и все прочие, приговаривала, что дело доброе — всегда доброе, даже если оно делается для самого плохого в этой жизни: для барака. Так вот, бараком называлось всего лишь длинное дощатое строение на холме между Каллистовым и Ашукинской. В нем некогда поселили рабочих, строивших железную дорогу. Для подрядчика, известного миллионера Мамонтова, строительство кончилось, как известно, печально: смертью. Но дорога как-то была достроена и в бараке продолжали жить какие-то люди. Их количество увеличилось за полвека раз в пять или шесть, а качество изменилось в неизвестную сторону — уже давно было нельзя определить, кто и чем там занимается, чьи именно дети бегают с пяти лет в овес парами, кто пьян мертвецки, а кто окончательно мертв. И даже пол иного существа, проживающего вповалку на заплеванных полах проку-

ренных клеток, подчас определить было затруднительно. Если, конечно, там кого-нибудь интересовал чей-нибудь пол. Короче, это было по-настоящему сильно сказано. И Боря это понял.

— Пойдите, Сан Санна... — волнуясь, сказал Баркалов. — Объясните нам... мне толком... Или ты, Боря, объясни! Что это? Какой барак? При чем тут этот, Гнедич? Да скажите же толком...

— Э... — Фальков сморщил нос и очки "Патент" полезли ему на лоб. — Мой удел — полная неинформированность. Однако насчет Гнедича — тут я пас: я у него брал в детстве уроки музыки, когда приезжал сюда на лето. И скажу — отличный, заметный человек. Немного неудачник. И все. Но с тех пор я о нем вот только такие речи и слышу. Неужто из-за того, что он неудачник? Или оттого, что музыке учит? А, бабули? Ведь, насколько мне известно...

— Щенок ты! — отрезала Сан Санна и поднялась из-за стола наподобие восставшей горы. — Знаешь — не знаешь... Тебе и не положено знать. Какой он тебе, сморчку, неудачник? Неудачники самый безобидный народ. А тебе знать нужно только одно: завтра же назад, не то матери напишу. Будет, отдохнул. И товарища своего — забирай.

— В чем же тут все-таки дело? — крикнул ей вдогонку Баркалов. — Хоть слово! — А в том, — с порога обернулась бабушка, — что барачные, в отличие, несчастные. И хватит! Ляжете на веранде, небось не замерзнете. Не замерзнете?

— Не замерзнем, — одновременно сказали гости. В чулане звонко прогремело что-то металлическое. И Баркалов вспомнил топор в руках проводницы, и заснеженное Лодейное Поле, и ощутил прикосновение к лопаткам ледящей цыганской иглы.

Им постелили на веранде. Перед тем, как улечься, они сходили в маленький сад где стоял полусгнив-

ший деревянный нужник. Даже в темноте было понятно, что сад давно заброшен. Вдоль заборчика протянулись высокие кусты то ли малины, то ли смородины, между ними шли бесформенные грядки, обросшие жесткой травой. Из разноцветных стеклышек веранды проливался неровный свет на листья двух тощих рябинок. Они молча сходили туда и обратно. Баркалов, кажется, дулся. А Фальков молчал потому, что весь сегодняшний фантастический день, и вечер с его разговорами, и сам Баркалов казались теперь ему не просто странными, а и притягательно таинственными. И несомненно заслуживающими интереса. Молчание его было таким образом полно смысла, так как позволяло ничем не потревожить, не нарушить только что наладившийся новый удивительный порядок событий, на первый взгляд представлявший собой совершеннейший хаос. Их молчание продолжилось и позже, когда они улеглись: один на кожаном скрипящем диване, другой на проваливающейся глубоко в преисподнюю сетке металлической кровати. И светящаяся темнота вокруг них, и еле заметные блики от разноцветных стеклышек, гулявшие по потолку, запах керосина и шелест рябин за окном, все это входило в них, лежавших с открытыми глазами, рождая ощущение незащитности и заброшенности своей, а также твердую уверенность в том, что они вместе ступили на общую тропу, с которой не свернешь, и на которую лучше бы их не заносило. Вокруг них ходили, насильно опуская веки, старая луна, горько-сладкие запахи из сада и гулкий бой часов из-за стены. Между всем этим ходила по кругу тишина, такая, какая, вероятно, ходит в преддверии ада. Лишь взбрыкивал изредка во сне Баркалов со стоном, когда в грохоте и визге проносящегося рядом с домом поезда

качался бревенчатый дом. Лишь, еще реже, переворачивался, скрипя сеткой кровати, на другой бок Фальков, когда в чреве дома раздавался могучий посвист храпящей Сан Санны. И бесшумно скользила по комнатам, как вьюн или кикимора, то с маслицем для лампадки, то с дровами для печки недремлющая, что ли, никогда прабабушка, безымянная и бессловесная. Открывавшая свой рот только для того, чтобы проклясть ненароком чавкнувший бот.

Проснулся Баркалов утром, когда солнце пригрело ему веки. Он разлепил их и похолодел: над ним склонились обе старухи и напряженно разглядывали его лицо. Взгляды их были поразительны, будто они изучали не человека, пусть незнакомого, а неизвестное им насекомое или вонючее хищное животное. И успел заметить Баркалов, что они как бы сравнивали его с Борей, переводя глаза туда-сюда, с дивана на кровать, и выражение их не менялось от того, что в поле их зрения попадал внук. Или правнук. Когда Сан Санна увидела, что Баркалов раскрыл глаза, она сказала с брезгливостью и в голосе:

— Пора вставать. Я и расписание присмотрела. Электричка на Москву через сорок минут. Успеете как раз...

И увела прабабку на кухню. Гости встали с чувством, оставшимся с вечера, вместе переживаемого, объединившего их предприятия, границы и смысл которого были пока непостижимы. И потому не требовали обсуждения. По-прежнему молча они вышли к столу и позавтракали. Сан Санна тоже не возвращалась к разговорам, про прабабушку и упоминать не стоит. На завтрак были пирожки с луком и чай. До электрички оставалось минут десять, когда они распрощались со старухами и вышли на крыльцо. За их спинами громыхнул

дверной крюк: провожать явно не собирались. Пройдя половину пути до станции, они одновременно остановились и обернулись назад. Дом стоял тихий и серый. Сбоку к нему наклонилась чахлая рябинка. Ни дымка, ни малейшего признака жизни... И тут они увидели, как занавеска в маленьком окошечке на кухне заколыхалась, поползла в сторону, открыла темную щелочку — и успокоилась в новом положении. И на место не вернулась. Легко было вообразить, как наклоняясь одна над другой, обе старухи двумя глазами на двоих с нетерпением подглядывают за ушедшими.

— Мои бабки тронулись совсем, — сказал Фальков, — от одиночества.

— Несчастные, — сказал Баркалов таким же тоном, каким Сан Санна сказала то же о барачных. Они понимающе переглянулись и рассмеялись.

— Так, говоришь, минут двадцать ходу?

— Может и двадцать пять, — согласно кивнул Фальков.

— А что... — на миг задумался Баркалов. — Так оно даже глаже... Пошли!

— Почему бы и нет? — с ощущением какого-то восторга под ложечкой ответил Фальков и сразу же свернул вправо. Баркалов за ним. Они пересекли картофельное поле и углубились в лесок, издавна называемый парком. За парком сохли два пруда с плотинкой между ними. Дальше лежало холмистое поле, направо более ровное. За ним стояла старая полуразрушенная церковка, а еще дальше, отсюда невидимый, притаился знаменитый барак. Через поле пробежало Владимирское шоссе, касаясь петлей опушки Хотьковского леса, в котором и располагалось Каллистово. И далеко-далеко тянулся этот запутанный лес, с его ледяными речками и оврагами, густым орешником и

редким сосняком, с подземными и наземными заводами, вплоть до Троицкой Лавры, до самого Загорска. В лесу было сыро и пахло грибами. Путники прошли парком, перебежали плотиной пруды, не заметили, как кончилось поле, и через двадцать минут уже пробирались сквозь орешник, застывший узкую тропинку. Еще минут через пять они вышли к небольшому, с одной стороны заросшему камышом, озеру. На его левом берегу продолжался сосняк, на правом, за высокими рядами хмеля, по-видимому — заброшенная плантация, виднелась темно-красная черепичная крыша. Она издали бросалась в глаза, резко отличаясь от принятых в этих местах тесовых или жестяных. "Тот самый дом", понял Баркалов. Фальков повел его берегом к маленькой полянке, на которую выходил фасад дома. Он был каменный, с облупившимися стенами и надломленными углами. Шатровая крыша покрыта разбросанными в беспорядке чердачными выступами и мезонинами. Окна почему-то выходили только на одну сторону, к фасаду. Остальные три совершенно слепые стены производили странное впечатление, усиленное молчаливыми рядами хмеля, чернотой леса позади и по ту сторону озера, желтая поверхность которого отражалась в стеклах фасада, впечатление, будто дом построили где-то далеко отсюда, в Европе, давно, лет пятьсот назад, и потом перенесли его сюда, по дороге трахнув его пару раз о пограничные столбы с гербами. У дома было два этажа и не было крыльца: уровень первого этажа совпадал с уровнем полянки. Странное впечатление, вызванное видом этой почти крепости, как бы рассчитанной на осаду из леса, превратилось в тревогу, когда стало видно, что единственная дверь, выходящая к маленькому заливику озера, настезь

распахнута, словно здесь всегда ждали гостей. Или нарочно ждали Баркалова с Фальковым. В лесу кричало диким голосом неизвестное существо, возможно — птица. Немного поколебавшись перед порогом, путники вошли в открытую дверь и сразу попали в темный коридор, детали которого было невозможно рассмотреть. В его противоположном конце находилась вторая дверь, на этот раз закрытая, Фальков несмело стукнул в нее костяшками пальцев и затем толкнул, поскольку ответа не было...

Они робко вошли и огляделись. Вернее — хотели оглядеться, так как успели заметить только огромный круглый стол посреди комнаты, накрытый сверкающей золотом скатертью с черными петухами или павлинами. И больше они ничего не успели заметить, а именно — Баркалов ничего не смог увидеть, потому что в этот миг из-под небывало огромного стола, из-за свисающей на пол невероятной скатерти с неопишуемым воплем, от которого и Фальков покрылся липким потом, вынырнуло абсолютно нагое существо, скрюченное штопором, с телом, как показалось, усеянным дырочками вроде сита, длиннющими волосами и, может быть, хвостом, и кинулось в боковую, незамеченную ими сразу дверь. И с грохотом захлопнуло ее за собой. Фальков напоследок успел или вообразить, или на самом деле опознать на месте, где должен был находиться затылок удирающей твари, наполненное желтой маслянистой жидкостью полупрозрачное сооружение, напоминающее аквариум. А в следующий миг его окатила волна дурноты. А Баркалов тут же издал не менее ужасный, чем у мерзкой твари, свой крик, отшатнулся, шарахнулся головой на тонкой шее о низкий косяк, простонал легонько... в глазах его вспыхнул и по-

гас неведомый огонек... комната вдруг поехала в сторону и далеко-далеко, куда-то за Загорск... из соседней комнаты донесся еще один, ослабленный ответный сигнал — и он всем развинченным несладывающимся телом своим грянулся об пол.

Фальков зажмурил глаза и попытался сдержать тошноту...

ИНТЕРЛЮДИЯ

1

Если бы Баркалова спросили в тот миг, когда он открывал засов на темной кухоньке: "что это ты, голубчик, здесь делаешь?", то без сомнения в ответ услышали бы: "ищу свое колечко". А если бы его затем прижали и снова спросили: "какое же колечко может найтись тут, в полной темноте, вместо того, чтобы лежать там, куда оно укатилось — в подполье, а ты, голубь, вместо того, чтобы взять фонарь и полезть туда — что же ты делаешь здесь?", то и тогда бы он только похлопал глазами и сказал: "и действительно — как же это я!.." Скажем больше: зачем вообще было двигаться куда бы то ни было, если можно было просто посидеть за столом, пока хозяину станет лучше. На худой конец, — попытаться чем-нибудь помочь этому, кстати говоря — гостеприимному, человеку! Или на еще более худой конец сделать то, что сделал бы на месте Баркалова любой нормальный студент: нормальный взял бы со стола, за которым обедали еще рыцари короля Артура, книгу с золотым корешком — где и когда ему подвернется другой случай, узреть такую книгу! — и открыл бы ее случайно там, где давеча открывал Гнедич. И прочел бы

до конца главу, из которой хозяин выдернул короткую цитату, как это до него делали те, кого он в том же и упрекал, главу из трактата "Асклепий", номер 15, "Пимандр", Гермес Трисмегист. Нормальный прочел бы: "Ты уже плачешь, Асклепий? Напрасно, наступят еще худшие бедствия. Отвращение овладеет людьми и мир перестанет внушать им удивление и благоговение. Все благо этого мира, величайшего из всех сущих и бывших, станет предметом сомнения. Тяжело станет людям, и с презрением и ненавистью отвернутся они от мира, нетленного творения Бога, восхитительного построения из благ и всевозможных форм, орудия воли Божьей, щедро расточающей дары своему творению, единой совокупности всего, что должно вызывать поклонение, хвалу и любовь созерцающих. Тогда мрак станет предпочтительней света, смерть признана лучшей долей, чем жизнь, никто не станет любоваться небом, благочестивый прослышет безумным, нечестивый — разумным, бешеный сойдет за доблестного, порочный за доброго. Душа и все ее свойства, в силу которых она бессмертна или надеется на бессмертие, станет не только предметом насмешки, но и пустым звуком. Верьте мне: опасности жизнь свою подвергнет тот, кто останется верным разуму. Новые возникнут нравы и новые законы. Не останется ни святого, ни благочестивого во всем, что люди будут исповедовать. Боги на горе людям удалятся от них и останутся только демоны зла. Они, пребывая среди людей, наложат свою руку на этих несчастных и станут побуждать их ко всем проявлениям безумной отваги, войне, хищениям, обману, ко всему, что противно природе души. Тогда земля перестанет быть твердой, море судоходным, небо откажется служить ристалищем для светил, светила —

кружиться по небу, всякий глас умолкнет в вынужденной немоте. Плоды земли испортятся и сама земля перестанет быть плодородной, сам воздух отяжелеет в унылой неподвижности. Так наступит старость света: нечестие, беспорядок, несоразмерность всяких благ. А когда это настанет, Асклепий, тогда тот владыка и отец, всемогущий правитель мира, сопротивляясь по своей благодати своей волей злу, истребит его либо потопом, либо пожаром, либо моровой язвой одновременно в разных местах, либо руками самих людей. Он возвратит миру прежний облик, чтобы он снова стал предметом благоговения и удивления, чтобы он сам, и его творение, он, его создатель и возродитель, был бы снова возвеличен в славословиях и благословиях новых людей". А прочтя все это, любой нормальный смог бы без того надрыва. без тех волнений, неприятностей и поспешности, которые выпали на долю Баркалова, закрыть книгу как раз ко времени, когда пришедший в себя Гнедич снова появился в столовой комнате. И вот так спокойно сидя у Круглого Стола, не пачкая костюма тальком, а рук — румянами, не холодея и не потея, узнать то же, что такой ценой узнал Баркалов. Узнать, наконец, ту потрясающую душу новость, которой по меньшей мере уже пять тысяч лет: что наша с вами жизнь сложна и время нехорошее. А потом и восхититься этой мыслью, ничем не рискуя и лишь пошевелив слегка пальчиком, и даже не послушив его.

Подтвердим и мы: что касается времени, то оно действительно — ничего такого, хорошего. Чтоб того же "Пимандра" прочесть, нужно знать латынь или греческий. Пойди, найди такого нормального студента, чтобы прямо из гимназии! Опять же — задания переппадают такие, что без спецподготовки

никуда. И тут сложности, как говорится: деньги к деньгам. Нищему Баркалову — пухлая голова и нервные срывы, а какомунибудь миллионеру и заданьице полегче: попить пиво в бане и оплата посоответственной. А притом, как на это ни глянуть, все равно штамп. Все отпечатывается, а затем отпечаток приходит в негодность, получается штамп. Уж куда, казалось бы, Хлебников со своими волнами времени! А и тут штамп. Под знаком двойки 4 октября растолкал волны Онежского озера летающий предмет и разошлись те волны к самым низинам и самым вершинам государства. И вот совершенно неизбежно под знаком тройки — 21 октября, 21 деленное на 7 равняется 3 — отразившись от берегов идет обратная волна, мстительная и разрушительная. Непременно! Чем не штамп? Возьмите хоть студента нормального, подрабатывающего настройкой инструментов, Курманаева. Мало ли, много ли, а все же перепадало ему рублей десять-пятнадцать в неделю. То, глядишь, частник объявится, то профессор Миних вызовет — тут, между прочим, Курманаев частенько голову ломал, почему именно он понадобился. Ведь были же в Москве и не такие настройщики, как он! Асы! И с именем. Впрочем, выяснилось, что именно из-за имен они Миниху не подходили, слишком громкие. Занятым было также то, что когда Курманаев приходил в особняк с колоннами и присаживался за инструмент, то сбегалась куча народу и все слушали, как он настраивает, и даже записывали на магнитофон. Сначала он удивлялся, ведь играть-то на рояле он абсолютно не умел, был скрипачом, а слушали его, словно Рихтера, а потом перестал: деньги шли и ладно. Хотя, по чести, возмущительное внимание! Но он помалкивал: от Миниха частенько перепадали вызовы к частникам. Да

и свои деньги он платил исправно. И вот именно 21 числа, под знаком тройки, штамп, профессор и сунул Курманаеву очередной вызов — за городом, в Каллистово, к некоему Гнедичу. Чем это кончилось — известно, нагоняем. Но этого проклятой тройке было мало, надо было загнать студента в стойло. И вот что случилось дальше... Гнедич выставлял его таким образом, что Курманаеву стало очень обидно. Ему еще не приходилось выслушивать такие вещи. Хотя он и понимал, что вполне мог и заслужить. Вернувшись в Москву, он немного клюкнул с товарищами по общежитию и отправился наверстывать упущенное к другому частнику, завалывавшемуся еще с августа. При этом студент захватил с собой недопитую бутылку водки. После, примерно, часа работы Курманаев устал и начал потихоньку прихлебывать из горлышка. Еще через час оказалось, что пианино частника куда больше расстроено, чем вначале. И кроме того — два демпфера не хотели работать, чего раньше не было, а один из молоточков глядел в другую, противоестественную сторону. Курманаев загрустил и задумался. И его осенило: если он сам устал и не может работать без подкрепления, то почему он этого требует от несчастного немого инструмента? Да ведь он, славный мой, хочет тоже водочки! И Курманаев стал вливать понемногу водку в механику пианино. За этим занятием застал его частник... Вот что сделала с невинным студентом мерзкая тройка! Отныне он не мог надеяться ни на имя, ни на даже частников, которым имя не нужно, ни на сколько-нибудь регулярный доход от настройки. Тот частник оказался препротивным: поднял большой шум. Спасло Курманаева только то, что в дело вмешался тот же Миних, замолвивший словечко как в консерватории, так и в лабора-

тории. Ну и то, что сам студент придерживал язык за зубами. Однако с тех пор регулярный доход он мог иметь только от массовок — а, сами посудите, каков этот доход? Штамп!

Каждому, разумеется, в этом штампе свое место. Кому положено и туда и обратно только терять, кому — по-разному, а кому в тех же направлениях только приобретать. Одному любая серьезность, продиктованная жалостью к бессловесному инструменту или там еще чем-нибудь к кому-нибудь, боком выходит, и очень дорого, а другому любая шутка — задаром. Вспомнить хоть песенника-миллионера Богословского, ему — с чего плакать? Пива выпил, все, что потребовалось, исполнил, шутку пошутил, начальство довольно, посмеялся в свое удовольствие — и бабочка в крапинку на своем месте: никто, знаете, за горло не схватил, ни даже вон не выгнал. И под знаком тройки — тоже ничего такого, даже напротив! Перед седьмым ноября позвонил ему шут Вольф Мессинг и пригласил вечером к себе отметить дату. В знак того, что зла не помнит. Впрочем, за Мессингом ходили слухи, что он вообще ничего не может помнить, профессия мешает. За него ассистентка помнит, красавица. И попросил Мессинг Богословского прихватить с собой сколько можно посуды, столовых приборов, ножей и вилок — всего побольше, поскольку он холостяк, не считать если ассистентки, а с нее толку мало, получил новую квартиру и не готов к принятию того количества гостей, какое ожидается. Он назвал их слишком много, по той же плохой памяти. Слишком — но каких гостей! Тут тебе и восходящая Офелия Вертинская, и заходящая, почти из-за горизонта не видимая Гурченко, тут видный от горизонта баскетболист с непроизносимой латышской фамилией и не види-

мый за табуреткой лилипут из цирка без фамилии вообще, тут за неимением Первого — Второй космонавт, затем коллега-миллионщик и анахорет казак-писатель Шолохов, а рядом его смертельный враг Эренбург, и между ними начинающий сорокалетний танцор Эсамбаев. Молодой, не знающий еще своего счастья, художник Глазунов напишет портреты по желанию присутствующих, вместо обычных своих пейзажиков, для истории, и в первую очередь — портрет профессионального, трудолюбивого, ежедневно историю переписывающего, всем нам известного историка Шмеркина. Конечно же среди гостей будет стоять столп композиторских чаяний, заведующий самой центральной кафедрой композиции, отец всех композиторских школ будущего, а сам — профессор, Миних, который покажет в этот день обещанную в двадцать первом году музыку. Да еще этот, певец, как его... Эсам... нет, это уже было, Магомаев! Кстати, он сделал себе голос сам! И удивительнейшим образом: кричал на берегу Каспийского моря в шторм по пять часов в день. А потом съездил в Милан и покорила Ла Скала. И больше туда ездить не хочет, говорит — Каспийское милей. Помните: "милей, запомни это слово, журавле-о-о-нок"? После него сыграет перед отъездом в Исландию пианист Ашкенази, нет, не дядя, не Додик, и только мы его и видели... Нет-нет, из балетных никого не будет, квартира маленькая. Урбанский? Нет, тоже не будет, он в Средней Азии. Конечно — пьяный! Адрес? Пустыня... Ах, мой? Пиши, конечно... Мазутный проезд, 14/5, корпус 8, квартира 67. Что? Нет, дробь пять. В общем, Никита, захвати побольше этого барахла и часов в одиннадцать вечера, удобно? У тебя выступление как раз до одиннадцати? У меня тоже, значит — отлично. Кстати, об Исландии... Между нами: будут из одно-

го посольства, так что в грязь лицом, сам понимаешь... Ведь этого нашего, как его — Уодсворта! — кажется того, в двадцать четыре часа. Но он забежит попрощаться. Ждем, Никита! Вот и красавица моя кричит — ждем! Учти: до двенадцати не будешь — не пустим. Ха-ха-ха, пи-пи-пи...

Вот и пожалуйста, кому — что: одному нервишки, тальк и мучения, другому от ворот поворот, а третьему — ужин в блестящей компании. Точно, обратная волна времени есть тот же штамп. Богословский вызвал такси на половину одиннадцатого к Колонному Залу, где проходило его выступление. Машина пришла вовремя и ждала в переулке у Большого театра. Шел дождь вперемешку со снегом. Богословский откинулся на мягкую спинку заднего сиденья и помчался в Сокольники, предвкушая веселый вечер и омрачаясь лишь одним: предстоящим отказом от жирного. Пошаливала печень. Рядом покачивалась огромная корзина с посудой и бренчала на ухабах, не хуже того ударника в Колонном Зале. Москва пылала праздничными огнями и транспарантами. На Центральном Телеграфе полыхал громадный герб. Строящийся дом на проспекте Калинина был увешан лампочками и символизировал свет знаний, поскольку в окончательном виде должен был напоминать стоящую на боку открытую книгу. Любите книгу! ... завещано. И разведчик Хабель любил: он забил себе квартиру именно в этом доме. А пока сидел в какой-то дореволюционной и мечтал. То есть — скучал. Он не привык к всенародным праздникам, а пить ему было нельзя: сердце. И поскольку местные сердечники плевать хотели на запреты, в отличие от него, то он остался в одиночестве. Кажется, позвал бы даже сердешного Пауэрса! Да нет, хоть тот и был ближе, чем, скажем, Урбан-

ский, географически, но что, скажите, есть у нас географически ближе локтя? Локтя товарища, разумеется... Проспект Мира был пустее среднеазиатской пустыни и оттого казался в свете юпитеров неприлично голым. Такси без помех посвистывало ветродувами и благодущный Богословский, вспомнив двенадцатичасовой срок — как бы и в самом деле не пустили, случайно... впрочем — знаем мы такие случаи... — повторил ненароком инспектора Федорова, некогда провожавшего на петрозаводский вокзал обоим им знакомого Баркалова. "Шеф", сказал Богословский, "на спидометре, кажется, триста. Так почему не летим?" Шеф засмеялся, показывая в зеркальце прокуренные зубы. Бабочка придавала Богословскому иностранный вид и таксист был настороже. Иначе бы, конечно, применил к нему формулу, опять же — случайно напоминающую ту, баркаловскую. У Выставки машина закрипела тормозами и свернула на Мазутный проезд. Корзина больно придавила печень Богословского и это поумерило его благодущие. Он представил себе, как потащит ее на своем собственном горбу, что уже имело место в Колонном Зале, и вздохнул. Затем он решил привлечь к корзине таксиста, но глянув в зеркальце на его прокуренные зубы, связываться не захотел. И это не прибавило ему благодущия. Поэтому он испытывал одновременно самые противоречивые желания: с одной стороны — нужно было спешить, чтобы попасть на место до двенадцати, с другой — хотелось подольше нежиться на мягком сиденье рядом, а не под корзиной. Но... рано или поздно — Мазутный проезд, или какой-нибудь ему равноценный, достигается и нужно выходить, не глядя на противоречия: приехали. Кряхтя, взвалил Богословский на шею свой крест и направился к лифту. За спиной

взвильо удалявшееся такси. Лифт, разумеется, не работал. А квартира 67, разумеется, по расчетам выходила на седьмом этаже. Потев и проклиная все, что в голову приходило, миллионщик поплелся по нехоженной в пупырышках, лестнице наверх. Не было ничего такого в целом мире, чего бы он не проклял за длинный свой крестный путь: ничего порочного и ничего святого. Сама земля под этим и другими домами была им предана анафеме и отлучению от всяких благ. Но даже крестный путь когда-нибудь кончается, и вот он уже стоял, утирая пот, катившийся из-под каракулевой, за пятьдесят рублей новыми, шапки. Рядом на площадке громоздилась проклятая им сторицей корзина. Звонок тоже не работал, но это было уже в порядке вещей. Площадка неприятно поражала глаз безлюдьем и тишиной, несмотря на то, что на нее выходили три двери, а на улице был праздник. Богословский постучал костяшками пальцев и чертыхнулся: получилось глухо и в то же время болезненно. Он заколотил в дверь кулаком и стучал так долго, что озверел. На часах была всего лишь половина двенадцатого. Он принялся стучать ногами... и это принесло успех: дверь отворилась и перед ним явилась дама лет пятидесяти в пижаме, заспанная и недоуменная, с волосами, наверхченными на бигуди, и со щеками, намазанными кремом. С гневом и изумлением признал в ней миллионщик кассиршу театра Эрмитаж, более не существовавшего в природе. Кассиршу, с которой у него лет двадцать назад был теперь тоже несуществующий роман. Минут на двадцать, не меньше. Дама нельзя сказать — тоже была поражена, напротив — обрадована. Но между прочими предложениями сообщила, что вечеринку еще днем перенесли на другую квартиру, поскольку на этой слышимость потрясающая,

а соседи скверные. А когда перенесли, то ее саму, хозяйку этой квартиры, пригласить забыли и адреса новой не дали, не удивительно, что и с вами, Никита, так обошлись. Впрочем — они недавно звонили, и пригласили, и сообщили, но было уже поздно, и она не поехала. Что поделаешь? Одинокая женщина... И по такому случаю — может быть Богословский зайдет? Услыхав ее предложение, миллионщик ретировался столь поспешно, что забыл про свою корзину. Дама остановила его и напомнила о кресте, и заодно подсунула адрес новой квартиры — но, может быть, все-таки зайдете, Никита? Богословский, внутренне и внешне ругаясь, записал новый адрес. И взвалил на плечи корзину. Дама с сожалением смотрела на него. Когда он вышел на улицу, лил настоящий ливень. Каракулевая шапка немедленно намокла, отяжелела и превратилась в баранью. Миллионщик застыл от унижения: сколько хватало глаз в обе стороны смазанного ливнем Мазутного проспекта тянулась пустыня. Ни пешехода, ни машины. Весь перепачканный снаружи и изнутри чем-то вроде вонючего мазута Богословский поднял корзину на плечо и пошлепал по лужам к Выставке.

Вот так штука! Какой-то там рыбный инспектор Федоров лопает, значит, мисками красную икру в своей теплой квартире на берегу прекрасного озера, какой-то там актеришка Урбанский греется на летнем солнышке в ноябре, какой-то шут слушает миланского тенора — а он, всенародный песенник и миллионщик, топает по скользкому мазуту в ночном одиночестве и тоске с громыхающей тяжелой корзиной на шее! Вот так тройка: будь проклят этот непреклонный штамп! Только на Проспекте Мира Богословский сумел поймать такси. К тому времени он вымок до нитки и обеспа-

мителей от проклятий. Погрузясь снова на заднее сиденье рядом с корзиной, миллионщик смог выговорить лишь: "Центр, мать твою...". И взлетел на скорости триста километров в час над городом. Огни Москвы гасли один за другим, боковые улочки уже давно погрузились в экономию электричества. Навстречу попадались только грузовики. На часах была половина второго, когда они влетели в переулок Станиславского. И там размякший, согретый в такси миллионщик снова взвалил на себя гремющий крест свой и повлек его на Голгофу: в дом номер 12, квартира 2. Он уже не был похож на иностранца, а напоминал казаха в бараньей шапке, проводшего зиму на высокогорье вместе со своими баранами. И еще больше стало это сходство, когда он обнаружил, что дом номер 12 находится против отлично ему известных Чернышевских бань: поскольку в его голове мелькнула смутная догадка, то лицо приняло бессмысленное выражение, как если бы упомянутый казах, спустившийся со своей отарой в аул родной, обнаружил там небоскреб и перед ним — памятник Линкольну. Тем не менее Богословский начал наяривать в звонок, прикрепленный на наружной стене дома у подъезда — здание оказалось фирменным, генеральским, что ли? Во всяком случае из тех до-революционных громадных особняков. И в тот момент, когда дверь подъезда стала открываться в ответ на его трезвон, миллионщик яснее-ясного понял, определил словами свою догадку. Перед глазами встало хищное, с обвисшим носом, сопящее и ухмыляющееся лицо Вольфа Мессинга, сбегающего в зал и щупающего карманы своих клиентов. Мессинг подбежал мимоходом и к самому Богословскому, вытащил у него из внутреннего кармана бумажник, а вместе с ним — сердце.

Песенник понял, что и его настигла мстительная откатная волна. Он понял даже более сложную и необычную формулу: все мы смертны. И можно было назвать это понимание единственным ценным приобретением, сделанным Богословским той ночью — не каждому смертному выпадает счастье извлечь из ночи какие-нибудь мысли — если бы цена за него не была такой дорогой. Ведь на том дело еще не кончилось...

Из открывшейся двери к посетителю вышел не кто-нибудь, и не один, и не даже — одна, а сразу двое: в штатском и в милицейском. Охрана! сообразил опытный Богословский. И... Что, однако, случилось дальше — не рассказывал даже он сам никому и ни при каких обстоятельствах. Так что мы не имеем возможности привести тут подробное изложение дальнейших событий. Но!.. Москва слухами полнится, а шут Мессинг и бетховианец Шостакович, и множество других москвичей, над которыми в свое время подшутил Богословский, все они с большим удовольствием носили эти слухи друг другу, и недруг недругу. И согласно слухам миллионщику перепало в ту ночь столько, сколько не перепало бы даже в том случае, если бы он объездил всю страну верхом на черте или на палочке. Сторицей, так сказать... И то верно, что есть эта Москва, как не сторица всей нашей родины? А стало быть все то же, но умноженное на сто. И вот согласно этим слухам самым невинным было то, что его сначала приняли за иностранного агента Уодсворта, скрывающегося от высылки из страны в московских переулках, а потом за иранского агента, замаскированного под среднеазиатского пастуха. И в том и в другом случае было ясно, зачем миллионщик прорывался в дом 12. Сам он вдобавок признал, что имел намерение попасть в

квартиру номер 2, у него нашли и записанный адрес. А ведь именно в этом доме, и в этой квартире проживал на покое не кто-нибудь, а народный герой Хабель, ушедший на покой, охраняемый в том числе и ими двумя — в штатском и в милицейском. Интересно, что бы подумали в той ситуации вы сами, кто бы вы ни были, если б вам поручили охранять чей-нибудь покой, а тут — звонок в два часа ночи, стук, баранья шапка, корзина с металлическим бряканьем! ... Уверен — то же самое. Тем более, что даже если второй номер квартиры фигурировал только в качестве маскировки, а эта возможность тоже должна быть учтена, дело не изменится ни на волосок: во всех квартирах этого дома кто-нибудь да проживал на покое. А уж когда ниточки потянулись от бараньей шапки к только что высланному Джеку Уодсворту... В общем — будем говорить: неизвестно, что перепало миллионщику в ту ночь, вернее — утро. Зато точно известно, что *не* перепало. А из того можно судить и о первом. *Не* перепало ему: тюрьма и высылка в двадцать четыре часа за границу, или даже за стопервый километр, фельетон в центральной газете и расстрел через повешение, секвестр на его миллионы или государственная премия, или... Но! С тех самых пор песенник ходит исключительно в темных очках, любой может убедиться, хотя и носит ту же бабочку. Из чего делается слишком поспешное, может быть, заключение, что ныне он предпочитает все же быть похожим на иностранца, нежели на казаха. А стало быть очки ему служат вовсе не для того, чтобы скрыть воровской какой-нибудь потайной фонарь под глазом, в несмываемых багровых тонах, а чтобы хоть немного смягчить бандитский, коварный, бегающий куда не следует, вражий взгляд.

Так что, милые, кому — книгу с золотым корешком почитать на латыни, а кому — ползать по чужим кухням, обмирая, обсыпаясь тальком и нафталином, и кому — носить потом темные охранные очки. Все это равно, и по значению одинаково: три плюс два, как гласило название популярного в том году фильма, то есть — три шага вперед и две назад, как пелось в популярной тогда же песенке, а в еще более популярной подтверждалось: утки все парами, как три барышни, а в сумме стабильная пятерка, не имеющая другой середины, чем эта самая тройка. Впрочем, что это... уже не три барышни, а только две! И значит — штамп не для всех и не каждому? Ну нет, напротив... Это значит лишь, что у кого-то начался новый цикл, кто-то первым ступил под новый старый знак — двойку, кто-то должен это делать первым — ведь времена-то сложные! И скорее всего первым должен оказаться тот, кто осыпан тальком. Так ты плачешь, Асклепий? Не стоит, впереди еще более сложные времена. Придут худшие бедствия, и конечно самым худым будет проявление безумной отваги. Не плачь, Асклепий, пройдут дожди, солдат вернется, ты только жди. И когда тебя спросят, что ты тут в этой сложности потерял и почему стоишь здесь, потерянный сам, что ты ищешь с фонарем под глазом в темноте среди бела дня, скажи: "золотое колечко с носа". А если спросят, почему ты, дурак там или сволочь, ищешь его там, где ему быть не должно и не положено, то покрути голым хоботком своим и удивись:

"И действительно — что же это я на самом деле-то?"

И добавь: "А вправду — что же это я, сволочь?"

И тащи побыстрей оттуда подобру-поздорову

свой гремящий крест, и пошевеливайся: могут и крест не дать унести, твой собственный, а не то что — душу или благоговение с другими ценностями. И потому — пошевеливай ногами! Хоть их, бессловесных, унеси!

Выросших, бесспорно, из задницы.

Где-то на рубежах синевы...

* * *

Где-то на рубежах синевы,
где грачи-печенег,
и валы крепостные, и рвы,
манна града апрельской травы
побивает побеги.

Манна града и крошево льда
уносимого или
ветхих ветел новы невода
по-евангельски были...

В тусклом небе опять
разгорается пламень лохматый,
и с орбиты его не согнать
стрел всех стае пернатой.

На стене, по холмам
с амбразурами в копоти пегой
неприступно змеящейся там,
потягаться бы нам
хоть и с паном Сапегой.

.....

Слушай на ухо: суть
путь из варягов в греки,
тоже и мой путь.
Словом — тебе на грудь
издалека навеки.

Грохот товарников
стих в черепной коробке.
И от подснежников
бело-лиловы сопки.

Где-то на рубежах
темных — к меже межа
и глубоко в могилах
сумеречно свежа,
(братская же с ножа!)
кровь голубеет в жилах.

апрель 87

* * *

В каске лимитная бронь
в Забытославль позабыта.
Великопостный огонь
рвется из сопла зенита —
помню — за тусклым стеклом
старых купе над багровым
вербником с березняком
призрачным многодревковым..

Все прибывающий наш
на сердце средневековый
странствий тех километраж
— стойкий мираж жемчужовый.

.....

Памятен персик резной
и абрикос на апсиде.
Он и теперь надо мной —
белый огонь на орбите.

Ты без греха и теперь,
хоть далека и забыта.
Верно в купе твоём дверь
Господу Богу открыта.

. . . И за размывом стекла
вербных дружин вереницы,
кои растрепом крыла
в будущее звала,
средневековая птица.

апрель 87

И В Ы

*С наклоном стриженной головы
надгробный мальчик беспечно спит...*

1977

Ивы ищут зеркального броду,
их русалочья тяга слепа.
И в слоистую сыплется воду
световая — сквозь гривы — щёпа.

Провожаальщицы конных и пеших,
словом, всякого, кто тороплив,
жены-ивы с куделью затлевших
и прилежно расчесанных грив.

*

Раннемартовской постной триоди
шепоток, наставляющий в путь
трудный — ивы в который проводят
по колено, по пояс, по грудь...

Кем приходится им прикорнувший
нагишом на могильной плите
пастушок иль с откоса нырнувший,
утонувший пловец в пустоте?

*

Не жезлом ли железным пасомы
и рассеяны эти стада?
Дебаркадеры, баржи, паромы
— снятся сироте и в холода.

А еще затекают под веки
между накрепко смеженных доль
в вьюжном мареве серые реки,
столь же быстрые, сонные сколь.

*

Угловатая выгнулась узкая
клеть грудная, крепка и слаба.
Мне слышна и отсюда — тарусская
неизбывная в ней колотьба.

Словно мне там, когда очищается
гладь от перекипевшего льда,

с переправы кричат: "Отправляется!"
И душа понимает — куда.

1987

* * *

Но от века желанное нам.

А.

Солнце в воздухе вешнему верное
перетлело до лобной кости.
Зябко ивам
и зарослям вербным
серо-бархатным знобко цвести.

Были ризницы наши разграблены,
так что глаз от них не отвести.
Были наши ладони расслаблены
с ледяною капелью в горсти.

И глушил нараставший непрошенно,
иссякавший бесшумно вдали
шелест великопостного крошева
в переполненном русле Нерли.

Словно смолкшая наша вербальная,
сквознячками продутая речь
ивы встречные
и вербы дальние
обещала пасти и стеречь...

Из зенитной таинственной скважины
шло свечение тусклое и
нежной музыкой обезображены
были лучшие годы мои.

Это там уже неотторжимое,
навсегда отчужденное — там,
может статься, насильно родимое
истребленное неистребимое
и от века желанное нам.

март 87

Александр ГРАНТ

Заговор муз

Мини-повесть

...15 сентября 1973 года "Правда" опубликовала стихотворение Евгения Евтушенко "Генеральские Эполеты"...

...21 сентября 1973 года "Правда" опубликовала стихотворение вьетнамского поэта Те Лан Виена "День Гнева" (в переводе Н. Разговорова)...

Часть первая. Коричневый пакет и зеленая шапочка.

Пакет впечатлял и разочаровывал. Склеенный из плотной коричневой "крафт"-бумаги словно в знак протеста против всех привычных пакетных форм и размеров, он был неуклюж и даже на первый взгляд бессмыслен — но только на первый взгляд, ибо второй уже успевал прочесть адрес, выведенный крупным разборчивым почерком. И совершалась мгновенная метаморфоза — вдвое сложенный клок грубой оберточной бумаги со

своим неведомым содержимым превращался в предмет государственной важности, в возможную причину будущих волнений, тревог и уж непременно трудов многих занятых людей, — превращался в документ и отношения требовал к себе соответственного. Потому что обладатель крупного разборчивого почерка вывел на пакете: "Москва, Центр, Комитет Государственной Безопасности при СМ СССР". Обратного адреса на конверте не значилось. Анонимка? Ну и что же, что анонимка! На анонимках весь мир стоит. Ведь и народ — понятие так сказать безымянное, анонимное...

Все эти мысли неторопливо прохаживались взад-вперед по широкому лбу начальника отдела анонимной корреспонденции московского управления КГБ майора Андрея Ивановича Шпорникова не тесня и не выпихивая друг друга, словно каждая избрала для своей утренней прогулки одну из многих параллельных морщин, бороздивших майорский лоб, и если дано им где-то пересечься, то только лишь в бесконечности, явно лежащей за пределами лба Шпорникова. Это майор знал отлично, а потому слыл за человека спокойного, рассудительного и вдумчивого.

Свою работу майор любил по-настоящему и за долгие годы службы в органах отлил не один афоризм, многократно повторяемый — кем в шутку, а кем и всерьез — в стенах московского управления. Помимо уже известного "народ — понятие анонимное" майору принадлежали такие фразы, как "Анонимкой не брезгуйте. Анонимка — всегда сигнал!" и "Анонимка — она от великой скромности народной". Будь майор немного философичнее, он непременно пришел бы к выводу, что все на свете — и сам свет — анонимно, безымянно,

скрытно... Но на философию у майора не было времени.

В отделе анонимной корреспонденции под его началом работали еще двое — лейтенанты Печкин и Лавочкин, сотрудники молодые, неопытные и вышедшие из того самого поколения, которое в качестве кадров для органов госбезопасности, положила руку на сердце майора Шпорникова, подходило менее всего. Оба румяные, длинноволосые, высокие, оба в очках, вечно при широчайших галстуках и брюках, Печкин и Лавочкин были первыми насмешниками в управлении, кумирами секретарш и машинисток, причиной постоянных тревог и редких моментов гордости своего начальника. Утешало майора одно — при всей своей похожести лейтенанты постоянно грызлись между собой и не упускали случая досадить друг другу любым из дозволенных в управлении способов. А дозволено в управлении было почти все.

Симпатии майора поначалу склонялись к блондину Лавочкину — он казался майору скромнее, а следовательно — анонимнее. Но вскоре Лавочкин, не посоветовавшись с майором, прикрепил к "своей" стене их с Печкиным кабинета увеличенную копию старинной фотографии — овал, заключавший в себе физиономию молодого человека буржуазного вида в *rinse-nez*, с окладистой бородой и широким бантом шелкового галстука. Соседствуя с непременным аскетическим образом Феликса Дзержинского, этот франтик из прошлого века производил возмутительное впечатление. Но не желая ронять авторитета начальника отдела анонимной корреспонденции, майор упорно не спрашивал у лейтенанта, кто же этот бородач и на каком основании красуется он на стене управления КГБ рядом с самым железным Феликсом. В ано-

нимности овального портрета было даже нечто положительное, некий стимул деятельности майора Шпорникова, залог его постоянного недовольства собой и другими, без которого, по глубокому убеждению майора, не мог работать настоящий чекист.

Загадка "овальной бороды", как прозвал про себя портрет Шпорников, разрешилась неожиданно, но если легализация портрета укрепила авторитет Лавочкина среди сотрудников управления, то в глазах Шпорникова лейтенант пал так низко, что ниже уж и некуда. На торжественном вечере, посвященном сколько-то-там-летию Парижской Коммуны, из доклада, сделанного лейтенантом Лавочкиным коротко и толково, стало ясно, что "овальная борода" — самый юный из комиссаров Коммуны, 24-летний студент-медик Рауль Риго, руководитель комиссии общественной безопасности, а потом и прокурор Коммуны, предтеча железного Феликса, и на стенах КГБ его портрету — самое место.

Хитровато поблескивая дымчатыми стеклышками тонких очков в сторону начальства, ехидно подмигивая аудитории "поплавком" университетского значка, одиноко украшавшего грудь, лейтенант Лавочкин разливался соловьем:

— По выражению Огюста Бланки — идейного наставника Риго в революционном деле, — он был рожден, чтобы стать "префектом революционной полиции". И этот юноша (почти на двадцать лет моложе Феликса Эдмундовича в те годы, когда он возглавил ВЧК) стал именно таким префектом — грозой шпионов и диверсантов. Дезертиров и казнокрадов. Взятчиков и саботажников...

С каждым словом Лавочкина на душе майора становилось все спокойнее и как-то благолепнее. Над очередным "i" была поставлена очередная точка, и поразительно симпатичным показался ему

в тот праздничный вечер его молоденький подчиненный, лейтенант Лавочкин.

После торжественной части был концерт, с которого Шпорников ушел, выслушав только стихотворение, прочитанное самодеятельным поэтом управления, следователем Крынкиным. Называлось оно "Памяти Малюты Скуратова", и запомнил майор из него только одну строфу:

 "Если был бы я Малютой,
 Мигом справился б с валютой —
 Всех валютчиков к ногтю,
 Придавил бы — и тю-тю!"

— Молодцы ребята, — размягченно думал майор по пути домой, — стараются. Держат, как говорится, знамя. Только вот скромности бы им побольше, безымянности, анонимности...

Ночью Шпорникову приснился бородатый Рауль Риго, читавший с парижской баррикады стишок Крынкина.

В майорском фаворе лейтенант Лавочкин пробыл чуть меньше суток. В конце следующего дня тактичный и немногословный брюнет Печкин "случайно" оставил на столе шефа журнал "Юность" № 3 за 1971 год, раскрытый на статье о Парижской Коммуне. Под уменьшенным в добрый десяток раз знакомым овалом портрета помещался полный текст того, что говорил вчера Лавочкин, а заботливым карандашом Печкина было обведено то, чего Лавочкин не говорил:

"Подобно Дзержинскому он опирался на помощь сотен рядовых коммунаров, карая доносчиков-клёветников.

Это по его инициативе Политический отдел префектуры революционной полиции предупредил па-

рижан, что 'анонимные доносы не будут приниматься им во внимание', так как тот, кто прибегает к анонимным доносам, 'служит, очевидно, личной мести, а не общественным интересам' ”.

Обе лейтенантские звезды Лавочкина закатились в такую даль, что о соседстве со следующей звездой в ближайшее время нечего было и думать. Думать надо было о другом. Вот, например, о пакете, склеенном из коричневой "крафт"-бумаги, лежащем сегодня на рабочем столе майора Шпорникова.

— Разберитесь-ка, ребятки, с этим вот сигналом, — негромко говорил майор Печкину и Лавочкину. — Не густо, но, как говорится, анонимка — всегда сигнал. Тут вам обоим работы хватит. Разберитесь, а завтра к вечеру — милости прошу с докладом.

И в спину уже уходящему Лавочкину:

— А вы, Игорь Львович, своего барбудоса-то со стенки снимите. День Парижской Коммуны теперь не скоро, неактуально как-то, голубчик, получается.

Пакет между тем, по справедливому размышлению Андрея Ивановича Шпорникова, впечатлял и разочаровывал. Впечатлял своим таинственным внешним видом и разочаровывал безобиднейшим содержанием. В пакете лежал сложенный номер центральной газеты "ИСТИНА" от 15 сентября этого года и нераспечатанный конверт, посланный неизвестным лицом некоему гражданину Петушенко Е. А., судя по адресу на конверте проживавшему в городе Москве на улице Черняховского, дом 5, квартира 22. На пятой полосе газеты было помещено стихотворение известного поэта Евгения Петушенко "Генеральские Штиблеты", посвященное памяти Сальвадора Альенде, убитого путчистами в Чили несколько дней назад. Стихотворение

было отчеркнуто жирной красной галкой — очевидно, фломастером. Во вскрытом со всеми предосторожностями конверте оказался лист писчей бумаги казенного образца с машинописным текстом того же стихотворения Евгения Петушенко. Больше в пакете не лежало ничего.

Лейтенант Печкин тоскливо смотрел в окно, заранее предвидя день напряженного и совершенно ненужного труда, разъезды по городу, беседы со многими людьми — и все это для того, чтобы в конце концов убедиться, что какой-нибудь пенсионер или коллега-недоброжелатель решил тихонько подложить свинью модному поэту, обвинив его, скажем, в плагиате. Окно выходило во внутренний двор управления, во дворе стояла серая "Волга", в которую двое оперативников сноровисто всаживали полного гражданина в велюровой шляпе и наручниках. "У людей работа, — с завистью думал Печкин, — а у нас..."

— Виктор Федорович! — позвал его Лавочкин. — Плюньте. Плюньте и разотрите. Не стоит этот пузан в велюре ваших переживаний. — В мыслях Печкина Лавочкин разбирался с поразительной прозорливостью, и за это тоже Печкин не любил Лавочкина. "Ну, что же, пакет так пакет. Не первый и не последний".

Лейтенанты сели за стол и занялись разработкой плана действий. Конечно, проще всего было бы найти самого Петушенко и все у него выяснить. Но такое противоречило всей системе рабты отдела, восставало против самой цели его официального существования. "Анонимка — она всегда анонимка, — говаривал их начальник. — Она, братцы, и в Африке анонимка. Так что объект анонимки вы не трожьте. Пусть и не знает себе, что вокруг, гм, сигнальчики..." К тому же поэт Петушенко был фигурой

одиозной и любое вмешательство в его частную жизнь сотрудников КГБ могло моментально разрастись в новую международную истерику по поводу очередного зажима свободы личности.

— Сделаем так, — решительно сказал Печкин. — Я беру на себя письмо в конверте и газету, ты — пакет. Выясни, кто из охраны дежурил вчера в приемной, у ящика. Приметы, прыщики всякие там, ямочки, бородавки... Словесный портрет. Одежда. Походка. А я пока смотаюсь в редакцию "ИСТИНЫ". Может, недоплатили ему там, вот он в бутылку и полез.

К концу дня можно было с уверенностью считать, что анонимкой коричневый пакет называется чисто условно. За это время Лавочкин успел трижды обегать все управление, выпить в буфете восемь чашек черного кофе, сравнить с Катрин Денев ангелоподобную стенографистку Надюшу, выкурить пачку сигарет "Барна", исписать четыре странички блокнота и узнать следующее.

За весь вчерашний день от граждан г. Москвы и Московской области поступил один единственный сигнал — этот вот злосчастный коричневый пакет. Дежуривший у входа в управление часовой отлично помнил, что ближе к вечеру, часов в 5—6, в вестибюль зашел молодой человек, одетый странно и броско — в короткую синтетическую куртку и зеленую кожаную шапочку с козырьком. ("... В очках вот вроде ваших, товарищ лейтенант", — смущенно добавил часовой.) Человек чувствовал себя явно неловко, и часовой даже помог ему затолкать в узкую щелку ящика плотный коричневый пакет. ("Сигареткой он еще меня угостил, — совсем застеснялся часовой, — тоже вот вроде ваших, болгарской".) Помимо этого энергичный и любознательный Лавочник выяснил

массу других вещей, но к коричневому пакету они не имели ни малейшего отношения.

Виктору Федоровичу Печкину, за четыре с половиной часа исколесившему полгорода, дано было узнать вот что.

Первое. Текст газетной публикации стихотворения Петушенко и машинописный текст, вложенный в конверт, оказались аутентичны. Более того, лист, лежащий в конверте, оказался вторым экземпляром авторской рукописи стихотворения, принесенной в редакцию "ИСТИНЫ" самим Петушенко. Сомнений в этом не оставалось — характерные особенности шрифта (западающее "с", забитое грязью "я", сдвинутое набок "ф") говорили о том, что в письме, вложенном в коричневый "крафт"-пакет, находилась копия стиха, напечатанная самим поэтом на его машинке под копирку.

Второе. Адрес на конверте: "Москва, А—319, ул. Черняховского, д. 5, кв. 22" оказался действительным адресом поэта Петушенко, члена СП СССР и был напечатан... на той же самой машинке, что и стихотворение. Штампы почтового отделения А—319 на обеих сторонах конверта указывали на то, что письмо было отправлено и получено в одном и том же районе метро "Аэропорт" 9 сентября 1973 года.

Объединив собранные сведения, лейтенанты переполошились. Выходило, что одиозный поэт послал сам себе копию собственного стиха. Но как и зачем оказалась она в коричневом пакете, а тем более — в ящике для анонимных писем приемной КГБ? Лейтенант Лавочкин, чертыхаясь, схватил номер "ИСТИНЫ" со стихотворением Петушенко и на этот раз сам помчался в редакцию — глаза его светились огнем безумной догадки. Лейтенант же

Печкин весь вечер протолкался в баре и кафе Центрального Дома Литераторов, вместе с казенной десяткой перевел на коньяк свои собственные пятнадцать ре и у всезнающих, падких на дармовую выпивку молодых поэтов выяснил, что зеленой кожаной шапочки с козырьком у Петушенко нет, как нет ее ни у одного из его поэтических собратьев.

— Чудак, — убеждал Печкина неопрятный юноша лет сорока пяти. — Зачем тебе зеленая кожаная шапка? Хочешь на Петуха походить, купи у меня замшевую барсетку — я ее сам у Женьки на джинсовые подтяжки выменял. Запиши телефон, заодно и стихи почитаем. Кстати и иконки мои посмотришь, у тебя, небось, фирма-то знакомая есть?

Разозленный Печкин с профессиональной аккуратностью записал телефон. "Я те почитаю стихи, — всерьдках подумал он. — Ты у меня в два счета из Москвы вылетишь... в творческую командировку по указу о тунеядстве..." К счастью, когда говорить с поэтом стало вроде бы и не о чем, а неловкое молчание побуждало либо к новым расходам на коньяк, либо к уходу, до плеча Печкина робко дотронулся дежурный администратор, до полусмерти перепуганный совсем не писательским удостоверением, предъявленным лейтенантом при входе.

— Товарищ ле..., пи..., по..., — мучился администратор, — в общем вас, гражданин, к телефону...

Звонил Лавочкин. Звонил с Лубянки, куда только что воротился из редакции и куда непременно и срочно просил приехать Печкина. "Бросай своих Пегасов, Виктор Федорыч, и дуй в Губчека", — гремел в трубке бодрый голос Лавочкина, и задыхаясь от сладкого ужаса, невидимый Печкину из-за колонны, подслушивал их разговор в параллельную трубку дежурный администратор ЦДЛ, не так

уж и давно реабилитированный "враг народа", бывший литератор, а ныне любимец литераторов и покровитель окололитературной молодежи, Наум Исаакович Гольдман.

Когда высокая фигура Печкина в последний раз промелькнула за стеклянными дверями и исчезла, Гольдман тихонько отозвал в сторону собеседника лейтенанта.

— Миша, — заботливо спросил администратор, — почему уже этот приятный молодой человек, ваш товарищ, так рано ушел? Почему он уже так редко к нам ходит? Водите его к нам почаще, Миша!

— Да что вы, Наум Исаакович! — простодушно завопил сильно подвыпивший и не ведающий тонкостей прикладной макиавеллистики поэт-коммерсант. — Я его сам первый раз вижу. Чудила какой-то, все ему надо знать — кто во что одевается да кто где живет. Впрочем, телефон я ему, кажется, дал, так что позвонит — приведу...

Поэт получил с вешалки длиннущее, расшитое розочками пальто, замотался пурпурным шарфом и ушел. Наум Исаакович проводил его до выхода, раздумчиво постоял у дверей и тихонько сказал привратнице:

— Знаете что, Софья Николаевна! Вы Мишу больше к нам не пускайте. Не надо.

И, помолчав, мудро добавил:

— Да он уже, наверное, и сам больше не придет.

*

Догадка Лавочкина оказалась блестящей, это Печкин вынужден был признать. По своему студенческому прошлому, по своим незрелым журналистским опытам в университетской многотиражке Лавочкин вспомнил, что всем публикующимся ав-

торам редакция раздавала "сувенирные" номера свежей, только что с ротопринта газеты, а чтобы не терять при этом ни копейки, раздавала их из обязательного типографского брака, который все равно в продажу не шел. Лавочкин выяснил, что в громадной "ИСТИНЕ" эта традиция живет так же, как в крошечном "Московском Университете", и помчался со своим номером от 15 сентября напрямую в истинскую типографию. Старейший печатник-истинец, Юрий Антонович Петровский, депутат и орденоносец, приятно попахивая свежей краской и водочкой, подтвердил — предъявленный ему номер в продажу поступить не мог из-за явного разве что только профессионалу брака четвертой полосы. Выпускающий редактор по просьбе Лавочкина созвонился с заведомом поэзии и в свою очередь подтвердил, что поэт Евгений Петушенко получил свой "сувенирный" номер газеты со стихотворением. Заведомом даже вспомнил, что для удобства поэта он отчеркнул "Генеральские Штиблеты" красным фломастером.

Печкин напрягал мысль. Все становилось на свои места. Ясно по-прежнему ничего не было. Петушенко как обычно пишет патристическое, может быть даже заказное стихотворение. Относит его в редакцию не просто лояльной — предписывающей лояльность — газеты, а копию зачем-то посылает письмом сам себе. Письма этого даже не распечатывает, а, дождавшись опубликования стиха, неустановленным способом анонимно передает все это в КГБ. Сверхлояльность свою что ли хочет подчеркнуть, чудак? Или очередная издевка с каким-нибудь, одному ему понятным, "подтекстом" которого-де опять не заметили олухи из "ИСТИНЫ"? Печкин нервно зевнул и заходил по кабинету. Лавочкин сидел в кресле у стены, тараща из-под очков глаза.

Говорить не хотелось, в голове у Печкина поплескивал выпитый с поэтами коньяк и укоризненно маячили пропитые пятнадцать рублей.

— Виктор Федорыч, — тихо начал Лавочкин, и от его тона Печкин как-то сразу напрягся в недобром предчувствии. Неужели дознался, черт настырный, про подсунутый под нос шефу журнал со статьей о Риге? Плагатор с университетским образованием, чекист в смокинге, Мегрэ лубянский...

— Виктор Федорыч, ты на конвертик-то внимательно посмотрел? — вкрадчиво договорил Лавочкин.

— Ну, — с облегчением, но недовольно буркнул Печкин.

— Напомни, голубь, какого числа-то его Петушенко послал?

— Ну девятого сентября...

— А газетка-то со стишком когда вышла?

— Слушай, что ты как маленький! — взорвался Печкин. — Ну пятнадцатого.

— Виктор Федорыч, родной, — не унимался Лавочкин, — сознайся, ты стихотворение-то прочитал?

— Пробежал в машине. Стихотворение как стихотворение. Наш Крынкин лучше пишет. Слыхал его "Малюту" на вечере?

Но сбить Лавочкина с толку было невозможно.

— Виктор Федорыч, золотце, так про что стихотворение Петушенко?

— В стихотворении, написанном со свойственным поэту публицистическим пафосом, — подделываясь под выпренный тон, каким любил иногда говорить Лавочкин, закривлялся Печкин, — автор негодует по поводу злодейского убийства верного сына чилийского народа... Да что ты, в самом деле, экзамен мне на ночь глядя устраиваешь! Экзамена-

тор тоже нашелся. Вон лучше бородатика своего со стенки сдери, а то старик тебе завтра всыпет. "Префект революции"!

Но Лавочкин словно ничего и не слышал. Он терпеливо выждал, пока перестанет открываться и закрываться рот Печкина, и пошел дальше:

— Виктор Федорыч, бесценный мой, вспомни, пожалуйста, а какого числа этого самого "верного сына" прихлопнули?

— Одиннадцатого... — с безразличной готовностью отозвался Печкин, все еще не желая идти на поводу у резвящейся мысли Лавочкина.

— Вот и получается, касатик мой, — вдруг устало и серьезно заговорил Лавочкин и, встав, подошел к Печкину почти вплотную, — вот и получается, дорогой товарищ лейтенант госбезопасности, что поэт Евгений Александрович Петушенко вознегодовал по поводу убийства Альенде 9 сентября, а убили его 11-го. Теперь хоть понял, зачем попал к нам коричневый пакет?

И совсем тихо добавил:

— Звони, буди старика... ЧП все-таки.

Часть вторая. Душа поэта — потемки...

Беседа с поэтом Петушенко все же произошла. Слишком крутой поворот приняли события после той, проведенной без сна ночи, когда в управление примчался переполошившийся Шпорников и, просидев с Печкиным и Лавочкиным до утра над составлением рапорта, не завтракая и не приводя себя в порядок, отправился на прием к генералу. Беседа с Петушенко была неизбежна, и этой неизбежностью с упорством своего античного предка, требовавшего разрушения Карфагена, лейтенант Игорь

Львович Лавочкин заканчивал каждый второй абзац составленного практически им рапорта высокому начальству. С того дня вся инициатива, вместе с симпатиями означенного начальства, фактически перешла к нему, но тем не менее майор Шпорников согласившись, наконец, на необходимость беседы с поэтом, поручил провести ее Печкину, как "человеку, внедрившемуся в поэтическую среду", то есть посетившему ЦДЛ, но строго-настрого запретил ему касаться анонимки — уверенности, что ее принес сам Петушенко, у майора все еще не было. Свое отстранение от беседы с известным поэтом Лавочкин встретил без обиды, но портрета Рауля Риго, про который в суматохе все позабыли, со стены все же не снял.

Беседа лейтенанта госбезопасности Печкина с поэтом Евгением Петушенко длилась несколько часов и состоялась в приемной управления — дабы не удручать поэта не всем приятной церемонией предъявления документов, выдачи и сдачи пропуска, хождения по коридорам, где и случайно можно насмотреться всякого...

Беседа была записана на пленку, и сегодня, собравшись в кабинете Шпорникова, эту запись прослушивали сам майор, Печкин, Лавочкин и специально подошедший сотрудник грозного Пэ-Гэ-У, Первого Главного Управления Центра, подполковник Хозе Раулевич Белохвостиков. Качество записи оказалось превосходным, но, очевидно, подавленный ослепительной близостью модного поэта Печкин не сразу включил диктофон, и сейчас в кабинет Шпорникова с полуслова ворвалась напористая речь сибиряка-Петушенко:

— ... варищ лейтенант, все-таки мы, поэты, ближе других людей творчества стоим к познанию, вернее — к восчувствию эмоционального возбужде-

ния земли. Мир ведь полон смутных предчувствий, пророчеств, опасений... С корабля, которому суждено потонуть, бегут крысы, перед землетрясением воют псы, а мой друг-взяточник (да-да, есть среди моих друзей и такие, не стыжусь и не гнушаюсь) в ночь перед арестом не мог сомкнуть глаз. Одни называют это "звездным часом", другие — наитием, вдохновением, ясновидением — не в слове суть. Суть в том, что за всю историю существования общества в деятелях искусства, а в первую очередь в поэтах как его древнейших представителях, не мог не отложиться коллективный опыт поведения, то есть некие что ли гены, понуждающие при определенно-напряженных условиях предвосхищать вспышку социального недовольства — будь то выстрел террориста или взрыв народного негодования.

Я ловил себя на мысли, что такое можно проследить даже на одной поэтической жизни. Как я начинал? Пятнадцатилетним пареньком "в голубенькой маечке" (есть у меня такие строки) писал стихи ко Дню Физкультурника, ко Дню Строителя... То есть *реагировал* на календарные события. И так приучил себя к этому, что начал *предчувствовать* безотносительно всякой связи с календарем или звонком-заказом из редакции. Вот совсем недавно, знаете ли, потянуло вдруг в лес, почувствовал нестерпимое желание написать о деревьях, природе, лесниках, их труде, жизни, — а через пару дней читаю в газете, что правительством решено учредить новый праздник — День Лесника...

— Простите, Евгений Александрович, — перебил его хрипловатый от сдержанного волнения голос Печкина, — вы сказали "через пару дней", так два дня — это что, обычная дистанция вашего предвидения?

(Шпорников восхищенно посмотрел на скромно приткнувшегося в уголку Печкина и чуть заметно толкнул в бок Лавочкина: куда гнет, сукин сын! Ведь между девятым и одиннадцатым сентября тоже "пара дней"!)

— Нет, что вы, простая случайность. Вот, например, расстрел полицией студентов Кентского университета я почувствовал чуть ли не за неделю, а стихотворение о нем было готово за пять дней до самого расстрела — и представьте себе, уже с именем одной из четырех будущих жертв, студенточки Рейчел Коллинз. Я тогда чуть не рехнулся, ведь имя это пришло мне в голову чисто музыкально, как созвучие к строке, как рифма. А через пять дней именно ее убивают в Кенте. Понимаю, что я здесь ни при чем, но — комплекс вины и прочие причуды неизжитой интеллигентности. Хотел в Соловьевку ложиться. Еле друзья водкой отпоили.

Но я отвлекся. Так вот, я хочу сказать, что от постоянной работы *на* общество у поэта вырабатывается индивидуальный навык в определенных и в вертикально-историческом срезе стереотипных ситуациях-причинах фиксировать неизменно-определенные события-следствия, а у всей расы поэтов — прошу прощения за недиалектический термин — коллективный навык, опыт, называемый даром поэтического предчувствия. Вы, простите, в студенческие годы психологией не увлекались?..

— Нет, я больше спортом, — бодро-задиристо сказал голос Печкина, но поэт и не собирался спорить, —

— ... ну и прекрасно, дольше проживете. Так вот, некий швейцарец Карл Юнг утверждает, что не мы, поэты, создаем произведения, а они нас. А что такое произведение, если не отражение события? Другими словами, значит, событие подчиняет себе

поэта так же, как и любого другого человека, но поэт чувствует его раньше других, а большой поэт — простите за нескромность, но и себя я отношу к таковым — *значительно* раньше других, а порой и до самого материального воплощения события.

Я имею в виду, что каждый из нас в своем жизненном творчестве — вы, я, чистильщик сапог, миллиардер Хьюз — проходит путь от *фиксации* окружающего через его *осмысление* к его *предвидению*. Из сейсмографа, чутко реагирующего на малейшее колебание, поэт становится барометром, предсказывающим это колебание. Творческая зрелость — это обратный путь к реальности начала в своем искусстве. Юнг говорил о "визионарном" творчестве "коллективного бессознательного" в поэте. Но, в противовес Юнгу, среди цеха поэтов, работающих на общество, формируется новый архетип, представляющий собой опыт *данной* расы и передающийся из поколения в поколение — "коллективное сознательное". Вы понимаете мою мысль?

— Чего ж тут не понять, — ответил голос Печкина с таким мужеством, что майор Шпорников вновь посмотрел на него с восхищением, — понимаю, все это я отлично понимаю. Скажите, Евгений Александрович, а что вам необходимо для того, чтобы предвидеть и предсказать какое-нибудь там политическое событие?

— Прежде всего самое простое — понять, почувствовать атмосферу места. Послаться по улицам, посидеть в кабачках, побывать в театрах, впитать в себя контуры домов, говор людей, аромат ветров. Для поэта это очень многое значит. Не знай я Америку так хорошо — мне никогда не предвосхитить стихом Кентской бойни 4 мая семи-

десятого года, не побывай я трижды в Чили... — Петушенко запнулся.

— Что в Чили? — невиннейшим тоном встрял голос Печкина. В наступившей затем тишине все явственно услышали натужное дыхание подполковника Белохвостикова. В диктофоне что-то щелкнуло, трыкнуло, и вполне зримый Печкин виновато произнес из угла:

— Пленка кончилась. Не думал я, что он мне такую речугу закатит, взял кассету Це—60. Окончание нашего разговора я изложил в докладной записке. Практически дословно.

Хозе Раулевич Белохвостиков поднялся со стула и привычным жестом пригладил густые, мягкие, иссиня-черные волосы. Сын испанского коммуниста, воспитанник московского детдома, кадровый разведчик, много лет проработавший в Латинской Америке, приговоренный там к 141 году тюрьмы и недавно втихую обмененный на двух диссидентов-неотроцкистов и танкер с бакинской нефтью, он говорил по-русски с легким акцентом, чуть заметно оглушая согласные:

— Что же, товарищи, каковы пы ни окасались окончательные результаты, ваш отдел можно постравить с несомненным успехом. Натееусь, вам не нужно опьяснять, какое сначение имеют для нас открывающиеся возможности. Но прежете, чем телать вывоты, мне — и, натееусь, Антрею Владимировичу тоже — хотелось пы выслушать ваши сопственныя соопражения. Прошу совершенно не стесняться в вывотах и умосаклужениях.

Шпорников согласно кивнул.

— Начинай ты, Виктор Федорович, — сказал он Печкину. — Ты теперь с Петушенко друг-приятель, тебе и карты в руки.

Перед тем, как начать говорить, аккуратный Печ-

кин выдернул из розетки шнур диктофона — береженного Бог бережет! — достал кассету с записью беседы и сунул ее в ящик стола.

— Крутит Петушенко, — начал он уверенно. — На мой вопрос о Чили он ведь так и не ответил. Покраснел только и сразу сменил тему. О коричневом пакете он ничего не знает. Я полагаю, основной упор нам следует делать не на тот бред, что он здесь нес, — Печкин прожег ненавидящим взглядом стол, в котором томилась плененная речь поэта, — а на гражданина в синтетической куртке и зеленой кожаной шапке, принесшего пакет. Совершенно очевидно, что у нас есть пока неизвестный доброжелатель, близко знакомый с Петушенко. Это ему — и вполне естественно — показалась подозрительной поэтическая прозорливость Евгения Александровича, граничащая с разглашением государственной тайны.

Печкин передохнул.

— И главное. Я беседовал не только с Евгением Александровичем. Домработница поэта, Слюнкина, рассказала мне, что не так давно хозяин перерыл весь дом в поисках пропавшей газеты "ИСТИНА" со своим стихотворением. Это раз. Почту Петушенко получает не прямо в квартиру — он живет на пятом этаже — а в коллективный почтовый ящик, установленный у входа в подъезд. Дверка почтового ящика Петушенко давно сломана и открывается совершенно свободно. Почту в квартиру по утрам приносит все та же домработница Слюнкина, которая отчетливо помнит, что за последние две недели, то есть за время, с лихвой покрывающее срок отправки и прихода письма с машинописным текстом "Генеральских Штиблет", Петушенко вообще не получал писем. Это же подтверждает и почтальон — работник отделения связи

А—319 Элла Константиновна Фицджеральд — девочка молодая, Евгения Петушенко, естественно, боготворит, стихами его зачитывается, всю его корреспонденцию помнит наизусть. Это два. И, наконец, лифтерша, дежурящая в подъезде Петушенко, Мария Акимовна Романова, наш осведомитель с 1961 года, вспоминает, что к Евгению Александровичу несколько раз приходил молодой человек высокого роста, в очках, — тут Печкин торжественно замедлил темп и отдельно, чуть ли не по слогам выговорил, — в зеленой кожаной шапочке и короткой нейлоновой куртке. Это три.

Таким образом, у меня сложилось следующее впечатление. Петушенко как-то удастся узнать о готовящемся в Чили убийстве Альенде — при его иностранных связях это возможно. По неосторожности он проговаривается об этом нашему, пока безымянному, другу в зеленой кожаной шапочке. Нашего друга это тревожит. Наш друг входит в дом поэта. Тайком он вставляет в пишущую машинку Евгения Александровича чистый конверт и печатает на нем адрес Петушенко. Он похищает машинописную копию авторского текста стихотворения, а затем и авторский экземпляр "ИСТИНЫ" с "Генеральскими Штиблетами". Конверт с копией стиха он бросает в почтовый ящик неподалеку от дома поэта, а на следующее утро, опередив домработницу Слюнкину, сам же забирает его из почтового ящика в подъезде Петушенко. Заметьте, что пропавшую газету Петушенко деятельно искал, а о пропавшем письме не было и речи. Значит, не было и письма. Впрочем, я допускаю, что из дружеских чувств поэт мог сам подарить нашему другу машинописную копию стихотворения, такое среди поэтов водится. Так или иначе, и письмо и газета оказываются у "зеленой шапочки". Все

это она, не желая быть узнанной — возможно из боязни, в возможно из скромности, — заклеивает в коричневый пакет и приносит на Лубянку.

И уже садясь, Печкин с элегантною небрежностью бросил на суд начальства свой последний козырь:

— Кстати, почерковедческая экспертиза установила, что адрес КГБ на пакете выведен *не* рукой Евгения Петушенко. У меня все.

Голова майора Шпорникова, тихонько покачивавшаяся из стороны в сторону в такт сладким его сердцу речам лейтенанта Печкина, застыла на месте, исполнилась статического благожелательства, улыбнулась, потом нахмурилась и, снова приходя в движение, произнесла:

— Убедительно. Что же, пожалуйста вы, Игорь Львович.

В руках Лавочкина появилась прозрачная пластиковая папка, на которую Печкин, зная до мерзости дотошный характер коллеги, с некоторой опаской скопился из своего угла.

— Что же, — начал Лавочкин, обращаясь почему-то прямо к Хозе Раулевичу Белохвостикову, а не к своему непосредственному начальству, продолжавшему с заведенностью китайского болванчика покачивать головой, — надо честно признаться, лейтенант Печкин времени даром не терял. Его версия стройна и последовательна. Обидно только то, Виктор Федорыч, что какая-то она у тебя... ну, чересчур милицейская, что-ли... Охота тебе была возиться с лифтершами, домработницами, почтальоншами. В случае успеха твоя версия максимум дает нам еще одного осведомителя — на этот раз в зеленой кожаной шапочке. А между тем мне кажется, что из случая с коричневым пакетом могут быть извлечены гораздо более значительные государственные выгоды.

— Не скрою, я с удовольствием и тревогой прослушал беседу с Петушенко. С удовольствием, потому что его слова показались мне искренними. С тревогой, потому что они подтверждаются иными материалами.

Из пластиковой папки выпорхнула и легла на стол газетная вырезка.

— Лейтенант Печкин считает слова Петушенко о поэтическом предвидении бредом или уловкой. Если бы это было так! Пока Виктор Федорыч возился с домработницами, в номере "ИСТИНЫ" от 21 сентября появилось еще одно интересное стихотворение, которому самое место все в том же коричневом пакете. Но на этот раз написал его вьетнамский поэт Те Лин Виен. Написал, назвал "День Стыда" и прочитал на вечере поэзии. В городе Ереване во время Международного симпозиума поэтов стран Азии и Африки.

— В стихотворении есть, в частности, такие строки, — Лавочкин подхватил вырезку и близоруко поднес ее к глазам — "Сальвадора Альенде нет в живых..." или вот:

"Вчера в древней церкви

Мне, кажется, хотелось исполнить древний обычай

И зажечь в честь Альенде и в память о нем

Восковую свечу..."

Как видите, тема та же. В редакционном примечании говорится, что Те Лин Виен прочитал это стихотворение 13 сентября, т. е. через два дня после убийства Альенде. Судя по фразе "вчера в древней церкви", об убийстве чилийского главы правительства вьетнамцу было известно уже 12 сентября. Я просмотрел все тексты наших последних известий и новостей тех дней — первое сообщение о мятеже

в Чили появилось 12 сентября, причем первые два дня, т. е. до 14 сентября судьба Альенде была *неизвестна*. Лишь 14 сентября последовало определенное сообщение о его смерти. Я допустил, что в конце концов вьетнамец мог слушать иностранные новости, хотя наши ребята, обслуживающие симпозиум, клянутся, что ни у одного гостя не было транзистора. Но потом я обратил внимание на крошечную подпись под стихотворением "День Стыда" — "Перевод с вьетнамского Н. Беседина". Я нашел поэта Никиту Беседина. Мы побеседовали.

Из папки выскользнул исписанный лист и улегся на стол Шпорникова в аккуратном соседстве с газетной вырезкой.

— 13 сентября был прочитан уже *литературный перевод* стиха. Те Лин Виен передал Беседину подстрочник *тремя днями раньше*, т. е. за день до убийства Альенде. Подстрочник по просьбе вьетnamца составил наш переводчик симпозиума Гиговский утром 10 сентября. Вот его объяснение, в котором он, кстати, отмечает, что до 15 сентября участники симпозиума на экскурсии в "древние церкви" *не выезжали*. Вот рапорт местных оперативников о том, что самостоятельных прогулок Те Лин Виен *не предпринимал*.

Еще два листка заняли свои места рядом со стихотворением "День Стыда". Только тут Лавочкин позволил себе сделать паузу и оглядеться. Ему очень нехватало портрета Рауля Риго, оставшегося в их с Печкиным кабинетике. Майор Шпорников смотрел на него строго и неодобрительно — молодой лейтенант явно полез "не в ту степь", явно превысил полномочия оперативника из отдела анонимной корреспонденции. Но в глазах Хозе Раулевича Белохвостикова Лавочкин прочел живой интерес и даже азарт, авантюрный азарт матерого раз-

ведчика. Глаз Печкина он не видел — Печкин скучал на своем стуле в углу, с омерзением ловя себя на мысли, что больше всего ему сейчас хочется найти и "оформить по статье" неопрятного 45-летнего юнца, который предлагал ему купить "замшевую барсетку", даже не объяснив, что это такое, а главное — напился за его счет в Доме Литераторов.

— Продолжайте, лейтенант, — кивнул Белохвостиков. "Ну, конечно, — подумал Шпорников, — спелись. Рауль Риго, Хозе Рауль, одна бражка". И, мысленно уже проводив Лавочкина на новую работу в Первое Главное Управление, Шпорников отечески покивал головой:

— Да-да, продолжайте, Игорь Львович.

Лавочкин достал из папки последнюю бумажку.

— В общем-то, в предвидениях переворота в Чили нет ничего необычного. Об этом говорил весь мир. Вот, — он сунулся в бумагу, — американский журнал "Ньюсуик" еще 3-го сентября писал: "Альенде ходит в эти дни по канату. А сетки под ним нет". Но меня поразило то, что только поэты, а не политики и даже не экстремисты так безошибочно оплакали заочную гибель Альенде. Я связался с Институтом стран Латинской Америки. В различных изданиях континента (я имею в виду Южную Америку) при жизни Альенде ему предсказали смерть лишь двое — и опять-таки оба поэты: чилиец Феррейро Либаро и бразилец Фернандо Муллар.

Лавочкин быстро сложил все бумаги обратно в папку и сделал несколько шагов в сторону от стола начальника.

— Я далек от мистических умозаключений по поводу сверхестественных способностей поэтов Петушенко, Те Лин Виена, Либаро, Муллара и прочих, сколько их там ни есть. Но мы так или иначе не вправе пренебрегать таким ценным источником по-

литической информации, как предвидение трагических событий на земном шаре. Петушенко утверждает, что его "опыт расы" обретает голос и зрение лишь непосредственно в атмосфере зреющего события. Почему бы нам не посылать его в наиболее "горячие" точки планеты, горячие по нашим, разумеется, агентурным данным? Почему бы не обязать его ценой интереснейших зарубежных командировок передавать второй, а лучше первый экземпляр своих "пророчеств" напрямую нам, а не "зеленым шапочкам" или коричневым пакетам? Почему не рискнуть провести операцию "Барометр"? Повторяю, я далек от мистики. Но тогда ведь нам лишь придется предположить некий "заговор муз", существование тайной организации поэтов, регулярно обменивающихся информацией, а, быть может, и способствующих успешной реализации творческих планов друг друга. Тогда уж не готовят ли кровавые инциденты сами поэты, чтобы было о чем писать, чтобы на следующий же день положить на стол редактору готовые стихи и заслужить похвалу своей мгновенной творческой реакции, своей гражданской оперативности? В таком случае не менее ценно получать от поэта Петушенко сведения о "заговоре муз". Точнее, от источника Петушенко. Не знаю как поэт, а как гражданин он, по-моему, нам вполне подходит. Так или иначе, операция "Барометр" представляется мне целесообразной и оправданной. Товарищ подполковник, — Лавочкин шагнул к Белохвостикову, — все сказанное здесь я могу изложить в рапорте и вместе с материалами по "коричневому пакету" представить в ваш отдел.

— Не волнуйтесь, Икорь Львович! — мягко сказал разведчик, щелкая крышкой миниатюрного портсигара-диктофона. — Все сказанное вами стесь

я сафиксировал. Я только попрошу у милейшего Антрея Ивановича вашу папочку с документами. То скорого свитания, Игорь Львович! То свитания, товарищи!

За Белохвостиковым закрылась дверь. Печкин вскочил со стула, шумно и бестолково задвигался по кабинету, заталкивая в сейф диктофон, грохая стальной дверцей, переставляя стул, на котором сидел, обратно к столу. Шпорников подошел к нему, отечески обнял за плечи и подвел к окну, подле которого покуривал сигаретку лейтенант Лавочкин. Обнять другой рукой Лавочкина майор так и не решился.

— Эх, ребятки-ребятки! — поучительно вздохнул майор. Под занавес, перед очевидным расставанием с одним из подчиненных ему была смертельно необходима история-афоризм о конечной пользе анонимок. И он, наконец, нашел ее, отыскал на дальнем стеллаже своей памяти, на том самом стеллаже, куда до сих пор не обращался назидания ради, на стеллаже с табличкой "Невероятное".

— Мистика-эквилибристика, научный метод, это все дело хорошее, но только в нашем с вами деле не надо пренебрегать, — майор внушительно постукал пальцем по стеклу, — и фактором случайности. Случайность и анонимность, как Маяковский еще писал, "близнецы-братья". Вот лет пятнадцать назад получили мы сигнал. Из Клина. Обыкновенное письмишко, конвертик, сами понимаете, без обратного адреса, а в конвертике — трешница. И все. Бились, бились -- никакой тайнописи, никакого скрытого смысла, никаких намеков на непорядок в стране. И бумажка не фальшивая, настоящая. А все ж сигнал! Вот-те номер, думаю я, неужели придется так ее в ХОЗУ и снести? И тут меня как толканет в темя: номер! *Номер!* Номер трешницы!

Шестизначный — на старых деньгах номера были шестизначные. И номера московских телефонов тоже шестизначные. Спроста? Ан неспроста! Установили, что за номер телефона соответствует номеру трешницы и накрыли штаб-квартиру РНДТП — Российской Национал-демократической Трудовой партии, а мы ее лет десять как искали. Накрыли, значит, оформили, еще премий пропить не успели, как приходит второе письмо из Клина, уже не анонимное, с обратным адресом. Благодарит какая-то старушенция, кого сама не знает, но с Лубянки, за то, что помог ей купить билет до дому — трешницы ей тогда не хватало. Благодарит и интересуется, получил ли он эти деньги по почте, а то ей добрые люди говорят — в конверте могли и не дойти. М-мда, фактор случайности, помноженный на анонимность... А только, друзья мои, и он лишний раз подтверждает, что анонимка — она всегда сигнал.

Майор замолчал. Они с Печкиным закурили. Теперь все трое молча дымили у окна, выходявшего во внутренний двор управления. Во дворе стояла серая "Волга". Двое оперативников ловко всаживали в нее худого гражданина в мохнатой кепке и наручниках. "У людей работа, — тоскливо подумал Печкин, — а у нас..."

— Плюньте, Виктор Федорыч! — весело сказал ему Лавочкин. — Плюньте и разотрите. Не стоит эта жердь в мохнатой кепке ваших переживаний.

В мыслях Печкина Лавочкин разбирался с поражающей прозорливостью, и за это ох и не любил Печкин Лавочника!

Уже давно пора было разъехаться по домам, крепко пожав друг другу руки, а то и пьяно расцеловавшись на прощанье, уже оба были что называется "хороши", но все казалось, что хмелю нипочем не одолеть их воодушевления, удвоенного дружеской близостью и радужными перспективами, а какая-то неведомая тяга все носила и носила этих двоих по городу, ненадолго приземляя то в чопорной тишине дорогого ресторана, то в бестолковой сутолоке молодежного кафе, то у мраморной стойки винного автомата, то, наконец, за массивной круглой доской столика в пивном баре.

Днем здесь бывало почти безлюдно. Знакомый официант расторопно утащил лишние стулья и тут же вернулся, поставив перед ними по кружке пива, по тарелке с бутербродами и (скосив глаза на вход, — не видать ли кого ненужного) по тонкому чайному стакану водки.

— Значит, едешь, Евгений! — может быть в сотый раз за сегодня восторженно проговорил один из них. — Едешь все-таки.

— Лечу, Гоша, лечу, а не еду, — отвечал второй, уже неверной рукой плеча по столу водку. — Визу, паспорт, валюту, — все в один день, как в сказке. Уже билет купил. На завтра, в 14.30. Ужинать буду в Токио. Ну, как говорится, посошок на дорожку!

Они выпили. Отхлебнули из кружек. Отщипнули от бутербродов. Закурили.

— Нет, ты скажи, — не терпелось Гоше докончить видимо прерванный разговор, — как тебя сам-то принял? Как он тебе?

— Умница! — убежденно ответил Евгений. — Я с ним, наверное, часа три проговорил. Лорку на-

изусть шпарит — заслушаешься. ”Когда я умру, оставьте тверь на палкон открытой”, — передразнил он безо всякого, впрочем, ехидства. — Не то, что этот диплодок Печкин, — у человека мысль в глазах светится. Эх, Гошка, — он пьяно ринулся лицом к лицу приятеля, — ты ведь, может, один кроме меня и знаешь, как это много — мысль в глазах! У человека, не у собаки! Эх, старик зачем ты променял поэзию на свои сверхсекреты? Муза не прощает измен!

— Мужик он умнейший, бесспорно, — гнул свое Гоша, — но ты заметил, что в разговоре с тобой...

— Латно, латно, — вновь шутливо забасил Евгений и тут же посерьезнел, насколько может посерьезнеть человек, выпивший никак не менее литра.

— Ты мне все-таки расскажи, что же происходит на самом-то деле, а то я и вправду в свое ясновидение заверю. Ну, я все прогнозы от тебя получал, а этот чертов вьетнамец от кого? А чилиец? А бразилец?

— Чудак! — просто сказал Гоша, поправляя очки. — Мало ли на свете Гош? Вся беда твоя, Женька, в том, что в чужих глазах ты согласен видеть только отражение своей мысли. В том числе и в моих. Но, наверное, все поэты таковы. Все сильны и беззащитны. Сейчас, Женька, у тебя большие возможности — маршрут интереснейший, пошляешься по свету, насмотришься в чужие глаза, натрогаешься, нанюхаешься... А вдохновение... — Гоша предельно понизил голос, — вдохновением мы тебя обеспечим. Запиши сразу, чтобы не забыть: недельки через две можешь оплакивать секретаря ЦК уругвайской компартии Роднея Арисменди. Хотя это еще бабушка надвое сказала. Что еще, месяца через два, в конце ноября в Греции произойдет государственный переворот. Впрочем, без жертв, оплакивать там некого, разве что демократию. Это ведь тоже по твоей

части. А нужны покойнички — вот в декабре прихлопнут бомбой председателя испанского правительства. В Мадрид часом не тянет? Эскуриал, бой быков и прочее... На смерть Пабло Неруды ты, старик, не попадешь — он умрет 23-го, ты будешь в дороге. Ну, ничего, отдадим Андрею Возмисебенскому, пусть тоже попророчествует. Об остальных скажу, когда приедешь.

— Гошка, — забеспокоился Евген, — а как же дальше-то будет? Барометр барометром, это мы с тобой складно придумали, и "архетип поэтического предчувствия", а отчет-то давать придется! И не в стихах, а самой презренной прозой. Как в анекдоте про Василия Ивановича — оперу писать придется. Эх, если б тебя со мной послали...

— Ничего, Бог даст, свидимся, — криво усмехнулся Гоша и залпом опорожнил кружку. — Ты как приедешь, мне на работу не звони — голос у тебя приметный, и вообще... я теперь по другому телефону сижу. Я тебя сам найду. А насчет музыки, старик, так ты же знаешь — мы с музой в заговоре.

Официант снова подошел к их столику. Нет, они ничего не желали. Даже под раков. Даже под соленые орешки. Сколько можно, в конце концов, хотя бы и провожая друга за границу! Гоша начал хмелеть и поминутно поправлял очки.

— Послушай, Женька! — жарко зашептал он. — ты много афоризмов знаешь? Запиши еще один: "Анонимка — она всегда сигнал!" Пойдет? Ты его вышей на коврике и повесь у себя в спальне. Слушай, серьезно, ты домработницу свою выгони — она, оказывается, давняя мастерица такие коврики вышивать. И лифтершу выгони. И почтальоншу смени. И приятеля Мишу из Дома Литераторов... А еще лучше — дом смени. Или город. Или... — но тут Гоша встрепенулся, даже и в беседе с единомыш-

ленником не давая ленивому пивному недержанию речи завести себя слишком далеко.

Петушенко рассчитался с официантом. Наверное, он дал ему слишком много, потому что тот проводил друзей до самого выхода и даже помог старику-швейцару натянуть на непослушные плечи поэта роскошное замшевое пальто. Гоша скромно влез в светлую нейлоновую куртку и надвинул на лоб смешную зеленую кожаную шапочку. Они вышли на улицу.

— А вот шляпенцию получше я тебе непременно привезу, — сказал Петушенко. — Прямо в Японии же куплю и посылкой отправлю.

— Перебьемся, — улыбнулся Гоша. — А впрочем привези. А то мне в этой с недавних пор, — он хитро подмигнул, — и ходить неловко. Привези. Только посылкой не шли, я лучше подожду.

Они остановили такси. Шофер торопился в парк и соглашался ехать только в сторону Сокола, да и то за "рупь сверху". Гоша жил на Ленинском проспекте. Они пожали друг другу руки, потом, помедлив, обнялись, царапнувшись щеками. Петушенко полез в машину и блаженно развалился на мягком сиденьи. В мечтах своих он уже перелетал государственную границу.

Когда такси со счастливым поэтом исчезло в шумном потоке столичного движения, человек в зеленой кожаной шапочке последний раз пьяно улыбнулся и, на ходу перебирая в кармане куртки теплую от ладоней мелочь, нащупывая "двушку", чуть не бегом влетел в телефонную будку.

— Хозе Раулевич, — трезвым, деловым голосом заговорил он в трубку, — товарищ подполковник, докладывает старший лейтенант Лавочкин. Все в порядке, "Барометр" улетает завтра, в 14.30. Рейс Аэрофлота, № 268 на Токио, кресло 14—В.

Мне придется вылететь в 18.45 самолетом английской авиакомпании, иначе не успеваю. Да, все в порядке, вернусь — расскажу. Не волнуйтесь, ни на шаг от него не отстану. Да пожалуй просьб особых нет. Только вот что, если попадете этими днями в Губчека, забежите к Печкину, там на стене мой портрет остался — в смысле не мой, а мне принадлежащий. Пусть пока у вас побудет. Да нет, Рауль Риго, француз, коммунар. Префект революции. Заклятый враг анонимных писем. Спасибо, товарищ подполковник, до встречи. Не сомневаюсь. Слушаюсь. Adios!

Лавочкин вышел из будки, протер носовым платком запотевшие стекла очков, огляделся по сторонам и легкой походкой зашагал через широкий проспект. День угасал, но было еще светло, на светофоре подрагивали от нетерпения автомобили, и вдруг среди них он неожиданно узнал знакомую серую "Волгу", вершившую свой очередной рейс от управления до Лефортовской тюрьмы. Рядом с шофером, погруженный в думы, сидел Виктор Федорович Печкин, а позади, стиснутый с боков оперативниками, скучал неопрятный юноша лет сорока пяти, в расшитом розочками пальто и пурпурном шарфе. "Собачья все-таки у них работа!" — весело подумал Лавочкин и заспешил на другую сторону проспекта.

ДЫМ ДЫМЫЧ

Сначала, сияя и сверкая брильянтовой пылью, летят первые снежинки, звенят в чистом воздухе, радуясь и радуя всех вокруг. Позднее — ложится снег перинами на поля и леса, окутывает дома, помогая укрыться от трескучих морозов.

Но приходит весна, и снег сдается. Серый и рыхлый он тает и растекается по всей деревне слезными ручьями, оплакивая свою судьбу, которая дает ему жизнь всего на несколько месяцев. Да и как можно устоять под напором, с каким врывается весна во все уголки, на ходу раздает свои прелести, краски, жизнь!

К нам, в Сибирь, весна приходит позднее. Появляются первые проталины в нашем большом, огороженном кирпичным забором дворе. Перемешивая остатки снега с оттаявшей землей, носимся мы, крича во всю мочь, пугая своим криком стариков и старушек, которые с появлением тепла выползают из своих бревенчатых избушек, чтобы погреться на солнышке. Они сидят на завалинках, смотрят на нас слезящимися глазами, пожевывают беззубыми ртами. Вокруг нас бегают воспитатели, утихомиривают, грозя наказанием. Вон и наша Галина Григорьевна стоит подбоченься, наблюдает, запоми-

нает, а потом будет давать взбучку — кому что положено за сегодняшний день. Подойти к нам ближе она не решается — да и зачем? Все равно мы ее сейчас не послушаем, а она только измажет грязью свои туфли. А потому мы кричим еще громче, расходуя накопившуюся за зиму энергию.

Весна! Это слово много значит для нас, ребяташек деревенского детдома. Весна — это скоро весенние каникулы, целых две недели. Весна — это значит, нам выдадут новую одежду и обувь: девочкам туфли, мальчикам — ботинки. Наконец-то сбросим протертые до дыр черные валенки, а наш хозяйственник, Витька Масленников, унесет мешок со старой обувью на склад — подвал в спальном корпусе. Получим новые (Господи, наконец-то!) выходные платья и повседневные, на каждый день. Опять сможем ходить в новых пальто и новых шапочках. Преобразится наш двор в мелькании разноцветной одежды, как бы соперничая с первыми красками весны. Наконец-то весна!

В доме тоже все оживает. Уборщица тетя Маша запасается тряпками и ведрами. Начинают сверкать стекла в чисто вымытых окнах. В коридоре, возле столовой, вывешивается график дежурств, какой класс, в какую неделю моет пол в общем коридоре, так как с появлением грязи тетя Маша одна не в состоянии поддерживать должную чистоту. Мы, конечно же, ворчим, недовольные таким решением, но решение есть решение, и за невыполнение его строго наказывают.

Так что, одну неделю и в эту весну нашему классу придется отдежурить. Как правило, моют полы одни и те же, но, конечно, не те, кто принимает участие в вынесении решений. Людка Виноградова, Юлька Зимина, Славка Иванов — толстый и ленивый, его все бьют, а он никому не дает сдачи. Людка

хорошо учится и никогда не дает списывать, а раз не дает — пусть моет полы. А у Юльки — отец присылает деньги, каждый месяц два рубля, на мелкие расходы, так она их не тратит, как бы мы ее ни уговаривали, копит на дорогу к нему, к отцу-то. Но не знает толком, где он живет, каждый месяц перевод приходит из другого города. Не покупает ничего ни себе, ни нам. Она лучше полы будет мыть, лишь бы мы у нее не просили что-нибудь купить. Хотя, будет ли Юлька и этой весной мыть полы, еще неясно...

Однажды, это было зимой, она все-таки уехала к отцу. Но через неделю ее грязную и голодную привез назад наш деревенский милиционер дядя Степан. Директриса, полная и неуклюжая, с мелкими кудряшками на голове — Лидия Кузьминишна — пригласила Юльку на "собеседование" к себе в кабинет, конечно же, в присутствии всех учителей. Юлька, сжавшись в комочек, стояла перед ними, размазывая грязными кулачками слезы по лицу. Мы, столпившись около дверей, пытались подслушать происходящее в кабинете, но, кроме крика писклявой Галины Григорьевны, ничего не было слышно. Нам настолько было жалко Юльку, что каждый из нас в этот момент готов был вместо нее пойти на этот "разбор" — как называли такое мероприятие ребята.

Наконец Юльку выпустили, и она, втянув голову с длинной косой в худенькие плечи, не видя перед собой белого света, пошла к выходу. Она несколько дней ничего не ела, сильно похудела и молчала. Позже мы узнали, что деньги ей высылал вовсе не отец, а бывшая соседка по квартире, где Юлька до смерти матери жила. Эта соседка работала проводницей на поезде и, жалеючи Юльку, высылала ей из разных городов переводы, как бы от отца. Узнав

это, Юлька сильно переживала, но в конце концов купила на все сбереженные двенадцать рублей всяких сладостей, и мы устроили "пир". Но больше ей переводы не приходили...

В столовой с большими дверьми, обитыми железом, слышен командирский голос заведующей (она же и кладовщица) Нины Евдокимовны, злой и противной бабы. С гладко зачесанными волосами, худая, она очень походила на кикимору из сказки. Ее мы очень боялись, пожалуй, единственного человека в этом доме, и шли дежурить на кухню с тяжелым сердцем. Вот и сейчас она бежит среди больших котлов, а добрая тетя Лиза — наша повариха — на все ее приказы кротко отвечает одним и тем же словом: "хорошо". И после того, как уже все поужинают и в столовой гаснет свет, тетя Лиза еще долго возится на кухне: складывает сырые березовые дрова на остывшую печь, чтобы за ночь они подсохли и рано утром быстро разгорелись, заполняет водой большой котел с начиненной картошкой, чтобы за ночь она не почернела, под конец моет пол и только уже потом идет домой.

Часто мы ее провожали до ее маленького домика, где она жила совсем одна. Почему одна — никто из нас не знал. Мы ее любили, а она нас жалела и всегда говорила вздыхая: "Горемычные вы мои...". Наверное все мы, — не только я, втайне мечтали и, может быть, надеялись, что тетя Лиза кого-то из нас заберет насовсем к себе — удочерит. А она, читая наши мысли, однажды сказала: "Я вас всех люблю одинаково. Не могу же всех взять к себе в дом, он у меня маленький. Уж лучше я буду к вам каждый день приходить". Так и приходила, и работала с утра до позднего вечера... А позднее, когда тетя Лиза уже не работала и ушла на пенсию,

она все-таки усыновила одного мальчика — Витьку Черепанова, но мы ей это простили, так как повзрослели.

С наступлением весны ожила и наша любимица — кобыла Марта. На конном дворе, в конюшне, где кроме Марты живет еще и жеребец Гнедок, конюх дядя Вася побелил стены и настелил новые полы — старые-то доски совсем сгнили. Три раза в день выводит он запрягать в телегу Марту, чтобы утром рано съездить на ферму за молоком, позднее — в пекарню за хлебом, а уже под вечер — в центр нашей деревни, к автобусной остановке и на почту. Когда-то Марта была молодая и стройная, службу несла в городе при горсовете. Но состарилась, быстро бегать не могла и с появлением нового председателя горсовета была списана "на пенсию", то есть к нам, доживать свой век.

Дорогу на ферму Марта знает хорошо и может идти с закрытыми глазами, помахивая облезлым хвостом.

Вторая ее дорога лежала в другую сторону деревни — в пекарню. Всегда в одно и то же время Марта везет ящики с душистым хлебом. И тогда нет сил удержать нас в классе. В надежде получить хрустящую горбушку мы бежим гурьбой вслед за Мартой до столовой. И получаем, если на счастье дежурит в хлеборезке кто-нибудь из нашего класса.

Самой нелюбимой дорогой (мы так считали) была для Марты дорога на автобусную станцию. Там стоял маленький домик зеленого цвета, на дверях которого висело "расписание движения автобусов". Но расписание единственного автобуса знали все, даже местные псы, которые бежали следом за ним и хрипло лаяли, хлебая пыль из-под колес. Появлялся маленький автобус на

горизонте в шесть часов вечера со стороны железнодорожной станции, лежавшей в тридцати километрах от деревни. И все, кто мог, шли посмотреть, проводить или встретить. Приехать в деревню или уехать незамеченным было невозможно. Мы тоже бежали, надеясь, а вдруг кто-то приехал и к нам. Бывало это очень редко, но бывало, и потому каждый из нас таил в себе маленькую искорку надежды: а вдруг сегодня, именно сегодня приедут ко мне в гости. О том, чтобы приехали не "в гости", а забрать насовсем, мы и не мечтали. Такого никогда не случалось...

Вот и на этот раз Марта лениво тащилась в центр, к автобусу, а конюх дядя Вася, слегка ударяя ее кнутом, покрикивал:

— Ну, пошла христовая, пошла!

Марта шла, а дорога была вся в ухабах и рытвинах да еще к тому же в гору. Мы всегда надеялись, что Марту посылают кого-то встречать. Но кого? Вот с этим вопросом и биением сердец в наших худеньких телах мы вприпрыжку бежали за Мартой по обочине дороги.

Подъехал автобус. Из него вышли три бабки с котомками и пустыми корзинами. По их оживленному разговору и веселому смеху было понятно, что они удачно распродались. На городской железнодорожной станции раз в сутки останавливается скорый поезд "Хабаровск-Москва". Вот к нему они и подвозят свои немудреные товары: вязаные носки и рукавицы из домашней шерсти, пуховые платки — это зимой, а летом — овощи: картошку, в том числе и вареную — свежую и горячую, лук, помидоры. Оголодавшие за несколько дней пути пассажиры скупают за три минуты (такой срок стоянки поезда) буквально все, что можно купить на маленьком перроне. За исключением черствых

булок да консервов в ларьке. Поджав ярко накрашенные губы, буфетчица Валька всегда ворчит на бабок. Конечно же, ей обидно: она стоит почти целый день за прилавком, а продать ничего не может. И сразу после ухода поезда Валька вытирает помаду с губ, закрывает ларек и уходит домой. Говорят, что она устроилась сюда работать с целью выйти замуж за "городского" и уехать в "цивилизацию из глухой провинции". (Но пройдут месяцы, годы, поезда каждый день будут приходить и уходить, Валька стареть, а ее так и не возьмет никто "замуж в город". Она перестанет красить губы, уволится из ларька, пойдет работать дояркой на ферму и родит сына от одного женатого шофера из тех городских, кого посылают осенью на уборку зерна в деревню.)

Последним из автобуса вышел мужчина лет сорока. Высокого роста, в шляпе (значит, интеллигент, подумали мы) и с большим деревянным чемоданом. Его окликнул наш дядя Вася и жестом пригласил сесть на телегу. Но мужчина в шляпе от такого предложения оторопел (это уж точно интеллигент, решили мы), на телегу не сел, но поставил свой тяжелый чемодан. Мы стояли в стороне и, затаив дыхание, смотрели на него. Худой, в темном костюме, в до блеска начищенных туфлях, он курил папиросу и выпускал уйму дыма. К кому он приехал? Из нашей толпы никто не выбежал с криком "Папа!". Значит не к нам, опять не к нам...

— Наверное, это какой-нибудь инспекторишка из города, — буркнул "лысый" (наголо остриженный, так как нас всех периодически стригли, вели борьбу — напрасную — со вшами) Мишка и с досадой сплюнул сквозь зубы.

Мы Мишку уважали: во-первых, у него был фонарик, с которым он никогда не расставался, но из-

редка давал нам его подержать. Во-вторых, он уже курил и умел выпускать "колечки" дыма изо рта. А в-третьих, у него был старший брат, который уже служил в армии, так что было кому за Мишку в случае чего заступиться.

— Инспектор, — разочарованно согласились мы с Мишкой и пошли медленно обратно. Шли следом друг за другом по узкой, чуть подсохшей на солнце тропке. Марта же, удерживаемая под уздцы конюхом, равнодушно что-то жевала и была рада, что теперь ей не приходится тащить телегу в гору, а наоборот — телега ехала сама по себе, разбрызгивая черную кашу грязи.

И вдруг мы поняли, что приехал никакой не инспектор.

— Во-первых, — язвительно заметила Катька, — все инспектора в очках и с портфелями, а не с чемоданами, а во-вторых, наша директриса сегодня была не в голубом костюме, а в старой юбке.

Да, это правильно. О приезде инспектора знали все заранее. Лидия Кузьминишна надевала свой вязаный голубой костюм, бегала по классам и отдавала приказы — где оформить какой стенд с "успехами в учебе" или "достижениями в спорте". Тщательно мыли полы и парты. Появлялось даже "банное" мыло и полотенце около умывальника, где мы иногда, если там была вода, могли сполоснуть грязные руки. Но сегодня ничего этого не было, поэтому и сомнений не могло быть — это не инспектор.

Оказалось, это был учитель музыки. Раньше у нас такого учителя не было, и наша воспитательница Галина Григорьевна иногда проводила с нами музыкальный час, пытаясь научить нас петь. Но получалось это у нее плохо, так как петь она не умела, а визжала, да и вообще по профессии не была вос-

питателем, но кем, мы не знали. Ее мы никогда не любили, не уважали и всегда старались чем-нибудь позлить. Она это чувствовала, понимала и в конце концов ушла от нас.

В нашем классе, да и не только в нашем, часто менялись желающие нас воспитывать, но как-то очень быстро их желание исчезало, а потом и они сами один за другим, все эти Галины Григорьевны, Ирины Михайловны... И росли мы не "воспитуемые", а лучше сказать, просто невоспитанные.

Вот это самое сказал нам и Дмитрий Дмитриевич — новый учитель музыки. Мы очень удивились, что он вел только музыкальные уроки, так как все учителя в нашем детдоме что-то с чем-то совмещали дополнительно к своему основному предмету. Например, учитель физики вел также уроки по труду, а учительница биологии занималась с нами спортом. Смешно было видеть ее, бегающую с мячом по спортивной площадке, на которой, кроме лежавшего на земле бревна, ничего не было. Но не бегать она не могла, ибо приказ директрисы обсуждению, не говоря уже — невыполнению — не подлежал. Но вот Дмитрий Дмитриевич каким-то образом остался без "нагрузки", был только учителем музыки.

Теперь все то, чего мы когда-то не получили от Галины Григорьевны, мы с наслаждением получали от него. Именно таким в нашем детском воображении должен был быть настоящий учитель. Спокойный, с добрыми и умными глазами, он никогда на нас не кричал. Разговаривал с нами, как со взрослыми, и даже разрешил не вставать с места, когда мы отвечали на его вопросы. Но это новшество длилось только три недели, а потом, после очередного "разбора" в кабинете директрисы, на сей раз уже самого Дмитрия Дмитриевича, мы

опять должны были вставать. Уж так было заведено, так положено. И конечно, не какому-то там учителю музыки менять то, что "заведено" или "положено".

С первых же дней пребывания нового учителя мы прозвали его — Дым Дымыч. Может быть, потому, что он никогда не выпускал папиросу изо рта (за исключением урока) и дымил как паровоз. Где бы он ни появлялся, его сопровождало облако дыма. Дым Дымыч, так позже мы к нему и обращались, был на нас за это не в обиде, а только смеялся:

— Вот проказники, придумают ведь такое, Дым Дымыч! Ну и проказники!

Поселился учитель тут же, в "музыкальной комнате", где простынями ему отгородили уголок. Железная кровать с инвентарным номером, старая облезлая тумбочка и стул — вот и все, что было ему предложено для личного пользования. Под кроватью стоял деревянный чемодан, книги из которого были вытащены и аккуратно расставлены на подоконнике. Но самым, пожалуй, главным предметом этого уголка был для нас электрический чайник. Мы раньше никогда не видели такого чайника, и для нас такой чайник был чудом.

Особенно мы любили те моменты в нашей однообразной и скудной жизни, когда Дым Дымыч приглашал нас "на чай". Мы приходили задолго до намеченного времени и стояли под дверьми в ожидании той минуты, когда дверь откроется, и мы, опережая друг друга, вбежим в комнату, чтобы поскорее занять лучшее и самое удобное место. Садились прямо на кровать, аккуратно застеленную одеялом, а чайник в это время уже кипел, со свистом выпуская тоненькую струйку пара из

блестящего носика. Пили чай "вприкуску". Дым Дымыч давал каждому по куску белого сахара и по стакану чая. Прихлебывая кипяток, мы от удовольствия закрывали глаза и глотали таявшие комочки сахара, а учитель приговаривал:

— Пейте, пейте, ребята, всем хватит. Вот бы еще вам по кусочку торта или пирожного, совсем было бы хорошо.

Мы не знали, что это такое — торт, а когда Дым Дымыч нам рассказал, что это круглый и высокий пирог с цветными розочками или листочками из сладкого крема, мы поверили ему с опаской. Поверили потому, что не сомневались — Дым Дымыч врать не будет. Как-то наш Колька Баранов рассказывал это же. Когда-то он жил с матерью и отцом, и они всей семьей ходили по воскресеньям в кафе — есть мороженое или пить чай с пирожными. Но тогда мы ему не поверили и высмеяли. Высмеяли, потому что завидовали. Ведь никто из нас не имел одновременно обоих родителей. Были и у нас они когда-то, но у всех почему-то или одна мать (в большинстве) или только отец, а тут сразу оба! Да еще вместе ходили в кафе есть мороженое — это уж слишком! Такое нам тяжело было пережить и поверить — легче было Кольку высмеять и обвинить во лжи. Но после разговора с Дым Дымычем мы поверили в существование торта, а Колька как-то сразу вырос в наших глазах: мы ему поверили тоже.

Здесь же, в музыкальной комнате, в углу стоял старый черный рояль. Стоял он тут всегда, во все времена, сколько мы в этом доме жили. Запыленный, с одной отломанной ножкой и никому не нужный. Сверху на нем лежали груды всяких бумаг и книг, а тетя Маша, изредка моя пол и в этой комнате, ворчала:

— Кому нужен этот сундук? Выбросили бы эту бандуру или изрубили на дрова — было бы больше толку.

Мы соглашались с тетей Машей, и если бы только вышел приказ "изрубить" или "сломать" — мы бы это сделали с превеликим удовольствием. Хоть какое-то разнообразие! Но приказа не было, и "сундук" стоял.

А однажды, как обычно вбежав в музыкальную комнату, мы не узнали ее: на окнах висели шторы из голубого материала (из него мы шили флажки к празднику 1-го Мая), а черный рояль стоял посередине. На нем уже не было бумаг и книг. Ножка была отремонтирована, и сверкающий лаком "сундук" сразу стал центром нашего внимания. Мы обступили его и с любопытством смотрели на черные и белые клавиши. Прежде рояль был всегда закрыт, и мы представления не имели, что у него такие красивые клавиши под крышкой. И сам Дым Дымыч был какой-то особенный. В чистой белой рубашке и тщательно выглаженных брюках он походил на студента, который пришел сдавать экзамены.

— Ребята, — тихо сказал он, — сегодня я вас пригласил не только пить чай. Я хочу сыграть вам несколько вещей (так и выразился: несколько вещей), которые мне очень дороги.

Мы ничего не ответили, а только хлопали глазами. Дым Дымыч сел на стул и потер руки — он очень волновался. А потом начал играть...

Что это была за "вещь", мы не знали, но впервые в жизни услышали музыку, которая лилась из черного волшебного "сундука". Мелодия была тихая и дивная, она плавно разливалась по комнате, она разливалась в наших сердцах. А пальцы учителя бегали по клавишам, чуть прикасаясь к ним.

Не помню, сколько времени мы так стояли возле рояля, когда вывел нас из "чудного мгновения" голос Тоськи Пономаревой:

— Всем на ужин! Кто опоздает, тому мыть посуду. — И она исчезла.

Но даже эта страшная угроза не смогла сдвинуть нас с места. Дым Дымыч уже не играл, а молча сидел с опущенной головой и о чем-то думал, а мы, замороженные, смотрели на него.

Может, вспомнилось ему в эту минуту, как когда-то, давным-давно, вот так же в белой рубашке и наглаженных брюках, только в каком-нибудь зале он играл эти же самые "вещи", только публика была другая, и, вероятно, после окончания игры ему аплодировали и даже вызывали на "бис"...

А мы стояли и молчали, мы не знали, что нужно делать и говорить в подобных случаях, мы просто видели в Дым Дымыче и во всем, что здесь только что произошло, что-то новое, запомнившееся навсегда, незабываемое. И это "что-то" до сих пор живет в моем сердце, я не могу его забыть...

С появлением Дым Дымыча в нашем детдоме наступила новая жизнь. Мы не могли дожидаться конца уроков и бежали в музыкальную комнату, которая никогда не закрывалась, но куда без присутствия учителя никто не входил. Нам даже стали отмечать дни рождения. Собирали всех ребят один раз в месяц — всех, у кого дни рождения приходились на этот месяц. Они надевали праздничную форму и на грудь прикрепляли красную бумажную гвоздику — знак отличия от других. Сажали их в столовой отдельно от всех ребят за празднично накрытый стол. Все мы в такой день получали праздничный ужин, состоявший из настоящей котлеты и риса, а также сладкого какао. Виновники же

торжества получали еще несколько конфет в бумажках и пряники. После окончания ужина мы не спешили идти к себе в спальный корпус, а стояли в коридоре и ждали, когда же, наконец, пойдут и те, кто сегодня с красной гвоздикой, то есть обладатели сладостей. Веселые, разгудавшиеся, они дружной стайкой выходили в коридор, но при виде нас их лица вытягивались. Им все понятно было без слов: медленно начинали они делить между нами все то, что хотели съесть сами, смакуя, перед сном. Но это продолжалось недолго — ребята поуменьли, не выходили из столовой до тех пор, пока все не съедали сами.

В один из таких дней у Федорки, маленького рыжего второклассника, тоже был день рождения, ему исполнилось восемь лет! Худенький, веснушчатый мальчуган, в пиджаке не по размеру, свисавшем с плеч, был похож на птенца-галчонка, выпавшего из гнезда. Выбежав стрелой из столовой, он помчался прямо в музыкальную комнату, где Дым Дымыч уже ждал нас. Федорка, вбегая, крикнул:

— Дым Дымыч! Я тебе принес несколько пряников, смотри, у меня не успели отобрать старшекласники, — и счастливо улыбаясь, он вытащил из кармана три ржанных пряника. Положив их на тумбочку Дым Дымыча, он сел на кровать и стал болтать ногами, которые еще не доставали до полу.

Раньше Федорка нам часто рассказывал о своем отце, но всякий раз по-разному. То он у него был сталевар, то профессор, то летчик, то капитан дальнего плавания, и что он за ним обязательно приедет, как только вернется из плавания, почему-то из Антарктиды.

Да и у всех нас были "папы" — моряки, а "ма-

ми” — врачи или артистки. И все мы наперебой уверяли друг друга, что скоро за мной приедут и заберут домой. Но это ”скоро” не наступало, и нас не забирали насовсем, за нами не ехали...

Мы все верили Федорке и соглашались с ним. Такой уж был маленький и беззащитный, что нам всем действительно очень хотелось, чтобы за ним приехали. Мы даже в конце концов стали его в этом убеждать:

— Федорка, — говорили мы, — зачем ты получаешь весеннюю одежду? Все равно скоро за тобой приедет отец, он же тебе все купит новое и по размеру.

Мы и в воображении рисовали картину, как Федоркин отец в форме (обязательно в форме, без нее мы не согласны были отдать Федорку) зайдет в комнату, где спали все мальчишки из 2 ”Б” класса, и скажет:

— Федорка, сынок, я так долго тебя искал — поехали домой!

Но папа не ехал, и напрасно мальчик ждал его, просиживая у окна часами. Наверное, мы согласились бы и на ”папу” без формы — но он тоже не ехал. Потеряв всякую надежду, Федорка как-то весь сник, стал еще меньше. Но с появлением Дым Дымыча мы его не узнавали. И в последнем своем рассказе об отце оказалось, что он у него был музыкант.

Учитель тоже отмечал Федорку своим вниманием и за чаем иногда даже брал его на колени. Мы не сердились на Федорку и были от души рады, что, наконец-то, и ему улыбнулось счастье. Но мы не догадывались тогда, что и сам Дым Дымыч был безгранично счастлив. Их можно было часто видеть вдвоем: после школы, беря Федорку за маленькую ручку, Дым Дымыч вел его в центр деревни, в ма-

газин. Возвращались они уже к вечеру, довольные и счастливые. Федорка нес большой кулек с конфетами и печеньем, который ему никогда не удавалось донести до своего места в спальне — кулек быстро опустошался. Ели все, кто успевал запустить руку в волшебный кулек, а Федорка еще и приговаривал:

— Ешьте, ешьте — всем хватит. Мне Дым Дымыч еще купит!

Позднее пошли разговоры, что скоро Дым Дымыч и Федорка вместе куда-то уедут. Куда, мы не знали, а на все вопросы Федорка однозначно отвечал: "Домой".

Так прошла весна, лето, наступила очень. Всего несколько дней падают желтые и красные листья на сухую траву, а потом начинают лить дожди — холодные и долгие. Нам выдали резиновые сапоги, а позднее и валенки. Мы приуныли. Приуныли еще и потому, что заболел наш учитель, наш Дым Дымыч. Видимо, он и раньше болел, но с наступлением холодов болезнь его обострилась. Все чаще его уроки заменялись другими, а потом и совсем были вычеркнуты из расписания. Сам же учитель теперь лежал в своем углу, отгороженном простынями, а тетя Маша приносила ему еду. На рояле он теперь не играл. Больше мы никогда не слышали той замечательной музыки, что каждый вечер лилась из комнаты Дым Дымыча и под которую мы сладко засыпали. Федорка все чаще стал задумываться и плакать в подушку. Мы его не успокаивали, мы сами чувствовали нашими чуткими детскими сердцами неминуемую беду.

И беда пришла, не спрашивая о том, можно ли войти, и не дожидаясь ответа...

Дым Дымыча увезли в больницу близ железнодорожной станции, а музыкальную комнату закры-

ли на ключ. Никто нам не говорил, что случилось с ним, и категорически запретили его посещать. Да и как мы могли его посещать? Тридцать километров пешком не пройдешь, а на автобус не было денег.

И вот так прошли два бесконечных холодных месяца. Уже первый снег покрыл сухие листья и застывшую землю, а деревья стояли голые под пронизывающим ветром. Но даже первый снег нас не радовал, как раньше радовал всегда. Мы ждали Дым Дымыча, мы так верили, что он к нам вернется. Мы бегали на автобусную остановку его встречать и без конца спрашивали у конюха дяди Васи, был ли приказ директрисы привезти Дым Дымыча из больницы. Но дядя Вася отрицательно качал головой и, вздыхая, тихо говорил:

— Видно, скоро отмучается, сердешный.

“Отмучился” учитель как раз накануне Нового года. Уже стояла в актовом зале нарядная елка, а в столовой, в комнате кладовщика, по кулечкам раскладывались подарки.

Хоронили его на деревенском кладбище, которое “провалилось” между двух холмов недалеко от фермы. Мы сбежали с последнего урока, но опоздали. Могилу уже зарыли, а в мерзлую землю вбили деревянный крест, где от руки карандашом было написано:

Кухарин Дмитрий Дмитриевич

Год рождения 1923 Дата смерти — декабрь 1966

На могиле не было цветов, а летящий колючий снег скоро сделал ее белой. Холодный ветер обжигал наши заплаканные лица, но мы этого не замечали. Никто из нас толком не знал, откуда учитель приехал, есть ли у него родные. Родным ему мы считали Федорку, что стоял в стороне, втянув

голову в плечи, и с ним делили его горе. Он не плакал, а молчал, шмыгая носом и хватая ртом воздух. В его глазах — недоумение и страх. Он не понимал, почему Дым Дымыч должен остаться здесь один, в этой стуже, он вообще больше ничего не понимал. И мы не понимали, думая каждый о своем. Нам так хотелось, чтобы рыжий Федорка и Дым Дымыч уехали "домой" ...

После Нового года черный рояль погрузили на телегу, и Марта увезла его в сельский клуб. Кровать, на которой спал учитель и на которой мы сидели, сдали на склад. В музыкальной комнате сделали архив, и мы туда больше никогда не заходили. Однажды директриса Лидия Кузьминишна пришла в 3 "Б" класс, в руке она несла чемодан, тот самый, что стоял под кроватью у Дым Дымыча. Подойдя к Федорке, она ласково погладила его по рыжим волосам и тихо сказала:

— У него, кроме тебя, никого не было. Возьми этот чемодан себе, — и, глубоко вздохнув, вышла.

Мария ШНЕЕРСОН

Голос Шухова в произведениях Солженицына

*(К двадцатипятилетию "Одного дня
Ивана Денисовича")*

*"Разные произведения автора
скрещиваются в его душе".*

А. Солженицын

"Один день Ивана Денисовича", впервые увидевший свет осенью 1962 года на страницах "Нового мира" — явление уникальное во многих отношениях.

Рассказ этот сыграл исключительную роль в развитии общественного сознания. Правда о советских лагерях, впервые сказанная в подцензурном произведении и признанная большевистской партией, потрясла весь мир.

"Один день Ивана Денисовича" явился поворотной вехой и в истории русской литературы; писать так, как писали до Солженицына, стало невозможно. Мастерство и безоглядная честность художника покорили сердца, потрясли души. И все значитель-

ное, что было создано после "Ивана Денисовича", так или иначе связано с этим новаторским произведением.

В творчестве и судьбе самого Солженицына "Один день Ивана Денисовича" также занимает особое место. Принеся автору мировую славу, рассказ спас его от новых репрессий, быть может, от смерти. Он открыл писателю дорогу в мировую печать. С рассказом связана и история создания великого "Архипелага ГУЛаг". "Печатание "Ивана Денисовича" поставило меня в исключительное положение, — вспоминает Солженицын. — Сотни людей присылали мне показания о лагере... Тогда я стал собирать "Архипелаг" "¹.

Все это — общеизвестно. Но есть еще одно явление, над которым стоит поразмыслить: закончив "Один день Ивана Денисовича", автор не расстаётся с героем рассказа. Шухов, созданный воображением художника, оказался настолько ему близок, что продолжает сопровождать писателя и в последующих его произведениях. И хотя все они написаны в ином речевом ключе, голос крестьянина-солдата-зэка Шухова нет-нет, да и прорывается то здесь, то там. Почему так происходит? И что это за голос? В чем его своеобразие? Как звучит он в иной языковой среде? Рассмотрению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

* * *

Солженицын как-то обмолвился: "Я сам в душе мужик" (VI, 259). Эти слова многое объясняют в его творчестве и помогают, в частности, глубже понять языковую основу "Одного дня..." В очерках "Бодался теленок с дубом" Солженицын говорит о "доконной мужицкой сути" "Ивана Дени-

совича" и вспоминает, как А. Кондратович, читая рукопись, решил, что "темный автор лагерного рассказа даже расстановки членов предложения толком не знает, да и слова-то пишет какие-то дикие"².

Многие читатели, притом и из числа доброжелательных, тоже сетовали на "странный" язык повести. И лишь когда вышли в свет следующие вещи, стало ясно, что в первом произведении Солженицына звучит не авторский голос, а голос героя, глазами которого писатель смотрит на лагерный мир.

Повествование строится так, словно автор перевоплощается в ээка Шухова и воспроизводит его внутреннюю речь. Но такое перевоплощение оказалось возможным только потому, что существует глубокая духовная связь между писателем и созданным им персонажем.

В рассказе звучит не некий безликий, усредненный народный язык. Речь Ивана Денисовича отличается своеобразием, присущим именно ему, выражает его неповторимую индивидуальность. Достаточно сравнить язык его и Матрены, чтобы в этом убедиться.

У крестьянки Матрены преобладают мягкие, интонации, ее слова часто напоминают лирические песни или причитания ("певуче рассказывала"), как и слова женщины, встретившейся автору на базаре: "Она не говорила, а напевала умильно" (III, 125). Вслушайтесь, хотя бы, в такой рассказ Матрены: "Ой-ой-ойиньки, головушка бедная! Сколько невест было на деревне — не женился. Сказал: буду имячко твое искать, вторую Матрену..." (III, 143).

Язык Ивана Денисовича тоже связан с фольклорной стихией, но по своему интонационному строю он ближе к иным жанрам народного твор-

чества — прежде всего, к пословицам и поговоркам.

Помимо традиционных народных речений, которых не мало в рассказе, герой его часто употребляет пословицы, родившиеся в лагерях. Да и своим собственным наблюдениям и раздумьям придает он отточенную форму народных афоризмов ("Кряхти да гнись. А упрешься — переломишься"; "Двести грамм жизнью правят", "Миски нести — не рукавом трясти").

На протяжении всего рассказа мы неизменно слышим голос крестьянина, который остается мужиком и на фронте, и в лагере, ибо такова его природа, его суть.

Не потому ли и в его языке преобладают элементы традиционного крестьянского фольклора? Это проявляется и в складе речи, и в лексике. Так, бросается в глаза обилие инверсий, характерных для народной песни, былины, волшебной сказки ("море синее", "ночка темная", "конь добрый"). И у Ивана Денисовича: "ворота провололочные", "тряпица беленькая", "веревочка худая". Инверсия придает фразе особенно эмоциональное звучание. И, вместе с тем, делает речь ритмичной, поэтической. Например: "Солнце взошло красное, мглистое над зоной пустой..." (III, 35). Ритмический характер придают повествованию и повторы отдельных слов — явление также характерное для народной — поэзии ("Издобыть на снегу на голом", "и по зоне, и по зоне", "снег мелочкий-мелочкий").

С крестьянским фольклором сближает язык Шухова также обилие ласкательных и уменьшительных форм. Он говорит о полюбившихся ему людях: "Алешка-чистенький", "Гопчик — зайчишка, голосочек как у козленка"; о природе: "Да, солнышко на заходе. С краснинкой заходит и в туман

вроде бы седенький". Столь же любовно говорится и о вещах, о еде, обо всем, что жизненно необходимо для человека. Ну и, конечно же, хлеб чаще всего называется "хлебушко".

Характерно для мужика Шухова, хотя и обогащенного военным и лагерным опытом, что сравнения он черпает почти исключительно из крестьянского обихода (видимо, подсознательно он все еще продолжает жить именно в этом мире): черпак горячих щей "для него сейчас что дождь в сухомень"; придурки зэков "повалили, как снопы"; "за столом сидят один к одному, как семечки в подсолнухе".

В рассказе существенное место занимает лагерный жаргон, но преобладает крестьянская лексика. Писатель зачастую сохраняет и фонетические особенности народного говора, и наиболее характерные отклонения от литературных норм ("хошь бы", "не окунумши", "поброют", "набраты", "хоцца" и т. п.). Но народный колорит повествованию придают не столько эти ненормативные формы, сколько образные, меткие выражения, благодаря которым язык делается особенно точным и красочным. Какие слова из книжного лексикона могли бы заменить столь сочные народные: "внимчиво", "дерунок и духовит" (о табаке), "сумутится", "разморчивая", "спотычливо"? !

Фольклорная стихия сочетается и с бытовой, разговорной, что усиливает экспрессивное звучание рассказа. Порою кажется, будто это — не письменная речь, а устная. Отчетливо слышится голос говорящего, который словно обращается к различным персонажам: "А что ж делать?.. Нет, вкалывай, падло!" (III, 43); "Небось, небось, толстощекий. На себя б работал — еще б раньше поднялся" (III, 64); "Да драть тебя в лоб, что ты гавкаешь?"

(III, 86). Вырванные из контекста, слова эти звучат, как прямая речь. Но нет — они органически включены в поток авторского повествования. (Здесь сказывается одна из характерных черт солженицынского стиля, которой мы будем касаться и далее: нередко в его произведениях стирается грань между речью прямой и повествовательной. Голоса автора и его героев сливаются).

Иногда кажется, что Иван Денисович обращает свой рассказ к какому-нибудь наивному новичку, которому спешит разъяснить законы лагерного житья-бытья: "А ноги близко к огню никогда в обуви не ставь, это понимать надо" (III, 48); "Пока в бараке живешь — молись от радости и не попадйся" (III, 111); "Хуже нет, как брюхо растравишь, да попусти" (III, 106).

Богатство и сложность духовного мира Ивана Денисовича проявляются в том, что для речи его характерно разнообразие интонаций и частая их смена.

Преобладают спокойные интонации. Так может говорить и думать человек, который понимает, что плетью обуха не перешибешь, что надо приспособиться к жизни, а не "залупаться". Примеров можно привести немало: "Ладно, мы и тут, в углу, ничего" (III, 36); "Ладно, зэка желудок все перетерпливает..." (III, 60); "Да он привычен, дело недолгое" (III, 119).

В трагическом рассказе о жизни каторжника могут показаться неожиданными бодрые, даже радостные интонации, которые звучат довольно часто: "Шухову весело, что все сошло гладко" (III, 78); "Сейчас ни на что Шухов не в обиде: ни что срок долгий, ни что день долгий... Сейчас он думает: переживем! Переживем все, даст Бог кончится!" (III, 101).

Но порой прорывается и за душу хватающая тоска. Она воплощена в пейзаже, в отдельных репликах, в самом строении фразы. Солженицынский герой ко всему притерпелся, но отнюдь не смирился. И чаще, чем тоска, слышатся гневные интонации. Бранная лексика встречается чуть ли не на каждой странице: "гады", "сволочь", "свиньячья морда", "чума", "дармоеды" ... Иван Денисович не скупится на подобные характеристики. Угадывается порой и матерная брань. Но художник истинный, Солженицын не опускается до натуралистического копирования речи лагерника. Писатель превращает язык бытовой в создание искусства, не повторяя дословно того, что произносится в повседневной жизни.

Как ни богата речь Шухова разнообразными оттенками, основная ее тональность — ироническая. Иван Денисович более склонен к презрению, нежели ко гневу. О тех, кого он ненавидит, говорится обычно с издевкой, саркастически. Тут сказывается одна из главных его черт — присущее ему чувство юмора, неугасимое, неискоренимое ни при каких обстоятельствах. Недаром часто встречаются ремарки такого рода: "Шухов обхохотался", "Смеется Шухов", "шутит", "скалится", "усмехнулся".

Живой, динамичный язык Ивана Денисовича, проникнутый юмором и отличающийся образностью, приводит на память слова Пушкина: "...отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться"³.

* * *

Бывший зэк Щ-282, ставший знаменитым писателем Солженицыным, и созданный его воображе-

нием зэк Щ—854 — оказались навсегда связанными узами духовного родства. Завершив "Один день Ивана Денисовича", автор не расстался со своим героем, как об этом уже говорилось. Голос Шухова слышится порой и в других произведениях. Я имею в виду не общую тенденцию Солженицына, не его экспериментальную работу над языком, вызванную стремлением "выправить склад нашей письменной (авторской) речи, чтоб вернуть ей разговорную народную легкость и свободу" (X, 472). Я говорю о специфических особенностях, присущих именно голосу Шухова, которые отмечались выше. Автор настолько сроднился с Иваном Денисовичем, что в некоторых случаях, быть может, сам того не замечая, начинает говорить, как его герой.

Так, в исповедальной книге "Бодался теленок с дубом" есть страницы, разительно схожие с повествовательной манерой "Одного дня..." В этом плане интересен один из центральных эпизодов — рассказ об аресте и высылке писателя. Сходство проявляется и в общей фактуре языка, и в деталях.

Мы встретим тут прежде всего реминисценции фольклорного стиля: повторы слов ("Глазком шуршат, шуршат, смотрят, не насмотрятся"), инверсионные формы ("кабинеты следовательские", "хорек тюремный", "камнем литым"), ласкательные и уменьшительные ("мешочек", "рубчики", "хлебушек"). Нередко звучит и лагерный жаргон ("насадка", "вольняшка недобитый", "вертухай"). Широко использует писатель просторечие ("приспел и еще детина", "ни хрёнышка", "впросто", "улупился"). Пословицы же, которые и во всей книге играют существенную роль, здесь не только встречаются чаще, но и теснее связаны с

крестьянским миром. Последнее можно сказать и о сравнениях ("по привычности, как корова замирает под дойку").

Но главное, что роднит повествование с "Одним днем Ивана Денисовича" — преобладание иронических, а то и саркастических интонаций, напоминающих шуховский юмор. Не столько ненависть, сколько презрение слышится в таких по-шуховски острых словах: "лупятся гебисты", "рожа улыбится", "другой пособачистей". "Веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться" так и сверкают в следующем эпизоде: "Ба, с костюмом-то что! ... в чем-то мелком-мелком белом ... как собачья шерсть! Засуетился подполковник, позвал лейтенанта, щетку одежную, а кран благо тут, и велит лейтенанту чистить пиджак, да не так, ты воду стряхивай, а потом чисть, да в одну сторону, в одну сторону! Я — нисколько не помогаю им, мне-то что, мне — тулупчик верните..."⁴.

Шуховским сарказмом проникнута и драматическая сцена, когда зам. генерального прокурора СССР Маляров объявляет писателю обвинение в измене родине: "А за главным столом, сверкая лысиной, — маленький, вóстрый, пригнулся ... Главный вострый — щуп, щуп меня глазами, как никогда людей не издавши. Ничего, пош-щупай"⁵

И уж совсем, как Иван Денисович, говорит писатель о еде: "А вот и пайка. Не пайка: за кормушкой на подносе нарезанные буханки, отламывай и бери, сколь хошь. Ну, жизнь!"⁶ И затем, перед самой отправкой: "Доесть не дали, гром замка, выходить. Ну, хоть щи долопал. А хлеба-то я навалил на полку — кто теперь его одолеет? Сунул кус в карман пиджака, до этих Европ еще пожрать понадобится"⁷.

Конечно, голос Ивана Денисовича слышится наиболее явственно именно в этих сценах не случайно: переступив порог Лефортовской тюрьмы, писатель очутился в знакомой стихии: "... я железный зэк во мгновение, я сомкнулся с миллионами"⁸.

Следует отметить, что в отличие от "Одного дня Ивана Денисовича", в рассказе Солженицына о его аресте и высылке часто встречаются выражения, явно чуждые и не известные Шухову ("родные пенаты", "ретироваться", сравнение тюремного интерьера с "мрачным молчаливым цирком"). Солженицын не пытается имитировать речь своего героя, перед нами вовсе не стилизация, а живой голос самого писателя. Но когда он снова попадает в тюрьму, в словах его проступает особенно отчетливо то глубинное, то главное, что присуще ему и как человеку, и как художнику ("Я в душе мужик").

* * *

Аналогичное явление, но лишь на более широком полотне, в более разнообразных вариантах, встречается и в "Архипелаге ГУЛаг". И здесь, помимо общего стремления сблизить язык книжный с живым народным, явственно слышится голос Ивана Денисовича. Не раз упоминается и сам рассказ о зэке Щ—854 сыгравший столь большую роль как в судьбе автора, так и в истории создания "Архипелага". Писатель объясняет, почему он выбрал именно такого героя, спорит с критиками, вкривь и вкось толковавшими его образ, вспоминает историю публикации "Одного дня...", обсуждение рассказа в кругу гебистов.

Ни один из персонажей Солженицына, кроме

Шухова, не появляется на страницах "Архипелага". Причем Иван Денисович выступает здесь не только как вымышленный герой, но и в роли сорассказчика и собеседника. Писатель обращается к нему, как к живому свидетелю, в то же время подчеркивая собирательный характер этого образа.

В главе "Туземный быт", говоря о гибельном труде на общих работах, Солженицын отмечает, что Ивану Денисовичу невозможно найти какие-либо способы избавиться от каторжного физического труда. И тут же замечает: "Пусть он сам расскажет..." (VI, 200).

В первых же словах Шухова слышатся знакомые нам интонации, и кажется, что это — цитаты из "Одного дня...": "Вообще — как зэк живет?.. Ему если из песка веревки не вить, то никак не прожить ... В лагере так: на всех все равно не хватит, смотри, чтоб тебе хватило". Но тут же Иван Денисович сам себе возражает: "Так бы так, а вот скажи — все же по людскому обычаю и в лагере бывает дружба ... Сошлись душами и уже друг другу открыты". Здравый смысл сочетается в рассказе Шухова с неискоренимой человечностью и глубокой печалью ("Жить всем хоц-ца", "Живем — не люди, умрем — не родители"). Завершается этот рассказ так: "Ну, Иван Денисович, о чем еще мы не рассказали? Из нашей повседневной жизни?" — спрашивает автор и слышит в ответ: "Ху-уху! Еще не начали..." (VI, 204—205).

Больше нигде Солженицын так непосредственно не включает в повествование прямую речь Шухова. Но голос его время от времени звучит на протяжении всех трех томов "Архипелага". (Это объясняется духовной близостью, о которой уже говорилось.) Характерен такой диалог между автором и его героем: "Да у них и денег не бывает, у полити-

канов", — "У кого это, Иван Денисович, у н и х?" — "Ну, у нас..." (VI, 202) Солженицын подчеркивает, что нет разницы между бывшим мужиком, ныне эзком Шуховым, и одним из "политиканов", будущим автором "Архипелага", который "полностью делил злую долю народа". Пятьдесят восьмая их сравняла, духовное сопротивление сблизило. И тот, и другой — "народ в лагерях, наши Иваны". И писатель приходит к выводу: "Только сам став крепостным, русский образованный человек мог теперь ... писать крепостного мужика и з н у т р и" (VI, 451).

Неудивительно, что и в авторскую речь, стилистически бесконечно разнообразную, врываются нередко отголоски шуховского говора. Чаще всего они звучат наряду с книжной речью, придавая повествованию своеобразный, чисто-солженицынский колорит. Вот, например, словно бы Иван Денисович говорит о советском законодательстве: закон наш "выворотлив", ничего не стоит прокурору "увеличить к а т у ш к у или подвести под д е в я т ь г р а м м ..." И далее встречаются специфические разговорные обороты: "Как догадался? Вот спроси..."; "А смотришь..." Но рядом стоят выражения и чисто книжные: "прозревают будущее", "легион лжесвидетелей благоденствует среди нас..." (VII, 545—546). Такое сочетание книжных форм с разговорными вполне органично и естественно: автор "Архипелага" — интеллигент, историк, художник. Ему близка народная точка зрения, народный здравый смысл и нравственные принципы, но он смотрит на вещи шире, яснее видит истоки и суть явлений. И с позиций художника-исследователя говорит "за Россию безязыкую".

Особенно часто слышится голос Ивана Денисовича в комментариях, которыми сопровождает

Солженицын приводимые в "Архипелаге" документы. Вот, например, рассказывается о процессе над эсерами и сообщается, что их обвинили в государственной измене. И тут же следует авторский комментарий: "Государственная измена! — она тоже перевертушка, ее как поставишь..." (V, 349). Далее, перечислив обвинения, выдвинутые против эсеров, писатель замечает: "Набралась обвинений мера полная и с присыпochкой — и уж мог бы трибунал уходить на совещание, отклепывать каждому заслуженную казнь, — да вот ведь неурядица..." (V, 351). Характерны и отдельные иронические замечания, вроде таких: "Катай-валяй!", "Так что и уши забиваете?" (V, 354). Аналогичные реплики рассыпаны по всему тексту. Вот говорит писатель о хитрых уловках Крыленко: "Ловок, в ступе не утолчешь"; о судьбе подсудимых: "Сколько еще по провинциям закатают — это уж вы смекайте сами" (V, 361); об основах бессудия, заложенных задолго до тридцать седьмого: "Лихо косою только первый взмах сделать" (V, 362).

Особенно явственно шуховский сарказм проявляется в рассказе о тюремщиках ("Псовая служба"). Например, об Антонове: "И ни с кем, сукин сын, не делится, все сует себе в утробу" (VI, 493); о Матвееве: "Да вот еще "хороший"! ... Нет, до ветру нам таких "хороших"! Такие все "хорошие" дешево стоят. По нам тогда они хороши, когда сами в лагерь садятся" (VI, 510).

Напоминают Шухова и строки "Архипелага", которые звучат как советы неопытному новичку. Таковы, например, рассуждения об арестантском пайке на этапе (глава "Корабли Архипелага"): "Ты бери, бери свои полселедки, пока дают, и радуйся! Если ты умен — селедку эту не ешь, перетерпи, в карман ее спрячь, слопаешь на пересылке,

где водица" (V, 474). А вот — о "прелести" пере-
сыльных тюрем: "...лежи и не рыпайся! Кормят
здесь гарантийкой, так горба ж не натрудишь. И
когда не тесно, так и поспать вволю. Растянись и
лежи от баланды до баланды... Убить бы день, а
ночи не увидишь" (V, 527).

Подобные советы, напоминающие здравые рас-
суждения Шухова, сочетаются с другими, обращен-
ными к духовному миру человека. Но и тут неред-
ко угадывается знакомый нам голос. Иван Денисо-
вич не умел бы так сказать, да и проявлялась его
духовная жизнь безотчетно, думал он больше о
житейских делах. И все же, не только мироощуще-
ние, но и язык автора явно напоминают его героя
(глава "Восхождение"): "Думай. Выводи что-то
и из беды..." И придет, — продолжает писатель, —
"сознание какой-то многомиллионной напасти. А
от напасти — не пропа́сти. Надо ее пережить" (VI,
553—554). Все глубже постигая народную мудрость
("Сума да тюрьма — дадут ума"), автор проникался
и ощущением своей причастности к судьбе народа:
"Это было чувство всеобщей правоты. Это было
ощущение народного испытания — подобного та-
тарскому игу" (VI, 557).

Тут уж слышится не голос Ивана Денисовича. Это
говорит писатель! Да и большинство страниц "Ар-
хипелага" написано не в шуховской манере. Но не-
посредственно предоставляя слово своему персо-
нажу или повторяя его интонации, вводя его сло-
вечки, обороты, характерные речения, Солжени-
цын, очевидно, рассматривает Шухова не просто
как одного из созданных им героев. Нет, тут прояв-
ляется то нутряное, исконное, что всегда жило
в душе писателя, но осознано было им лишь в го-
ды испытаний, перенесенных вместе с народом.
Это исконное начало определило и мироощущение

художника, и характер всей его деятельности, и особенности его поэтической речи.

* * *

Шуховский голос слышится порой и в эпосе о русской революции, где, по словам автора, "главное действующее лицо сама Россия" (X, 525).

Прямые суждения людей, подобных Шухову, вынесены в "Красном колесе" за скобки: наиболее важные главы завершаются пословицами. Вот что говорит сам писатель об этом приеме: " ... Пословицами выражается как бы голос народа. Я мысленно представляю среди своих читателей какого-то может быть даже неграмотного мужика, который слушал, слушал, слушал вот то, что там было в повествовании, и потом — раз, вlepил свою пословицу, врезал ее ... Это новое открытие смысла глазами народа..." (X, 529—530).

Так звучит в эпосе "глас народа — глас Божий". Тут нет прямой связи с образом Ивана Денисовича, но косвенная — безусловно есть. Ведь и в "Одном дне..." раскрывается правда о лагерях устами народа, ибо ээк Шухов выступает как "один из наших Иванов".

Есть в "Красном колесе" и своеобразный двойник Ивана Денисовича. При всем различии эпох, ситуаций, возраста, общественного положения, индивидуального облика — родственен Шухову солдат Арсений Благодарев. Многие их сближает: и врожденное чувство человеческого достоинства, и совесть, и сноровка во всем, за что бы каждый из них ни брался, и умение приспособливаться к самым трудным обстоятельствам, и острое чувство юмора, склонность к шутке. И, наконец, главное: неискоренимая ни при каких обстоятельствах

(солдатчина, война, концлагерь) крестьянская сущность — связь с крестьянским обиходом, трудом, традициями, языком.

В главе, где впервые появляется в "Августе четырнадцатого" Благодарев (бой под Уздау), а далее — в тех случаях, когда рассказ ведется словно бы от его лица, отчетливо слышатся отзвуки шуховского голоса. И не только в прямых высказываниях Арсения, но весьма густо — в авторском повествовании о нем.

Вот, например, рассказ о блужданиях Благодарева и Воротынцева по полям сражений: "Да Сенька и так не хуже журавля ногами мерил — однако ж и полковник ходовит; ну без ноши, правда. Зато во все боки бегал узнавать ... Арсений рад был, что ушли. Окоп — яма могильная, и сам же ты залез туда, трясешься, как баран, тесака в шею ждешь. А по полю идти — свои руки, свои ноги, умирать вольней. А еще и поживем. В охотку пошел Арсений за этим растопорным полковником. В денщики б не урядился, а вот так обоюдком хорошо походить" (XI, 270).

И далее выразительные слова придают повествованию все то же "шуховское" звучание: "несручно", "скородышкой", "И — тóропом, наддавая". Характерны и такие чисто разговорные обороты: "Прям, брюхо разрывало — и с чего бы?"; "Бы со сковородки подскочил полковник ... Недолго и Сеньке: на одну руку сгреб, на другую — и ходом" (XI, 273, 275).

Порой читаешь и думаешь: доведись Ивану Денисовичу рассказывать о войне, он так же говорил бы о ней, как и Сенька: "А за все то время что-то погромчело, булгá поднялась: между именем и ближним лесом стояли пушки наши полевые — и вот занадорвались! вот как взялись! как со всей

деревни на одного прохожего собаки возьмутся, вот лопнуть бы хотели все сразу!" (XI, 276).

Следует отметить, что благодаревские интонации, лексика, общий стиль речи напоминают Шухова лишь в военных эпизодах Первого Узла. Сцены же в деревне, куда Сенька приезжает на побывку ("Октябрь шестнадцатого"), написаны в ином ключе: там очень сильно сгущены диалектизмы, редкие местные речения, что не характерно для языка "Одного дня Ивана Денисовича".

Отголоски шуховской речи слышатся и в других эпизодах "Августа", где рисуются солдаты. Особенно это ощутимо в рассказе о фельдфебеле Терентии Чернеге. То звучат фольклорные мотивы ("И — завертелась невзгодою погожая тихая ночь, после оброна месяца с одними только звезданьками" — XI, 415); то напряженный лапидарный разговорный язык, в котором неразличимы прямая речь и авторское повествование ("... ездовые заводили пушки, и Коломыка, рожа скулая, уже свою снимал с передка. И бежал штабс-капитан, во все руки махая! что́ махая? не надо? не надо было? Надо! надо... правильно, молодцы!!" — XI, 417).

Впрочем, следует отметить, что в "Красном колесе", рисуя события с точки зрения разных персонажей и соответственно меняя стиль повествования, Солженицын сравнительно редко воссоздает шуховскую речь. Ни в ленинских, ни в царских главах, ни там, где рассказывается о Гучкове или Свечине, об Алине и других людях, далеких от народной жизни, мы не услышим шуховского голоса. Но это не значит, что он вообще не звучит, когда повествуется об интеллигентах. Рассказ о Воротынцеве, Харитонове и некоторых других персонажах "Августа" часто перекликается по

своему стилю с рассказом о Благодареве или Чернеге. И это — не случайно. Отголоски шуховской речи начинают звучать, когда рисуются персонажи, которые сознательно или интуитивно близки народу или стремятся сблизиться с ним.

Так, Ярослав Харитонов шел на войну в надежде "с народом слиться" (XII, 181). Он был убежден, что в солдатах таится "нравственная сила народной жизни" (XI, 314) и сам жаждал проникнуться этой силой. Очень экономно, не густо, в главы, где война рисуется с точки зрения Харитонова, вкраплены отдельные слова и обороты, вроде следующих: "радый", "вдиво", "неохочего солдатика". Нередко голоса солдат и мечтающего приобщиться к ним офицера сливаются, трудно сказать — он ли, они ли так, например, видят мир: "Не остановились при закате желта солнышка, пророчащего и на завтра такую же ясень, пыль и жару. Не остановились и в сумерки..." (XI, 146); "... и вся русская силушка уходила на объезд и обтаск, на то чтоб из вязкого места вытащиться снова на круть..." (XI, 146).

Еще отчетливее слышится шуховский голос там, где на войну мы смотрим глазами полковника Воротынцева. "Воротынцев умел воевать только не отделяя себя от солдат", его идеал — "соединение с простонародьем" (XIII, 144—145).

Ведь и Благодарева мы впервые видим глазами Воротынцева, и впечатление, произведенное этим солдатом на полковника, характеризует и того, и другого. С первой же минуты пришлось по душе Георгию эта "ловкая подхватистая фамилия, и так же подхватисто он выговорил ее, теплым помелом прошел по сердцу" (XI, 256).

В последующих главах сливаются голоса полковника и Сеньки, так что не всегда отличишь, чей голос звучит в данный момент. Но и там, где пове-

ствование ведется явно с точки зрения Воротынцева, постоянно слышатся отзвуки благодаревского (шуховского) голоса. Вот лишь немногие примеры: "Ведь друзьям плохо, для друга слазь и в грязь, а англичане когда еще через пролив спопа́шатся!" (XI, 125); "Ему-то не растолковано загодя!.." (XI, 262); "И увидел крупноокого запасника с бородой, какую бороной расчесывают" (XII, 21). Порою, быть может, в повествовании об образованном, интеллигентном офицере царской армии, выходе из дворянской семьи, кажутся странными слова типа "попереди", "сбочь", "спотычливо", "сподряд" и мн. др. в том же роде. Но чувство исконной связи с народом, с родиной, столь характерное для Воротынцева, объясняет и особенности языка в тех главах, где речь идет о нем. С радостью сознает герой Солженицына, как вливаются в его душу "забытые силы ядреной неисчерпаемой России" и приходит к убеждению: "Да ведь силы немеренные в этом народе!" (XI, 280).

Но вот что характерно: отзвуки шуховской речи в повествовании о Воротынцеве слышатся лишь там, где он предстает перед нами в военной обстановке. Когда же Воротынцев попадает в среду столичной интеллигенции, когда автор рисует его любовную драму — язык становится столь же далеким от шуховского или благодаревского, как и тот мир, с которым общается полковник, далек от народной жизни. Поэтому в "Октябре шестнадцатого" и в "Марте семнадцатого" речевая тональность воротынцевских глав резко меняется.

Вообще следует отметить, что в "Октябре", где в основном рисуется образованное общество, шуховские интонации почти не слышны. Различные персонажи здесь много говорят о народе, но не

знают его и не понимают. И речь их далека от народной.

* * *

Воссоздавая в "Марте семнадцатого" картины февральской революции, Солженицын, естественно, отводит много места массовым сценам и изображению самых различных слоев населения. Многие события рисуются с точки зрения простых людей, и народная речь часто слышится на страницах III Узла. Но — здесь звучит совсем не тот голос, который нам знаком со времен "Одного дня Ивана Денисовича".

Голос этот в "Марте" возникает крайне редко, а если и возникает, то в иной тональности. Ни живой смены интонаций — то спокойно-рассудительных, то иронических, то горестных, то ласковых, ни афористической отточенности, ни фольклорной образности, ни юмора — ничего, что столь характерно для Шухова, в повествовании о бунтующем народе мы не найдем. Зато заметно возрастает число слов и оборотов, свидетельствующих о невежестве говорящих.

Почему же в "Марте", где народ — рабочие, солдаты, матросы, городская беднота — занимает столь существенное место, знакомый нам голос, часто возникавший в "Августе", почти совсем перестает звучать? Ответ заключается в том, как Солженицын изображает февральскую революцию.

Это — особая тема, и в настоящей статье нет возможности подробно на ней останавливаться. Главное же заключается в том, что вопреки сложившемуся представлению о февральской революции как о мирной и бескровной, как о событии, которое могло бы благотворно сказаться на судьбе Рос-

сии, писатель-историк, опираясь на документальные материалы, раскрывает нечто совсем иное. И народ в "Марте" — его роль, настроение, поведение — также предстает в неожиданном свете.

В романе "В круге первом" Солженицын так определяет понятие "народ": "Не по рождению, не по труду своих рук и не по крылам своей образованности отбираются люди в народ. А — по душе. Душу же выковывает себе каждый сам год от году. Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать ч е л о в е к о м. И через то — крупницей своего народа" (II, 133). Человеком оставался Иван Денисович в губительной атмосфере советских лагерей. Человеком оставался Благодарев перед лицом смерти, неся тягостную солдатскую службу. А взбунтовавшиеся рабочие, солдаты, матросы потеряли человеческий облик, озверели и превратились в дикую толпу. "Толпа" же и "народ" — понятия отнюдь не идентичные.

Народ в "Марте" рисуется в разных ракурсах. С точки зрения интеллигенции, искони мечтавшей пострадать во имя униженных и оскорбленных, народ — это Народ! Однако в первые же дни революции, которую образованное общество встречает с восторгом, народ предстает перед своими защитниками не таким, каким он им казался.

Так, бывший студент, ныне прапорщик Шабунин, встав перед дилеммой — стрелять или не стрелять в бунтовщиков, не задумываясь, решает: "В народ — Страдалец, в Народ, перед которым мы извечно виноваты ... в Народ, конечно, Шабунин стрелять не будет и не даст". Но при столкновении с восставшими он видит не Народ, а толпу. Встретив препятствие, толпа эта "заорала, завyla", ринулась "со звериным воем" (XV, 407, 408).

Слова вроде "выть", "рев" и им подобные повто-

ряются не раз как в этой сцене, так и в аналогичных. Писатель не различает в одичавшей массе отдельных человеческих лиц: "хлынула толпа черных пальто и серых шинелей, все в красных лоскутах" (XV, 409). Цвета — явно символические: надвигается нечто серое, черное и красное — цвета крови и пожарищ. И это "нечто" убивает народолюбца Шабунина.

Та же участь едва не постигла другого радетеля народа — офицера Станкевича. И он вместо Народа увидел разъяренную толпу: "кипела беспорядочная толпа солдат", "гневная масса", ощущалось "вулканическое дыхание стихии" (XV, 363—364). И Станкевич с ужасом понял: "Шла — толпа, ни к чему не прислушная, никем не судимая, ни за что не ответственная, не знающая никаких своих глашатаев и радетелей ... Не так он представлял себе братание с народом на заре свободы, но получалось так" (XV, 364—365).

Подобных эпизодов в "Марте" много. И по мере того, как нарастает бунт, слово "народ" в массовых сценах слышится все реже и все чаще заменяют его другие: "чернь", "банда", "стадо", "сборище", "дикий солдатский сброд", "черные толпы в тревожном движении". И звучат глаголы: "убили", "разграбили", "валит толпа", "бушует".

Читая "Март", нельзя не вспомнить "Двенадцать" Блока (существенная разница заключается лишь в том, что Солженицын, обогащенный трагическим опытом десятилетий, видит впереди не Христа, а Сталина и оскал ГУЛага). Блоковские мотивы, вроде следующих:

Запирайте этажи
Нынче будут грабежи,
Отпирайте погреба
Гуляет нынче гольтьба...

Или: "Уж я ножичком полосну, полосну..." — эти мотивы разворачиваются в потрясающие картины, и так называемая бескровная февральская революция предстает перед нами как страшная кровавая драма. С каждым часом становится "ярей народ" после того, как однажды он "крови отпробовал".

Разительно меняется и облик русского солдата. В квартиру Кривошеиных врывается толпа в серых шинелях. "Игорь обежал их лица — и вдруг не почувствовал своего всегдашнего любования русским солдатом: вместо смелости, подхватистой службы, терпения или юмора (как не вспомнить тут Благодарева! — М. Ш.) — что-то тупо-развязное, животное, отвратительное было в этих лицах" (XVI, 98). Арестованный неизвестно за что, Игорь попадает в толчею перед Таврическим дворцом: "И — разве первую толпу в жизни он видел? но никогда не замечал подобного: проступающей жестокости на многих лицах, и не в особый момент их возбуждения, а в этом будничном полувеселом состоянии в солнечный день подле Таврического. Как будто с известного антропологического, психологического, национального, сословного типа — сдернули верхнюю кожицу, и у всех сразу проступила жестокость. И — жутко становилось, будто ты попал не в свой народ и на другую планету, и здесь можно ждать всего" (XVI, 99).

Так рисуется народ (точнее, революционная толпа) со стороны, с точки зрения различных народолюбцев. Но писатель изображает толпу и *и з н у т р и*, пытаясь понять ее психологию и глубоко заглянуть в помраченные души бунтовщиков. Он вызывает из небытия отдельные голоса, он вслушивается в их дикий хор, глазами толпы заставляет и нас увидеть революционные события.

Вот, например, в 129-й главе разворачивается

страшная сцена разгрома полицейского участка на Охте. Повествование ведется как бы от лица участников разгрома. На это указывают местоимения "мы", "наши", словно кричит сама толпа; указывает и специфическая лексика ("кажись", "почали"). Да и восприятие происходящего присуще именно тем, кто действует в этой сцене.

По ночной улице, разбивая на бегу фонари, несутся одичавшие люди и слышатся их голоса: "Как зазвенит да как потухнет — лихо на сердце!" Это — не прямая речь, но и не авторская. То же — во всей главе: "А в городе все — стреляют, стреляют. И зарева — ярко видны по темноте. От зарев — так и разбирает душу: эх, развернуться! да чем же мы хуже! ... Да что робеем, ребята? Да соберемся! Да все сразу?" Так постепенно нарастает чувство стадного восторга. А кончается все — жестоким кровопролитием. Один из избиваемых городских молит: "Братики!.. Ради Бога!.. Дети остаются..." Но беспощаден рев толпы: "Бей, кромсай их в мясо, не слушай! Ишь ты, дети! Добивай, чем схватил — палками, прикладами, штыками, камнями, сапогами в ухо, головы в мостовую, кости ломай, топчи их да втаптывай, да поплясывай!"

Завершается эта кошмарная сцена всеобщим ликованием, в котором видится "зверь из бездны": "Эх, вот когда наша жизнь начнется — только теперь! Не хотим боле с полицией жить — хотим по полной слободе!" (XV, 546—547). Нам ли не знать, что эта "свобода до одури и рвоты" в конечном счете приведет народ к рабству — тоже до одури!

Неудивительно, что в подобных массовых сценах ни единый звук не напоминает человеческого, мудрого Ивана Денисовича. Невозможно представить себе ни его, ни Благодарева в толпе грабителей,

насильников и убийц, опьяненных водкой и кровью.

Однако в тех случаях, когда рисуется не бунтующая толпа, а отдельные люди из народа (обычно — солдаты), вроде бы и звучат отголоски шуховской речи.

Быть может, ближе всего к повествовательной манере "Одного дня Ивана Денисовича" — рассказ о волынце Вахове, который, по воле случая, стал членом Совета рабочих и солдатских депутатов.

Глава 146-я, где появляется этот персонаж, по мастерству — одна из самых блестящих, а по сути — одна из ключевых. В ней раскрывается и з н у т р и психология рядового участника событий, в которых он сам ровным счетом ничего не понимает.

Вахов — новобранец, лишь недавно попавший из глухой деревни в столицу, где он чувствует себя чужим, Питер для него — "хуже леса дремучего, сузёма, и для крестьянского сердца ни в чем тут заманности, а — тоска" (XV, 606). В сознании Вахова поначалу крепки нравственные принципы, но революционный вихрь затягивает его в свою воронку, и Вахов меняется на наших глазах.

Растерянный, напуганный, отбившись от своих, попадает Вахов поздно вечером в Таврический дворец. Там уже полным полно таких же бедолаг, как и он. "Пока по городу гоняли, кричали, стреляли, с налету брали здания — во всем была тысячная сила и заединство, и не страшно, а весело, как на лучшей гулянке, кружим как хотим. А где теперь та толпа? Да вольные погуляли — и по домам разошлись. А с солдата — голову" (XV, 603—604).

В таком настроении приткнулся он в уголке огромного зала, похожего на поле под крышей,

и попытался вздремнуть. Но не тут-то было. Подошли незнакомые люди, приказали: "Будешь депутат от Вольнского полка, никого от ваших нет. Пошли на совет депутатов!" — "На куда? Еще во что встрянешь глубже?" — думает в страхе Вахов. Но покоряется приказу. Прикололи ему для чего-то к груди красную тряпку. И чувствует его сердце что-то недоброе: " ...эт' еще занозливей куды-то тягивали. Солдату на шинели — нешто положено красное? Дурак любит красно, солдат любит ясно" (XV, 604).

Волей-неволей став "депутатом", Вахов вслушивается в речи ораторов. Все они наперебой хвастаются, кто больше своих офицеров убил, а "начальство" за столом плещет в ладоши, одобряя убийц. "И все до того радостны, ажник вот лопнут сейчас", — иронизирует Вахов, нисколько не разделяя всеобщего восторга. Напротив, он полон раскаяния и страха, и от похвальбы других у него "прямо, засосало сердце: ведь придут, придут наказывать! ...Ведь без штрафа ничего не обходится, не бунтуй в военное время! И правда, шутка сказать: война идет — а мы своих офицеров на смерть уложили? Да ошастеннели, что ли?" (XV, 605). Так голос разума не умолкает в одурманенной голове солдата.

И когда дают ему слово, хочет он рассказать все по правде: нипочем бы не стали вольнцы бунтовать, "когда б не послали их на такое нелюдство вчера ... стрелять по народу. А только думали они — не идти в наряд ... Капитана Лашкевича — и сговору не было убивать, кто его убил, как? А как убили — так и сами себя отрубили, и весь свет уже тесен ... Как будто Вахов в одиночку погулял топором — и уже откинуть поздно, и забыть нельзя, в той крови, в том мясе все руки забрызганы —

и страшно вернуться на то место, где Лашкевича уложили” (XV, 606).

Так он воспринял события первого дня революции, да он ли один? Естественное нравственное чувство, надо думать, жило и в других сердцах. Но кровавый вихрь затягивал и затягивал в свою воронку. Понимал Вахов, что на Совете говорить, как он чувствует, невозможно. И вот, от имени Вольнского полка произносит он, хоть и невнятно, но нечто совсем другое: ” ’Мы, конечно, вольнцы первые... наша учебная команда... Мы, конечно, первые, а потом уже все за нами...’ — И осмелел, тут, среди них: — ’И если нужно будет, мы опять же постоим...’ И за него dokonчили, крикнули: ’Против самодержавия!’ ” (XV, 606).

Так насилует революция душу и волю человека. Теперь начинает и Вахову казаться, что все — дозволено; ”Как будто топор тот, несказанный, они ему с греха снимали”. Умолкает совесть, отпускает и страх. ”Такую-то тьму — не загонят в тюрьму?..” (XV, 606).

Раскрывая психологию одного из участников бунта, писатель обнажает процесс деградации сотен и тысяч других таких же простаков, под влиянием стадного безумия теряющих представление о добре и зле. Голос Вахова пока что напоминает шуховский, но, кто знает, не станет ли этот новоиспеченный депутат на следующий день кричать с другими озверевшими, ослепленными бунтарями: ”Бей! Жги!” Больше Вахов в первых двух томах ”Марта” не появится. Но его собратьев мы увидим не раз в роли поджигателей и убийц. И в рассказе о них уже не услышим шуховского голоса.

Так революция, едва начавшись, вливает яд в людские души, пробуждая в них наихудшие инстинкты. Вот почему в Третьем Узле нет того на-

рода, который близок автору, нет народа-человека, и голос любимого героя Солженицына заглушается звериным воем толпы. Закрывая второй том "Марта семнадцатого", мы с горечью повторяем знаменитые пушкинские слова: "Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный". Да и не только русский...

... "Красное колесо" не завершено. Возникнет ли еще на новых страницах эпопеи голос Ивана Денисовича? Ведь благодаревы и шуховы продолжали жить и после рокового семнадцатого. Даже в гибельном аду ГУЛага слышал Солженицын этот голос, и с тех пор он не перестает звучать в душе писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александр Солженицын. Собрание сочинений. Вермонт-Париж, ИМКА-пресс, 1983, т. 10, с. 513. Далее ссылки на произведения Солженицына, вошедшие в это издание, даются в тексте (в скобках указывается номер тома и страницы).

2. Александр Солженицын. Бодался теленок с дубом. Париж, ИМКА-пресс, 1975, с. 27.

3. А. С. Пушкин. Собрание сочинений. Москва, ГИХЛ, 1962, т. 6, с. 15.

4. "Бодался теленок с дубом", с. 464.

5. Там же, с. 451.

6. Там же, с. 460.

7. Там же, с. 468.

8. Там же. с. 453.

Проф. Н. В. ПЕРВУШИН

Кто был Александр Бланк?

С тех пор как родился мой правнук Адриан-Николай, я начинаю думать о моем собственном прадеде, о котором очень мало известно. Я уверен, что Адриан будет знать, кем я был, даже если мы не проведем с ним вместе много времени. Его бабушка и отец, вероятно, расскажут ему о моей жизни, а если он будет любознательным, то он сможет прочесть некоторые из моих писаний, — по крайней мере те, которые написаны по-французски и по-английски.

Что касается моего прадеда с материнской стороны — Александра Бланка, то я никогда не смогу прочесть его книгу о медицине, опубликованную где-то во второй половине прошлого века. Что я знаю о нем? Когда я был ребенком, моя мать и тетка говорили мне, что он был врачом в России, что у него было пять дочерей и один сын. Одна из дочерей, Екатерина, — моя бабушка; у меня есть ее фотография. Мой прадед стал землевладельцем и владел небольшим имением недалеко от Казани. До и после его смерти дочери его жили в его имении, в том числе моя бабушка. Иностранную

фамилию они объясняли его немецким происхождением.

Я очень хотел бы знать, где он родился, кто были его родители, как он выглядел, что за человеком была моя прабабушка, кто были его друзья? Интересно было бы также узнать, что он делал в своем имении Кокушкино. Жил ли он там только как помещик? Или занимался и медицинской практикой? И, наконец, имел ли он крепостных, когда купил это имение?

Я написал письмо в советскую Академию наук и спросил: где найти материалы о моем прадеде? Ответа не получил. О нем почти ничего не было написано. Очевидно они считают его засекреченной персоной и не позволяют изучать связанные с ним архивные документы.

Означает ли это, что никто никогда ничего о нем не узнает? Можно ли себе представить такую нелепость: человек, умерший в 1873 году, широко известный своими эксцентричными манерами и оригинальным способом лечения больных, одним из первых введший в России гидротерапию, остался до сих пор засекреченным. В чем дело?

Секрет начинается с его дочери Марии, вышедшей в Пензе замуж за учителя. По фамилии Ульянов. Они вырастили трех дочерей и трех сыновей. Один из них, Володя Ульянов, стал впоследствии Владимиром Ильичом Лениным.

Компрометирует ли пролетарского вождя такой дед? И если да, то чем? Может быть иностранной фамилией? Но Карл Маркс и Фридрих Энгельс — тоже иностранцы. Какая же тайна окружает Александра Бланка?

В русских эмигрантских кругах в 1950—1960 годах возникли слухи, что Бланк был евреем, что он был крещен в Одессе, где работал фельдшером и

писал доносы на своих бывших единоверцев в правительствующий Синод в Петербург. Передавались даже подробности, что после революции в архивах Синода было найдено дело этого одесского еврея. А когда Гринберг хотел снять с него копию, оказалось, что дело исчезло из архивов. И якобы кто-то по секрету сообщил Гринбергу, что изъято оно по приказу из Москвы, поскольку относилось к "деду Ильича". Историк Д. Н. Щуб поверил этому слуху и опубликовал его в газетной статье, где утверждалось также, что в России все Бланки были еврейского происхождения.

Еще задолго до того, как появились слухи о еврейском происхождении Бланка, я, интересуясь происхождением прадеда, искал в разных энциклопедиях — были ли в России Бланки и известно ли что-либо об Александре Бланке. Я нашел, что первого Бланка, о котором стало известно в России, звали Василий и приехал он из Германии в XVII веке. В чине подполковника кавалерии он служил в 1663 году в Тобольске, куда послан был отражать набеги башкир и татар.

При Петре Великом Яков Бланк работал мастером на Олонецком металлургическом заводе в Карелии. Его сын Иван был архитектором в Петербурге, а внук, Яков Иванович Бланк, стал известным русским архитектором (умер в 1793 году). Он построил несколько церквей и частных домов в Москве, перестроил монастырь в Новом Иерусалиме. Его сын Борис был известен как поэт, переводчик, журналист и был другом известного поэта Вяземского. Его сыновья Борис и Петр стали известными журналистами. Петр был землевладельцем в Тамбовской губернии и сторонником крепостного права. Он даже писал статьи против ре-

форм Александра II и на него нападал в своих писаниях Герцен.

Один из Бланков, Павел, в 1790-х годах, работал переводчиком и сотрудничал в журнале "Русский архив". Другой Бланк, Николай, был драматургом. В начале 1800-х годов в России было немало и других Бланков — все православного вероисповедания. Их немецкие предки прибыли в Россию по приглашению императрицы Екатерины II и поселились на Украине и в Заволжье. Среди них были чиновники и землевладельцы.

Я нашел также военного лекаря, Черниговского, как я думаю, полка, Дмитрия Бланка, умершего в 1812 году. Это и был, вероятно, отец Александра Бланка. Нашел и Бланка — студента-медика. Были также Николай Бланк, чиновник, и Павел Бланк — тоже чиновник. Нашел я также несколько Бланков иудейского вероисповедания, живших в России, — они перечислены в "Еврейской энциклопедии".

В 1954 году в "Новом журнале" (№ 37) появилась статья моего друга Н. В. Валентинова-Вольского "Ленин в Симбирске". Он писал:

"Кто был отцом матери Ленина, его дедом? На это отвечают — Александр Димитриевич Бланк, родившийся в 1802 году, умерший в 1873 году. Какова национальность Бланка? На этот счет существует странное, упорное и непонятное молчание. Ни в одном из мемуаров Ульяновых, ни в одной биографии Ленина нет на то ответа... Г. Вальтер в книге "Ленин" утверждал, что Бланк был по происхождению украинец... Есть сведения (они будто бы хранятся в архивах Института Маркса-Энгельса в Москве), что он родился на Волыни, то есть в пределах Украины, но был евреем. Фамилия Бланк довольно часто встречается у евреев... Он был крещеным, если он был евреем... Гово-

рить с уверенностью об еврейском происхождении Бланка все-таки нельзя. Нам известно, что, например, в семье внучки Бланка А. А. Первушиной (ее мать одна из старших дочерей Бланка, вышедшая замуж за педагога Залежского) всегда считали, что Бланк — немец или швед из Прибалтики. Это более согласуется с его женитьбой на несомненной немке, — если бы он был евреем, его женитьба (в первой четверти XIX века) в какой-то мере противоречила бы нравам и порядкам того времени”.

Анна Бургина, работавшая в Станфордском университете (США) как специалист по русским политическим партиям, в первую очередь, социалистическим, опубликовала в газете ”Новое русское слово” в 1961 года статью ”К вопросу о происхождении деда Ленина”. В заключении она писала:

”Кто знает сколько русских Бланков жили в России и живут сейчас? Разве не мог А. Д. Бланк, дед Ленина, быть русского происхождения? Неужели он мог быть фельдшером из Одессы, крещеным евреем Александром Давидовичем Бланком, чье имя и фамилия были случайно найдены в архивах Синода?”

Мне кажется, что соображения Бургиной правильны и соответствуют тому, что я слышал в юности от своих родных.

Можно предположить, что мой прадед рожден был в семье врача Димитрия Бланка, (мы точно знаем, что Александр Димитриевич Бланк родился в 1802 году, где-то на Украине). В книге Марии Ульяновой тоже указано, что Александр Бланк родился на Украине. Мы знаем также, что около 1818 года в шестнадцатилетнем возрасте он поступил в Петербургскую Медицинскую Академию.

Ничего не известно относительно того, как и когда он переехал в столицу. Мы не знаем, что было с его семьей во время войны с Наполеоном, — его отец, лекарь, был, вероятно, во время этой войны убит. В то время, а в особенности после войны с Наполеоном, в России врачей не хватало. Можно предположить, что это было причиной выбора Александром его медицинской карьеры. Кроме того, как сын военного лекаря Александр был, вероятно, принят в Академию без платы за право учения.

Условия учения в Медицинской Академии были суровые. В жилых помещениях было холодно (не больше 8° Реомюра), питание было простое — щи, черный хлеб и каша. Освещение — масляные лампы. Работали очень напряженно: студенты должны были каждую неделю писать сочинения, часто была устная проверка, а каждые три месяца — устные и письменные экзамены.

Уже на второй год учебы Александр должен был выполнять обязанности лекарского помощника, производя всю грязную работу с больными. На третьем году он нес ответственность за лекарства, делал также кровопускания, очень популярные в то время. На четвертом году он должен был выполнять несложные хирургические операции под наблюдением врача. На пятом — писать истории болезни и выписывать рецепты. А на шестом он уже производил серьезные хирургические операции и был ассистентом в Академии под руководством главного врача.

Окончил он Академию в 1824 году.

По окончании учения Александр получил, в качестве награды, набор хирургических инструментов и несколько книг по медицине.

До 1812 года выпускников Военно-медицинской

академии посылали обычно совершенствоваться за границу. Но так как в то время недоставало врачей, Александр тотчас же начал работать в Смоленске, сильно разрушенном во время войны. Там он пробыл по меньшей мере год.

Бланк женился на Анне Ивановне Грошопф, — вероятно, после того, как вернулся в Петербург и начал работать полицейским врачом, — между 1826 и 1833 годами.

Грошопфы, по-видимому, происходили из Мекленбурга. Были состоятельны. Грошопф, дед Ленина, родился в 1766 году и умер в 1845 году. Он представлял в Петербурге немецкий торговый дом Шнайдера. Известный лютеранский богослов XVII века Иоанн Хоффер, археолог XIX века Эрнст Курциус и маршал Модель в XX веке — были в родстве с Грошопфами.

В энциклопедиях и биографических справочниках я нашел интересные данные о родственниках моей прабабушки Грошопф. Девичья фамилия ее матери была Остедт. Ее дед, Карл Остедт родился в Упсале в Швеции в 1741 году, переехал в Россию, работал в Петербурге по специальности и умер в 1826 году. Одним из его родственников был Новелиус Младший — священник XVIII века, утверждавший, что он — сын шведского короля Карла XII.

Когда умерла жена Александра Бланка — мы не знаем. У них родилось несколько детей. После 1833 года Бланки переехали на Урал, где Александр работал лекарем при разных заводах, в том числе на известном оружейном заводе в Златоусте. Первый их сын, Димитрий, умер в раннем детстве. Мария родилась в 1837 году. В 1840-х годах Александр Бланк приобрел — от Кокушкиных — имение в Казанской губернии. В имении был большой

дом с участком земли. К имению принадлежала деревня с крестьянами. В ней жила и прислуга, работавшая в доме. Имение находилось приблизительно в 45 верстах от Казани. К дому Бланк пристроил флигель для своих дочерей с семьями.

Овдовев, Александр Бланк решил всецело посвятить себя воспитанию дочерей. Он попросил свою свояченицу Екатерину Эссен, к тому времени тоже овдовевшую, заняться воспитанием детей. Она была лютеранка, хорошо образованная, знала несколько языков, была хорошей пианисткой. Учила девочек языкам, музыке, заботилась об их здоровье (запрещала пить чай и кофе) и до некоторой степени заменяла им мать.

Мы не знаем, как она относилась к Александру Димитриевичу Бланку, но, вероятно, они жили дружно. Она не протестовала против эксцентричностей своего зятя. Я уже упомянул, что он был сторонником водолечения: вскоре после женитьбы он был с женой за границей на курортах в Германии и в Австрии, ознакомился с гидротерапией и был одним из первых в России сторонников этого метода. (В книге, которую мне так и не удалось достать, он, вероятно, об этом рассказывает.)

Он требовал, чтобы дочери обтирались холодной водой летом и зимой и иногда даже, в виде лечения, оборачивал их мокрыми простынями. Он был также сторонником питья лечебных вод.

Бланки питались простой, здоровой пищей, очень скромно одевались. Дочери Бланка, в том числе и моя бабушка, жаловались своим сверстникам и сверстницам — в частности, двоюродным братьям и сестрам — на чересчур суровый спартанский режим дома. Однако, надо думать, что этот режим очень укрепил их: все они были здоровыми.

Впрочем, моя бабушка Екатерина, вышедшая замуж за учителя гимназии Залежского и родившая нескольких детей, заразилась туберкулезом, от которого тогда не умели лечить, и умерла еще не старой.

Кокушкино было расположено на высоком берегу речки Ушна. Дом был с мезонином, двумя балконами, с деревянными колоннами. В угловой комнате — спальня владельца. Кроме того, у него был кабинет, который служил иногда также и приемной для больных. Были также гостиная и детские спальни.

Через имение протекал ручей, впадавший в пруд, на котором была мельница. Рядом был огород и цветники. Дети называли этот ручей "ручьём зеленых роз", они любили ходить вдоль него, а летом — купаться в нем. В парке возле дома была липовая аллея. Ушна впадала в Каму.

В пристройке была бильiardная, где Бланк любил играть со своими гостями. Бланк был оригиналом, не доверял ни русской медицине, ни школьному образованию детей. Его шутки были иногда довольно грубыми. Так один из его гостей как-то развивал теорию, что собачье мясо так же питательно, как говядина. Когда этот гость (если не ошибаюсь, Веретенников) снова обедал у Бланков, ему подали мясо, а потом сказали, что это был собачий бифштекс.

Бланк умер в Кокушкине в 1873 году. Все его дочери в это время уже были замужем. Первой замуж вышла Анна и переехала в Пензу к своему мужу Веретенникову. После смерти зятя Екатерина Эссен покинула Кокушкино и имением стала управлять Анна Веретенникова.

По соглашению между сестрами, а может быть по воле самого Александра Бланка, этим имением

пользовались, главным образом, любимица отца Мария Бланк-Ульянова, а также Анна Веретенникова. На лето в имение съезжались другие дети Бланка, а также его многочисленные внуки и внучки — дети Ульяновых, Веретенниковых и других сестер. В том числе и моя мать.

Дети обожали Кокушкино, где можно было играть, плавать в речке, устраивать пикники и любоваться фейерверками. В имении их встречали слуги — пожилой Ефим и молодой Роман. Иногда они возили гостей в Казань и обратно: летом — в экипажах, зимой — на санях.

Из соседней деревни Черемушкино (принадлежавшей Бланку до 1861 года, года отмены крепостного права) приезжали мастера для ремонта дома.

В эмиграции был слух, что Рыков, бывший после переворота премьер-министром, якобы говорил, что в Политбюро была речь о какой-то комиссии, которой было поручено разузнать о предках Ленина, но что там "натолкнулись на такую грязь, что решили дело это не продолжать". Это, казалось бы подтверждало версию Гринберга и Шуба. Однако тот же источник сообщал, что комиссия эта направилась в Астрахань, чтобы узнать, не было ли сифилиса у родственников отца Ленина, Ильи Николаевича Ульянова, и что расспрашивали старожиллов, помнивших астраханских проституток и завсегдатаев разных "злачных мест". Вероятно, именно к этим "материалам" и относилось замечание Рыкова.

В эмигрантской литературе подчеркивается тот факт, что дед Ленина был владельцем крепостных. Это, конечно, могло бросить тень на него в глазах советских пропагандистов и это, вероятно, и было главной причиной замалчивания всего, что могло

быть известно об Александре Бланке. Также его происхождение — не русское, а немецкое — было крайне неудобно, особенно в связи с войнами между Россией и Германией и Германией и СССР. Но с тех пор уже прошло достаточно времени. И неужели нельзя открыть архивы и сообщить подробно о происхождении и жизни незаурядного врача и большого оригинала доктора Александра Бланка?

Болезнь и смерть Ленина

Революция 1917 года в России — безусловно самое значительное событие Новой истории. Последствия ее до сих пор определяют мировую политику во всех концах света. Неудивительно, что ученые и писатели, частные лица и политические деятели, русские и нерусские, изучают эту революцию и все, связанное с ней.

Сразу после прихода большевиков ко власти, параллельно с советским фальсифицированным отображением прошлого и настоящего, за рубежом и даже в самой России появились литературные произведения, воспоминания, очерки, написанные непосредственными участниками и компетентными историками. Мемуары бывшего премьер-министра Коковцева, членов Государственной думы Маклакова, Милюкова и Мельгунова, выдающихся генералов гражданской войны, Деникина, Врангеля...

Потом стали появляться записки разочаровавшихся в коммунизме беглецов из СССР, — секретаря Сталина Бажанова, работника советской контрразведки Агабекова и, наконец, высланного за границу, одного из главных вождей революции — Троцкого.

Приход Гитлера к власти и Вторая мировая война

на некоторое время отвлекли мир от русской революции. Но после разгрома держав Оси и наступления "холодной войны" интерес к России резко возрос. Большую роль в этом сыграли также эмигранты второй и третьей волны. Помимо книг Авторханова, в разных изданиях русской эмиграции систематически появлялись труды, освещающие революцию, гражданскую войну и период военного коммунизма. Солженицын выпускает периодически отдельные узлы своего монументального эпоса "Красное колесо".

Ленину как одному из главных действующих лиц русской трагедии было посвящено немало произведений (Фишер, Валентинов, Поссоли, Пайн, Караваев). Загадочные обстоятельства, связанные с последними годами жизни коммунистического вождя и множество всевозможных слухов привели к острым дискуссиям по поводу его болезни и смерти.

В этой работе автор попытался собрать доступные ему материалы о жизни Ленина, оценить их с медицинской и документальной точек зрения и подвести некоторый итог спорам и дискуссиям о его смерти. Не попытка скомпрометировать политического противника, а поиски исторической правды были лейтмотивом этой работы.

В обширной литературе о Ленине встречаются сообщения о состоянии его здоровья, об отдельных болезнях и несчастных случаях. Видимо, он не отличался особым здоровьем с самого детства, мелкие недомогания почти постоянно мучили его, но серьезных заболеваний как будто не было.

Ленин хорошо перенес опасное пулевое ранение при покушении Фанни Каплан в 1918 году и чувствовал себя неплохо до конца 1921 года, когда начал жаловаться на головные боли, нервозность и

потерю работоспособности. Тогда у него и у Троцкого был общий "домашний врач" Федор Александрович Гетье, терапевт, главный врач Басманной, а затем Боткинской больниц. Но, когда во время II Съезда Российской коммунистической партии (март-апрель 1922 года) симптомы усилились, к Ленину были вызваны известный немецкий профессор Георг Клемперер и бреславльский невролог профессор Отфрид Ферстер. Они диагностировали небольшую неврастению, как следствие переутомления. Кроме того, Клемперер предложил извлечь оставшиеся после покушения пули, подозревая токсичное действие свинца.

23 апреля прибывший из Германии хирург, профессор Ю. Борхардт, удалил одну из пуль, но операция не помогла. А 25 мая 1922 года у Ленина произошел легкий удар с неполным параличом правых конечностей и с нарушением органа речи.

После этого удара в Москву был снова приглашен О. Ферстер, который лечил Ленина с июня 1922 года с перерывами до самой смерти. Ферстер был крупный немецкий невролог и нейрохирург, разработавший лечение параличей упражнениями и оперативным путем; он лечил Ленина упражнениями. Ему помогали приват-доцент А. М. Кожевников, профессор Василий Васильевич Крамер и, конечно, Гетье.

Перед вторым ударом в середине декабря 1922 года и после него наступили периоды улучшения. Но третий удар, в начале марта 1923 года, приведший к параличу правой стороны тела с поражением речи, свел на нет все результаты лечения.

10 марта Ферстер вернулся в Москву, одновременно и, вероятно, по его предложению были приглашены из Германии профессора Адольф

Штрюмпелль, терапевт и невропатолог, имеющий труды по сифилису нервной системы, Макс Нонне, невропатолог, специалист по сифилису мозга, Освальд Бумке, психиатр и невропатолог. Оскар Минковски, терапевт. Из Швеции прибыл Саломон Хеншен, невропатолог, имеющий значительные заслуги по изучению локализации нервных центров в мозгу, в частности центров, поражение которых вызывает афазия, то есть потерю речи и его сын Фольке, тоже невропатолог. Подбор приглашенных явно говорит, в какую сторону шло подозрение, но никаких публикаций о сифилисе Ленина до 1923 года автору обнаружить не удалось. Только итальянский политик граф К. Сфорца рассказал в своей книге "Образы и создатели современной Европы" (1931 г.), что, будучи министром иностранных дел (1920—1921), он встречался в Риме с Воровским, который в минуту откровения якобы сказал о Ленине: "Нами руководит немецкий школьный учитель, которого сифилис одарил несколькими искрами гения прежде, чем убить его!"

20 марта была проведена конференция с прибывшими профессорами, на которой они были информированы о состоянии пациента и, наконец, 21 марта начались исследования больного.

Старшим группы иностранных врачей был выбран профессор Штрюмпелль, записи которого сохранились у его дочерей, д-ра Регины Штрюмпелль и д-ра Анны Клафек в Дюссельдорфе. Выдержки из них были опубликованы во "Франкфуртер альгемейне цейтунг" 5 апреля 1974 года во время дискуссии по поводу 50-летия смерти Ленина.

Записи Штрюмпелля носят отрывистый, тезисный характер. Вот что он писал о работе группы:

” ... После обеда дома врачебная конференция. Постановка диагноза: эндартериитис люетика с вторичными очагами размягчения вероятнее всего. Но люес не несомненен (Вассерманн в крови и спинномозговой жидкости негативный. Спинномозговая жидкость нормальна*) ... Лечение, если вообще возможно, должно быть специфическим”.

Эндартериитис люетика — сифилис мозговых сосудов, является, как и прогрессивный паралич, результатом поражения мозга бледной спирохетой, но протекает, в отличие от последнего, без резких психических изменений.

Профессор Саломон Хеншен, выступая 26 февраля 1924 года перед Шведским врачебным обществом, сообщил, что не был согласен с диагнозом немецких врачей; он считал, что Ленин страдает артериосклерозом мозга. Но, по-видимому, согласился с назначенным лечением. Его сын, профессор Фольке Хеншен во время вышеупомянутой дискуссии в газете ”Франкфуртер альгемейне цейтунг” в осторожной форме подтвердил эту версию. Приводим выдержку из его письма в редакцию от 13 мая 1974 года.

”Поскольку я, вероятно, единственный оставшийся в живых** из врачей, собравшихся в марте 1923 года у постели больного Ленина в Москве, мне хочется обратить внимание на некоторые факты, обойденные, неправильно интерпретированные или недооцененные в письмах, поступивших в редакцию ”Франкфуртер альгемейне цейтунг”. Я исхожу из моих собственных заметок и воспоминаний того времени, а также из подробного доклада моего отца, прочитанного в Шведском врачебном обще-

* Когда и кто пунктировал спинномозговой канал Ленина, установить по литературе не удалось.

** Ф. Хеншен умер в 1976 году.

стве 26 февраля 1924 года... Когда мой отец вместе со своим другом, знаменитым интернистом и неврологом, профессором А. Ф. Штрюмпеллем исследовали Ленина, последний лежал в кровати но был в полном сознании и производил впечатление человека с вполне сохранившимся интеллектом. Он понимал все обращенные к нему вопросы, но из-за афазии мог отвечать только отдельными русскими или немецкими словами... Ко времени второго визита через несколько дней положение больного резко ухудшилось. Он лежал совершенно апатично и не реагировал на вопросы, что очень беспокоило врачей...

Так прошло четыре дня при постоянных врачебных визитах и консультациях. На четвертый день состоялась встреча лечащих врачей с несколькими народными комиссарами, в том числе Семашко, под председательством Троцкого. Встреча произошла в простой комнате в Кремле, недалеко от квартиры Ленина. Моему отцу очень понравилась сила и ясность, с которой Троцкий ставил вопросы и делал выводы.

Сначала выступил Штрюмпелль как представитель немецких врачей. Мой отец высказал несколько иное мнение. По поводу глубокой сущности болезни, сказал он, я думаю иначе и утверждаю, что причина ее простого, не специфического характера*, так как реакция Вассермана была негативной... Что касается лечения, то все врачи были одного мнения. Прогноз на будущее был плохой..."

После консилиума 21 марта В. В. Крамер, А. М. Кожевников, Н. А. Семашко, О. Ферстер, О. Бумке, М. Нонне, А. фон Штрюмпелль и С. Э. Хеншен под-

* Хеншен высказался очень сдержанно. Под "специфическим характером", особенно если потом говорится о реакции Вассермана, имеется ввиду сифилис.

писали бюллетень, в котором сообщали, что "почти полное восстановление здоровья" на основании течения болезни "возможно". На чем был основан такой оптимизм после третьего удара — трудно сказать. Было ли здесь желание успокоить народ в стране или надежда на сальварсан? Но при официальном диагнозе артериосклероза мозга такой прогноз был мало реален. Тем не менее в апреле, после преодоления нарушений пищеварения и левостороннего катарра легких, наступило улучшение. Кризис был преодолен. Большинство иностранных врачей покинуло Москву, Кожевников был заменен П. И. Елистратовым, известным терапевтом, а 5 мая состоялся опять большой консилиум с участием психиатра Военно-медицинской академии, профессора Виктора Петровича Осипова, имеющего обширные труды в области прогрессивного паралича и других сифилитических заболеваний нервной системы. Помимо постоянных врачей В. В. Крамера и Ф. А. Гетье, присутствовал указанный выше сифилолог Нонне. Тогда же первый и единственный раз Ленина исследовал знаменитый невролог и психиатр В. М. Бехтерев.

По всей видимости уже тогда диагноз не вызывал сомнения; так профессор Нонне после возвращения из Москвы на собрании врачей в Бремене на вопрос, чем болен Ленин, ответил, что он обязался не называть диагноз, "...хотя здесь, в нашей стране, каждый врач знает, к каким заболеваниям мозга меня вызывают!" (Копия письма врача, давшего эту информацию, находится в моем архиве — В. Ф.).

После отъезда иностранных врачей Ленин прожил еще 8 месяцев; больше того, постепенно наступало улучшение. Он ходил с палкой по комнате, внимательно слушал, когда ему читали газеты,

учился писать левой рукой. Но 21 января 1924 года разразилась катастрофа. Семашко рассказывает: почти в течение часа продолжался бурный припадок с полной потерей сознания, резким общим напряжением мускулатуры. Температура тела дошла до 42,3 градусов. Ленин умер в 18 часов 50 минут не приходя в сознание.

Ферстер, Осипов и Гетье были последними врачами, которые лечили умирающего Ленина, они и подписали свидетельство о смерти.

Внезапная и быстрая смерть Ленина вызвала пожалуй еще больше слухов и подозрений, чем его болезнь. Действительно, выздоровление Ленина означало бы политическую гибель Сталина, а Сталин не был человеком, который останавливался перед преступлением, особенно если дело касалось власти.

Стефан Поссони, писатель и ученый, автор книги "Ленин. Биография революционера" считал убийство Ленина Сталиным весьма вероятным и очень подробно обсуждал все связанные с этим возможности. По его мнению, Сталин создавал себе алиби, сообщая на собрании членов Политбюро, что "Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал достать ему яду". Этот эпизод приводится в книге Троцкого "Портреты". Поссони отметил, что второй, третий и последний удары происходили тогда, когда выздоровление Ленина становилось наиболее опасным для Сталина. В частности, он считает, что улучшение в январе 1924 года и намерение Бухарина приехать в Горки, о котором Сталин узнал 18 января, послужило поводом к действию, приведшему к смерти вождя.

Другой биограф Ленина, Роберт Пайн, придерживается также версии отравления.

Оба писателя приводили рассказ главного повара

в Горках, Гавриила Волкова, взятый из книги воспоминаний Елизаветы Лермолло ("Face of a Victim", New York, 1955), согласно которому Ленин сунул ему 21 января записку "Гаврилушка, меня отравили... позови немедленно Надю... скажи это Троцкому... скажи это по возможности всем" (содержание записки переведено с немецкого издания — В. Ф.).

Доказать правдивость вышесказанного невозможно, но что Сталин имел и мотив, и возможность убить Ленина нельзя отрицать, так как русские врачи и персонал в Горках находились под его контролем.

Совершенно ясно, что уже тогда советское правительство стояло перед задачей опровергнуть слухи как о сифилисе, так и об отравлении.

Через день после смерти, то есть 22 января, между 11.10 и 15.50 часами, профессор Алексей Иванович Абрикосов (патолог) произвел вскрытие в присутствии профессоров Ферстера, Осипова, Дешина, Бунака, докторов Гетье, Елистратова, Розанова, Обуха и народного комиссара здравоохранения РСФСР Семашко.

Главные результаты вскрытия были опубликованы в газетах ("Сообщение о болезни и смерти В. И. Ульянова-Ленина", "Правда" от 24 января 1924 года, а полный текст протокола вскрытия появился уже через несколько дней в сборнике Бориса Волина и Михаила Кольцова "Умер Ленин").

Вышеуказанные врачи дали следующее заключение:

"Основой болезни умершего является распространенный артериосклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания. Вследствие сужения просвета артерий мозга и нарушения его питания

от недостаточного потока крови наступали очаговые размягчения ткани мозга, объясняющие все предшествовавшие симптомы болезни (параличи, расстройства речи). Непосредственной причиной смерти явилось: 1) усиление кровообращения в головном мозгу и 2) кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку в области четверохолмия”.

Профессор Фольке Хеншен в вышецитированном письме во ”Франкфуртер альгемейне цейтунг” высказал сомнения по поводу этого заключения. Он писал:

”Часто слышишь и читаешь, что Ленин умер от кровоизлияния в мозг. Вскрытие не подтвердило этого. Описаны только небольшие кровоизлияния в районе четверохолмия. Если бы произошло массивное центральное кровоизлияние, то и желудочки головного мозга были бы наполнены кровью, а не прозрачной жидкостью, как описано в акте вскрытия. Я лично скорее выдвинул бы патологически-физиологическую причину смерти: статус эпилептикус с гипертермией и параличом дыхания*. Что касается выдвинутого Семашко диагноза ’склероз от чрезмерного напряжения’, то тут мнения расходятся”.

Но в обстоятельствах вскрытия и заключении были более важные сомнительные моменты:

1. Среди участников не было ни одного судебного медика и ни одного токсиколога.

2. Отсутствовали токсикологические исследования, в частности анализ содержания желудка.

3. Отсутствовало микроскопическое исследование органов, в частности мозга. Этот момент особенно важен, так как дифференциальный диагноз

* Эпилептическое состояние с повышением температуры тела.

между сифилисом мозговых сосудов и артериосклерозом возможен только при микроскопическом исследовании.

Пайн придает большое значение второму пункту, он указывает на то, что вскрытие было проведено только через 16 часов 40 минут и приписывает такую задержку стремлению Сталина скрыть следы яда. Автор этих строк считает задержку не особенно долгой и объясняет ее растерянностью правительства. Присутствие яда можно установить и в полуразложившемся трупe.

Совокупность истории болезни Ленина и данных вскрытия вполне объясняют смертельный исход, а отравление нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Сохранение врачебной тайны интерпретируется законами различных стран различно, в Германии оно распространяется и на умерших пациентов. Кроме того, моральный долг врачей и, вероятно, категорическая "просьба" советского правительства не позволила им, даже Штрюмпеллю, публично обсуждать диагноз. Но сохранить тайну, в которую посвящено столько людей, очень трудно.

К тому же возникло еще одно "недоразумение", рассказанное Ю. Анненковым в его книге "Дневник моих встреч". Анненков — известный художник, режиссер и писатель, выступавший под псевдонимов "Борис Темирязов", живший и работавший в России до лета 1924 года. После смерти вождя Анненков был послан в середине февраля 1924 года "для ознакомления с документацией" в новообразованный "Институт В. И. Ленина", чтобы потом писать портрет Ленина. Он рассказывает, что там " ... меня прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа во время бальзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и

полновесным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к первому на тесемочке, — сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней эта страшная банка исчезла из Института и, надо думать, навсегда**.

С медицинской точки зрения это возможно, так как описанные в акте вскрытия очаги размягчения мозговой массы в левом полушарии могли привести к съезживанию последнего в спирту. Это не опровергало официального диагноза, но, безусловно, вызвало дальнейшие толки и подозрения.

Особенно в народе создалось много легенд вокруг Ленина, его болезни и смерти. Говорили, что в последние годы жизни ему во сне являлся патриарх Гермоген, требуя покаяния и угрожая страшными карами при жизни и за гробом. Ленин якобы хотел покаяться и убегал в Иверскую часовню, но его снова водворяли в Кремль, а потом увезли в Горки. Перед смертью он то ли дико кричал, то ли выл, пугая людей, живущих вокруг. Ходила даже прибаутка "Без Бога не до порога — без паралича не до Ильича".

Для пресечения этих слухов и разговоров, а также с научной целью, советское правительство пригласило по рекомендации советского невропатолога Лазаря Минора чету Фогтов для создания Института мозга в Москве, первой целью которого было изучение мозга Ленина. Профессора Оскар Фогт и его жена Сесиль уже имели обширные труды по архитектонике, анатомии и физиологии мозга. Фогт основал Нейробиологический институт в Берлине и возглавлял его с 1919 до 1930 года;

* Юрий Анненков. Дневник моих встреч; цикл трагедий, т. II с. 277. Изд. Международное Литературное Содружество, Нью-Йорк, 1966.

затем он стал директором берлинского Института имени кайзера Вильгельма по изучению мозга и занимал этот пост до 1937 года.

В 1925, 1926 и в первой половине 1927 года Фогты сецировали мозг Ленина и фиксировали его парафином, чтобы "сохранить его для науки и потомков". Во второй половине 1927 года они проводили микроскопические исследования отдельных срезов. 10 ноября 1929 года Оскар Фогт выступил с докладом на заседании Института в присутствии членов правительства, в котором подвел итоги своей работы. Он сообщил, что в третьем слое коры головного мозга Ленина были обнаружены необычайно большие пирамидальные клетки в необыкновенно большом количестве, что говорило, по мнению Фогта, об особенной способности к ассоциации. Ленин был назван "ассоциационным атлетом". Фогт говорил о дальнейших задачах по исследованию мозга Ленина и добивался расширения штата Института. В довольно подхалимской речи немецкого профессора не было и намека на сифилис.

Но Фогтам не пришлось продолжить их работу. В сентябре 1930 года они покинули Советский Союз навсегда. Поссони считает, что причиной прекращения сотрудничества была критика методов и выводов Фогта со стороны иностранных и даже советских ученых. Директором Института мозга стал уже в 1928 году С. А. Саркисов, а с 1929 и до 1947 один из лечивших Ленина врачей, указанный выше, профессор В. П. Осипов. Дальнейших публикаций о мозге Ленина не последовало.

Профессор Штрюмпелль умер в 1925, а Минковский в 1931 году. Профессора Ферстер, Бумке, Нонне и Фогт оказались в национал-социалистической Германии, где отношение к Ленину и Совет-

ской России круто изменилось. Фогт подвергся некоторым преследованиям, его сняли с директорского поста в Берлине, но он не был арестован и мог вести дальше научную работу. В архиве автора есть статья из газеты "Черный Корпус" (орган СС), где Фогта ругают за восхваление Ленина. Но в ней нет ничего существенного с медицинской точки зрения.

Ферстер, Нонне и Бумке молчали. Ферстер умер в 1941 году. А после окончания войны Фогт, Нонне и Бумке начали публично отрицать диагноз сифилиса.

Фогт, продолжая работать в Институте по исследованию мозга в Нейштадте (Шварцвальд), неоднократно читал доклады и давал интервью о своей деятельности в Москве и демонстрировал одни и те же графические изображения участков коры головного мозга Ленина и, для сравнения, других людей. Это были перерисовки микрофотографии коры, причем для ясности были изображены только нервные клетки, а другие анатомические элементы были упущены. Самих же микрофотографий никто не видел. Фогт говорил, что ему разрешили взять один срез мозга Ленина в Берлин, но потом он должен был этот срез вернуть.

Помимо официальных выступлений, Фогт и в кругу своей семьи отрицал сифилис Ленина, о чем говорит в своем письме его дочь Марта Фогт (копия письма имеется в моем архиве. — В. Ф.).

В 1953 году появилась книга профессора Бумке "Воспоминания и наблюдения", где автор тоже отрицает сифилис.

Согласно письму доктора О. Вульштейна в редакцию "Немецкого врачебного журнала ("Дойчес Эрцтеблатт") от 13 ноября 1975 года, профессор Нонне в разговорах с ним решительно отвергал

сифилитическую причину болезни Ленина, но сказал, что не пунктировал спинномозговой канал и что, вообще, было дозволено только небольшое количество исследований.

В том же номере врачебного журнала появилось письмо известного немецкого патолога профессора Гервига Гамперля, который работал под руководством Фогта в 1929—1930 годах в Институте мозга в Москве. Он рассказывает, что весной 1930 года в Москву прибыл другой знаменитый немецкий патолог Людвиг Ашофф и попросил разрешения посмотреть под микроскопом препараты ленинского мозга. Оба патолога нашли только сильный артериосклероз со старыми и свежими очагами размягчения, но ни следа сифилиса. Мозг Ленина по рассказу Гамперля хранился в строго охраняемом нескораемом шкафу. Исследования проводились под руководством Фогта и только он знал, какие препараты были даны патологам.

Таким образом в Западной Европе сифилитический вариант болезни Ленина отошел на задний план.

Что касается русских кругов, как в эмиграции так в СССР, то разговоры о сифилисе не прекращались.

Среди современников Ленина в первую очередь следует указать на Бориса Бажанова, который в своей книге "Воспоминания бывшего секретаря Сталина" писал: "Но врачи были правы: улучшение было кратковременным. Нелеченный в свое время сифилис был в последней стадии..."

Находящаяся в настоящее время в Израиле жена первого советского дипломата Адольфа Йоффе, Мария Йоффе, сообщила, что кремлевский врач Лев Григорьевич Левин рассказал ее мужу, что Ленин страдал наследственным сифилисом, доставшимся ему через поколение — от бабушки калмыч-

ки. На основании многочисленной литературы известно, что Левин лечил Ленина с 1922 до конца 1923 года.

Автор известных трудов о большевизме Абдурахман Авторханов, бывший номенклатурный работник ЦК ВКП (б), выпускник Института красной профессуры в Москве, хотя и попал в правительственную среду уже после смерти Ленина, рассказывал, что заболевание последнего не представляло тайны или табу для высоких партийцев и даже велись дискуссии, был ли сифилис вождя врожденным или приобретенным.

Очень интересен документ, найденный профессором Д. Поспеловским в архиве семьи Зерновых в архивном фонде русской эмиграции им. Бахметьева в Колумбийском университете в США*.

Зерновы — известная семья в общественной жизни дореволюционной Москвы и в эмиграции. Автор документа, д-р Владимир Михайлович Зернов окончил медицинский факультет в Белграде, работал в Пастеровском институте в Париже. Вот текст документа:

”Медицинские показания о болезни В. И. Ленина прогрессивным параличом.

Дина Михайловна Мазе, занимавшаяся переводами книг по психиатрии и неврологии, рассказывала мне, что в начале 30-х годов она видела в Париже ее старого друга и сотрудника по России проф. Моск. Университета Залкинда (работавшего раньше у Бехтерева). Он остановился в Париже проездом в Америку на научный съезд. Проф. Залкинд, убежденный коммунист, рассказывал ей, что он был одним из тех, кому было поручено исследование мозга Ленина. Мозг Ленина, по его

* ”Посев” № 1, 1984 год.

словам, представлял из себя характерную ткань, переродившуюся под влиянием сифилитического процесса. Через некоторое время в России был научный конгресс психиатрии и неврологии. Д. М. Мазе поручила ее знакомым французам, ехавшим на этот конгресс, разыскать проф. Залкина и передать ему какое-то поручение. Французы никак не могли его найти. Наконец, кто-то из московских ученых сказал им: "Не ищите Залкина, его уже нет в Москве". По-видимому, он был ликвидирован.

В 1928 или 1929 году в Париж приезжал проф. И. П. Павлов. Хорошо зная моего отца, д-ра Михаила Степановича Зернова, проф. Иван Петрович Павлов приходил к нам обедать вместе с сыном и своим другом — проф. С. И. Метальниковым. Проф. Павлов говорил, что в завещании Ленина было написано: "Берегите Павлова". Поэтому его не трогали и он не боялся, что его арестуют, но он опасался, что после его смерти правительство отомстит его сыну. Советский строй он сравнивал с тремя самыми страшными болезнями: сифилисом, раком и туберкулезом. По словам Павлова, советская система страшна тем, что она старается духовно разложить человека. Проф. Павлов утверждал, что Ленин был болен сифилисом и в период своего управления Россией был типичным больным прогрессивным параличом. Проф. Павлов лично знал ученых, которым было поручено исследование мозга Ленина, и он подтвердил, что они нашли изменения, характерные для последствий сифилиса и прогрессивного паралича. Им под угрозой смерти было запрещено об этом говорить.

Др. Владимир Зернов

Париж, 6 декабря 1964 года.

Прошу не опубликовывать этот документ в течение 10 лет.

Вл. Зернов".

Известно, что И. П. Павлов выступал 10 мая 1928 года с докладом в Лондонском Королевском Обществе и приехал в Лондон через Париж. Известно также, что в 1930 году в Вашингтоне состоялся I Международный конгресс по психогигиене, в котором участвовал А. Б. Залкинд. (Эти факты делают документ Зернова еще более правдоподобным.)

В официальной советской литературе нигде и никогда не упоминалась сифилитическая причина болезни Ленина. Только в 18-ом номере ГДРовского журнала *Zeitschrift für die gesamte Innere Medizin und ihre Grenzgebiete* за 1974 год, — вероятно как ответ на дискуссию во "Франкфуртер альгемейне цейтунг", — появилась статья профессора С. Шванна, директора Института истории медицины и естествознания при университете им. Карла Маркса в Лейпциге, "Болезнь Ленина и лейпцигские врачи у его больничной постели". Там он дает короткий обзор истории болезни Ленина, указывает на опоясывающий лишай в 1903 году, на консилиум иностранных врачей в марте 1923 года и, наконец, на результат вскрытия 25 января 1924 года. Шванн сообщает, что для исключения сифилиса мозга по предложению Хеншена была сделана реакция Вассермана, которая оказалась негативной, и возмущается, что в "буржуазной литературе" вопреки ясному диагнозу артериосклероза курсирует диагноз сифилиса. Из этой же статьи видно, что Штрюмпелль, вернувшись в Лейпциг, не стал говорить о болезни Ленина, ссылаясь на врачебную тайну.

Теперь, после того, как читатель ознакомился с фактическим материалом, автор хочет обсудить его с научной точки зрения и сделать соответствующие выводы.

Итак, чем болел и от чего умер Ленин? Существуют три наиболее вероятные версии:

1. Артериосклероз мозга (официальный диагноз),
2. Так называемый наследственный сифилис,
3. Приобретенный сифилис.

Начнем с первой версии. История болезни и ее психические аспекты не были вполне характерны для официального диагноза, но, учитывая отсутствие главных симптомов, не исключали его.

Профессор С. Хеншен еще на конференции врачей 24 марта 1923 года выдвинул этот диагноз и подтвердил его 26 февраля 1924 года перед Шведским врачебным обществом.

Вскрытие показало тяжелый артериосклероз мозга по меньшей мере десятилетней давности и склеротические изменения аорты. Макроскопические признаки прогрессивного паралича не были описаны.

Что касается сифилиса мозговых сосудов, то очень часто он дает картину артериосклероза согласно публикациям многих невропатологов, включая и профессора Бумке. Дифференциальный диагноз между этими двумя заболеваниями возможен только при микроскопическом исследовании.

Казалось бы объективные данные говорят за диагноз артериосклероза. Как же тогда объяснить заключение Штрюмпелля и предложенную им антисифилитическую терапию?

Объяснение можно найти и оно было бы убедительным, если бы о нем сказал хоть один из лечащих врачей.

Широко известно, что в двадцатых годах после Первой мировой войны и революции сифилис был одним из наиболее частых заболеваний нервной системы. Недаром правило врачей того времени

гласило "in dubio suspice lue" ("в случае сомнения подозревай сифилис"). Часто этот диагноз ставился по принципу *ex juvantibus*, то есть путем медицинского воздействия (лечения). Возможно, что Штрюмпелль, несмотря на отсутствие глазных симптомов и негативную реакцию Вассермана, предположил сифилис и начал соответствующее лечение с согласия остальных врачей (теперь этого никто бы не сделал, но теперь и диагностические возможности гораздо шире).

Если это было действительно так, то непонятно, почему Хеншен, который с самого начала отрицал сифилитическую природу заболевания, не сказал, что была сделана попытка поставить диагноз назначением терапии? Непонятно также, почему Бумке и Нонне ограничились отрицанием сифилиса, не дав соответствующих объяснений. Да и позиция советского правительства была бы лучше, если бы оно признало, что было такое предположение, но не подтвердилось.

Все эти доводы ставят под сомнение официальный диагноз.

Прежде чем говорить о второй версии, то есть о возможности получить сифилис от предков, нужно разъяснить и уточнить понятие "наследственного" сифилиса.

В конце XIX века венерологи считали, что сифилис может быть передан со сперматозоидами от больного отца на ребенка без заболевания матери. Но в 1903 году австрийский венеролог Р. Матценауер выдвинул постулат, что сифилитический ребенок может родиться только у больной матери. В настоящий момент этот постулат общепризнан. Чаще всего дети рождаются с явными признаками сифилиса и диагноз не представляет трудностей. В случае Ленина этот вариант отпадает. Но суще-

ствует особая форма, так называемый "Поздний врожденный сифилис" (*Lues congenita tarda*) При этой форме сифилитические симптомы появляются через несколько лет после рождения, в основном между пятым и четырнадцатым годом. Однако, в медицинской литературе описаны значительно более поздние случаи (французский венеролог Фурнье описал эту форму у 57-летней женщины). В очень редких случаях больная поздним врожденным сифилисом рождает больных этой же формой болезни детей, — так называемый врожденный сифилис третьего поколения.

Для этой формы болезни характерны: седловидный нос, дистрофия зубов, череп с выдающимися лобными и теменными буграми, глухота внутреннего уха и типичные катаракты глаз. Впоследствии появляются симптомы поражения нервной системы, начинающиеся с головных болей и судорог и кончающиеся параличами.

Разговоры о "дурной крови" Ильи Ульянова среди крестьян деревни Алкаевки, где находился хутор Ульяновых, и рассказ д-ра Левина о передаче сифилиса от бабушки (матери отца) Анны Алексеевны Смирновой, — с которой, как и всей астраханской родней, семья Ульяновых прервала всякую связь, — наводят на мысль о позднем врожденном сифилисе. Безусловно одно — в роду Ульяновых была какая-то наследственная болезнь. Старший брат отца Ленина Василий умер рано; сам отец, Илья Николаевич, скончался на пятьдесят четвертом году жизни от кровоизлияния в мозг; сестра Анна и брат Дмитрий были к концу жизни парализованы; младшая сестра Мария умерла от инсульта; даже незаконный сын Дмитрия был больным человеком. Если его не считать, то все братья и сестры Ленина, как и он сам, были бездетными.

С другой стороны, характерных признаков сифилиса ни у кого из семьи Ульяновых не было. В венерологии существует так называемый закон Кассовица, согласно которому, чем свежее сифилис матери, тем чаще у нее рождаются больные дети и тем сильнее у них проявляется эта болезнь. Но, сколько известно, Анна (р. 1864), Александр (1866) до Владимира, затем Ольга (1871), Дмитрий (1874) и Мария (1878) родились здоровыми, только между Ольгой и Дмитрием родившийся Николай умер младенцем. Мария Александровна умерла в глубокой старости. Ее фотографии не показывают никаких подозрительных изменений.

Сам Владимир Ильич не имел признаков позднего врожденного сифилиса, кроме некрасивых деформированных зубов. На большинстве фотографий зубы его или ретушированы или не видны. Интересно, что зубной врач Ленина В. С. Юделович в своей статье "Воспоминания о Ленине" (Журнал одонтологии и стоматологии, 1924, № 3), как будто для устранения подозрений, описывает красоту и правильность зубов своего пациента.

По мнению современных венерологов при позднем врожденном сифилисе в очень редких случаях внешние и ранние симптомы могут отсутствовать и болезнь проявляется только в конечной стадии судорог и параличей.

Теперь перейдем к версии приобретенного сифилиса. Среди студентов Казанского университета в ту пору, когда Ленин туда поступил, венерические заболевания были частым явлением. Так Н. Мотовилов, первый в Казани занявшийся рабочим вопросом, страдал сифилисом с молодости. Один из товарищей молодого Ленина, Дмитрий Матвеев, в день студенческой сходки как раз вы-

шел из клиники профессора Ге, знаменитого венеролога. Другой товарищ Ленина, Н. Подбельский, также болел сифилисом. Но никаких данных о заражении или лечении Ленина до наступления параличей в 1922 году автор не нашел.

Ленин облысел в 20 лет, но форма лысины не похожа на сифилитическую. Единственным подозрительным в этом направлении фактом было заболевание Ленина опоясывающим лишаем (*herpes zoster*) в апреле 1903 года в Лондоне. Этот случай описан С. Поссоны ("Ленин") и В. Валентиновым ("Малознакомый Ленин"). По совету одного русского студента Крупская стала лечить его йодом. В некоторых случаях отличить этот лишай от второй стадии сифилиса нелегко, а сифилитическая сыпь исчезает довольно часто и без всякого лечения.

В сборнике "Воспоминания о Ленине"* профессор Владимир Николаевич Розанов, хирург, лечивший Ленина после покушения Каплан, ассистировавший Борхардту при извлечении пули и участвовавший в дежурствах врачей, писал: "Болезнь могла длиться недели, дни, годы, но грядущее рисовалось далеко не радостное. Конечно, могло быть что-либо наследственное или перенесенное незаметно, но это было маловероятно". Без сомнения во второй фразе имелся в виду сифилис, но из нее ясно, что в предыстории о нем не было известно.

Кроме того, внимательный к своему здоровью и осторожный Ленин долечил бы эту неприятную и опасную болезнь до конца, если бы знал о ней. Однако, в медицинской литературе описано немало случаев, когда первая и вторая стадии протекали

* В. Н. Розанов. Из воспоминаний о Ленине. — В сб. "Воспоминания о В. И. Ленине". В пяти томах. Изд. 2-е М., 1979 г. Впервые опублик. в "Красная Новь", 1924, № 6, с. 158.

незаметно и только явления третьей стадии вели к установлению диагноза.

Вероятно так могло бы быть с Лениным: замедленный наследственный или приобретенный сифилис прошел незаметно, а поскольку обе формы ведут к одинаковым изменениям мозга, то для диагноза их дифференциация не важна.

Здесь нужно разъяснить понятия сифилиса мозга и прогрессивного паралича. В основном, нервная система и, в частности, головной мозг поражается в третьей стадии болезни, причем существуют несколько форм, в зависимости от локализации процесса. Прогрессивный паралич, хотя и является пато-анатомически только одной из этих форм, но протекает настолько своеобразно, что выделяется многими авторами в самостоятельное сифилитическое заболевание мозга и даже противопоставляется обыкновенному сифилису мозга. Так обыкновенный сифилис мозга наступает через 3—4 года после заражения, поражает сосуды и мозговые оболочки, дает в основном неврологические симптомы и легче поддается лечению. Прогрессивный паралич наступает через 10—15 лет, поражает серое мозговое вещество, дает вначале в основном психические симптомы и ведет к неизбежной смерти. Резко разграничить эти формы нельзя, кроме того неспециалисты подразумевают под прогрессивным параличом все формы сифилиса мозга.

Симптоматика болезни Ленина больше походит на сифилис сосудов мозга, чем на прогрессивный паралич.

Что касается психической стороны этой болезни, то иногда, перед наступлением последней стадии, ведущей к полной потере способности воспринимать окружающее и смерти, появляются повышен-

ная активность, продуктивность и даже определенное обострение ума.

Такой расцвет творческой деятельности наблюдался у болевших сифилисом композитора Доницетти, поэта Гейне, писателя Мопассана, философа Ницше, которые создали в этот период многочисленные, и зачастую лучшие свои произведения. Вероятно изменение сосудов мозга, ведущее вначале к приливам крови к голове, или предчувствие близкого конца обуславливают это явление.

Первичные психические симптомы, как общая нервозность, раздражительность, головные боли, плохой сон, начались у Ленина в конце 1921 года.

Многие авторы указывают на другие психические ненормальности: нетерпимость Ленина к инакомыслящим, "ражи", маниакальную целеустремленность. Но, если эти симптомы рассматривать как патологические, то их можно приписать как сифилису, так и склерозу.

Диагноз профессора Штрюмпелля, неопубликованное микроскопическое исследование мозга и подбор врачей (Штрюмпелль, Бумке, Нонне и Осипов были специалисты по сифилису мозга*), а также множество косвенных данных, делают сифилис гораздо более вероятным, чем артериосклероз. Отсюда следует, что советские органы фальсифициро-

* Интересно, что "Большая медицинская энциклопедия", сообщая данные об этих четырех врачах, не отметила их участия в лечении Ленина, в то время как участие Хеншенна, Ферстера, Розанова, Крамера, Вейсброта и Обуха — отмечено.

Кстати, необходимо указать в связи с этим на необычайно подробный и отлично документированный очерк Н. Петренко "Ленин в Горках — Болезнь и смерть" опубликованный недавно в историческом альманахе "Минувшее", № 2, изд. Atheneum, France, 1986.

вали диагноз и результат вскрытия. Как же это могло произойти?

Показания Бумке и Нонна после войны не играют большой роли, так как оба не присутствовали на вскрытии, сомневаться в его результатах у них не было основания; наоборот, им нужно было откреститься от диагноза, опровергнутого вскрытием и исследованиями Фогта. Ашофф и Гамперль исследовали срезы, которые им дал тот же Фогт.

Ферстер дольше других лечил Ленина, был единственным иностранцем при вскрытии и, вероятно, по его предложению был приглашен Фогт. Ферстер был очарован личностью Ленина и сочувствовал коммунистическим идеям. Убедить его не упоминать сифилис в протоколе вскрытия и не настаивать на проведении или публикации микроскопических исследований, ссылаясь на соблюдение врачебной тайны, на политический резон и на его симпатии к Ленину было, вероятно, не так трудно.

Но от Фогта требовалось гораздо больше: игнорировать сифилитические изменения и доказывать гениальность вождя, базируясь на исследовании наполовину разрушенного мозга. Если это было действительно так, то советское правительство и ЧК должны были провести сложную акцию, так как Фогт, как и Ферстер, не находились в их власти, как, скажем, подсудимые на сталинских процессах. Зато в то время ЧК, руководимая хитрыми и тонкими стратегами разведывательной и контрразведывательной работы — Дзержинским и Менжинским, проводила сложные провокационные операции, создав так называемый "Трест" (1922—27), опутав своими сетями В. Шульгина (1925—26) и, наконец, организовав похищение А. Кутепова (1930).

Обсуждая эту возможность, нужно сказать, что

чета Фогтов хорошо подходила к поставленной советским правительством задаче:

1. Обработать мужа и жену вместе легче, чем двух независимых друг от друга ученых.

2. О. Фогт, родившись как и Ленин в марте 1870 года, находился в то время на вершине своей научной карьеры, но уже успел войти в конфликт с многими учеными в Германии.

3. Не будучи особенно щепетильным в политических вопросах, Фогт был сначала связан с кланом промышленника Круппа, который финансировал его научную деятельность. Потом, став во главе Института мозга в Москве, он начал вести себя как типичный советский функционер, подлаживаясь к мнению начальства. Это хорошо видно из его доклада о деятельности вышеуказанного института, прочитанного 10 ноября 1929 в Пантеоне института в Москве. Он называет мозг Ленина сокровищем, которое нужно сохранить не только для русского народа, но и для народов всего мира, и льстиво восхваляет Октябрьскую революцию, партию и правительство. В 1929 году такое славословие еще не было столь обязательным, как в тридцатые годы.

4. Фогт обладал честолюбием, часто доходившим до саморекламы. Особенно эта черта стала проявляться после войны. Так многие не медицинские журналы и газеты стали помещать его интервью и рассказы о работе в Москве. На их страницах красовались фотографии его и его жены за микроскопом, во время секционирования мозга Ленина и со схемами срезов.

Очень показательный эпизод описывается доктором Л. Кромом в его статье "Медицинская история В. И. Ленина" (History of Medicine 1972, № 1 и 2) : в 1955 году, во время посещения Оксфорда, Фогт уверял, что его исследования мозга Ленина дали бы

бóльшие результаты, если бы "Ферстер не захватил половину мозга в свою лабораторию в Бреслау". Это, конечно, вымысел, так как советское правительство не разрешило вывезти даже микроскопические препараты, не говоря о "половине мозга Ленина". В оправдание Фогта можно сказать, что ему было в то время уже 85 лет!

Были ли Ферстер и Фогт подвергнуты соответствующей обработке и кем? Вначале Троцкий и Семашко представляли советское правительство перед иностранными врачами, говорили с ними и принимали их отчеты. Троцкий владел немецким языком и обладал определенными дипломатическими способностями. Кто подключился потом, в особенности, кто вел переговоры (или обработку) Фогта? Никаких данных об этом автору достать не удалось.

Размеры гонораров Фогта также неизвестны, но оплачивались иностранные врачи высоко. Так за консультацию в марте 1923 года каждый получил по 30 000 марок золотом!

Если советские органы действительно фальсифицировали диагноз, то русские врачи не могли быть существенным препятствием к этому: их бы ликвидировали за малейшее нарушение молчания. Кроме того и среди них были верные клеветы Сталина. Н. Петренко в своих исторических заметках "Ленин в Горках — болезнь и смерть" ("Минувшее", № 2 за 1986 год) дает очень интересные данные о профессорах Розанове и Осипове. Так В. Н. Розанов в начале 20-х годов провел операцию аппендицита у Сталина. Сталин же включил его в число дежурных у постели Ленина врачей. Розанов оперировал также М. В. Фрунзе, который не пережил операции (вспомним "Повесть непогашенной луны" Б. Пильняка, где намекалось на причастность Сталина к смерти командарма). В начале 30-х годов Розанов принял

на себя обязанности консультанта больницы ОГПУ.

В. П. Осипов, тогда начальник кафедры психиатрии Военно-медицинской академии, с 1929 года директор основанного Фогтом Государственного института мозга им. В. М. Бехтерева. Он якобы участвовал в психологическом воздействии на Л. Николаева (убийцу С. М. Кирова) с целью получения от него нужных показаний, за что был награжден орденом.

Еще нужно сказать, что случай Ленина далеко не первый, когда вопрос, умер ли пациент от сифилиса мозга или от артериосклероза, так и не был решен. Например, после смерти великого чешского композитора Сметаны в 1884 году, несмотря на проведение вскрытия, разразился длившийся до 1960-х годов жестокий спор между приверженцами одного и другого диагноза, в котором участвовали крупнейшие чешские и австрийские медики. Даже профессор Глава, сецировавший труп Сметаны, должен был отказаться от своего первоначального диагноза.

Подводя итог выше приведенным материалам, автор делает следующие выводы:

1. Ленин страдал прогрессирующим заболеванием сосудов мозга, которое и привело после четвертого припадка к смерти.

2. Консилиум иностранных врачей, приглашенных после третьего припадка поставил диагноз "сифилис сосудов мозга" и предложил лечение, точных данных о котором не имеется.

3. Протокол вскрытия был опубликован в советской печати; диагноз гласил: "артериосклероз сосудов мозга". Микроскопическое исследование мозга не было опубликовано, а только с его по-

мощью можно было выделить правильный диагноз из трех возможностей:

- а) артериосклероз мозга,
- б) артериосклероз плюс сифилис,
- в) форма сифилиса мозговых сосудов, протекающая, как артериосклероз.

Судебно-медицинские исследования, в частности токсикологические, не были проведены, но макроскопические изменения вполне объясняют смертельный исход.

Утверждение профессора Фогта, согласно которому Ленин был своего рода ассоциационным атлетом и что это видно при микроскопическом исследовании мозга, является в свете современной науки по меньшей мере спорным, но феномен Ленина как таковой представляет огромный интерес, так как его наиболее активная и успешная политическая деятельность протекала в период, когда болезнь зашла уже далеко и большая часть мозга была разрушена. Была ли Октябрьская революция, так решительно и хитро проведенная, последней могучей вспышкой уже отравленной сифилисом психики? Мы определить этого не можем.

Автор этой работы надеется, что охватил важнейшие доступные материалы о болезни Ленина. Однако, например, "Историю болезни Владимира Ильича" с записями лечащих врачей Ленина, откуда можно было бы узнать, какими лекарствами они пользовались, а также "Исследование мозга Ленина" ("Вечерняя Москва", 1924, 29 янв.), где описывается повторное коллективное исследование мозга, достать не удалось.

Автор не претендует на правильность своих выводов и готов с благодарностью принять все дельные дополнения и любую объективную критику.

Михаил ХЕЙФЕЦ

Новая «аристократия»?

"Можно ли считать нынешнюю номенклатуру социальным аналогом прежней аристократической элиты, в течение многих веков... оспаривавшей приоритет верховной власти? Можно ли борьбу Сталина и Хрущева с партийной верхушкой... считать аналогом "забытого конфликта" русской истории? Можно ли, вообще, рассматривать нынешнюю партократию как режим — по формально-структурным своим характеристикам — "аристократический" (не в силу "аристократизма", благородства его носителей, ... а в чисто политическом смысле — как власть определенной касты, даже клики)? ... И какого рода выводы возможны из этих (гипотетических) параллелей?"

Б. Парамонов, "Канал Грибоедова" *

Середина пятидесятых годов. Мой тогдашний друг, оперативник МВД, впоследствии известный литератор и журналист Вл. Травинский делится млицейскими новостями:

* "Грани" № 138, сс. 204—205

— Вчера взяли дела́ша. Мужик могучий! Скупал на севере списанный лес, по железной дороге отправлял порожними вагонами на юг, в стройтрестах нанимал бригады, ставил работягам плюс к тарифу водку ведрами — и за месяц сдавал под ключ полтораста домов!

— Владька, всех смазывать — это каких денег стоило...

— Следователь сказал, что девяносто пять процентов доходов он вкладывал обратно в дело. Но и пять процентов от стоимости ста пятидесяти домов — знаешь, какая сумма!

Разговор происходил до появления первых "хрущоб". Напомню, что, по воспоминаниям М. Джиласа, один из близких к Сталину генералов МГБ, у которого Джилас побывал в гостях в Москве, жил тогда "в уютной двухкомнатной квартирке". А, например, отец моего соученика, генерал-майор ЛенУМГБ жил с семьей в квартире коммунальной — правда, с одним соседом. А тут за счет списанного, т. е. все равно пропадавшего на делянках леса (сколько его в те годы пропадало, Боже мой, мы-то видели!), за счет порожних вагонов и нескольких ведер водки сразу сто пятьдесят семей получали отдельные дома!

— За что ж его арестовывать?!

— Думаешь, в милиции хуже тебя жизнь знают, — покривился в усмешке Владилен. — Нарушен закон! Что нам-то делать?

Этот позабытый разговор припомнился мне при чтении монографии, недавно выпущенной лондонским "Оверсизом"*— "Судебные процессы по экономическим делам в СССР" ученой юристки и бывшей адвокатессы Евгении Эвельсон.

* Overseas Publications Interchange Ltd (OPI).

В начале книги она упомянула, что некогда ее направили в науку тогдашний без пяти минут "Трибун революции" Н. Крыленко ("Нам нужны свои молодые и способные ученые"). Книга речей самого Крыленко послужила одним из самых ценных источников для автора "Архипелага ГУЛаг", и думается, монография его питомицы станет со временем столь же важным источником для автора нового "Архипелага", посвященного эпохе хрущевского, иначе глуповского, либерализма.

Вот характерный сюжет из книги. Хотя адвокат Эвельсон знала, что некоторые вопросы, заданные ею одному из "подельников" ее подзащитного, будут неприятны прокурору и судье, она посмела, решилась задать эти вопросы — и, получив на них недвусмысленный ответ, спасла этого подзащитного от смертной казни. Другие адвокаты были изумлены и восхищены мужеством своей коллеги! А теперь вдумайтесь, что именно вам сообщила о советском правосудии эпохи "свободолюбивых шестидесятых" привыкшая к их рутине, а потому в полной мере не чувствующая чудовищности сообщаемой ею информации юристка: чтобы спасти подзащитного от смерти, она посмела... задавать свидетелю вопросы, неприятные для прокурора! Да никакие обличительные филиппики против советского правосудия не поразили бы меня так сильно, как удивительная гордость советского адвоката тем, что она решилась исполнить элементарнейший свой долг, первейшую из норм профессионального поведения!

Персонажи монографии Е. Эвельсон — это, прежде всего, делаши, о которых впервые рассказывал мне Вл. Травинский. И подобно ему, Эвельсон не в силах скрыть восхищения подзащитными-преступниками: "Мои клиенты в графе "образование"

зачастую писали "начальное". Но это были министерские головы! Настоящие бизнесмены! В свободном мире они возглавляли бы концерны, корпорации и тресты. А здесь они ожидали судебного приговора. Часто — смертного".

Главная идея книги Е. Эвельсон, грубо говоря, сводится к доказательству *антисемитского* характера судебных процессов по экономическим делам 60-х гг.: она утверждает, что их целью было не просто противодействие "левой экономике", но целенаправленное уничтожение именно еврейских делашей в этой системе. Проанализировав несколько сот следственных и судебных дел, она, на мой взгляд, убедительно доказала эту поставленную самой себе теорему.

Мысль об антисемитизме экономических судов никогда ранее не приходила мне в голову. В Союзе я рассуждал так: хотя нормальное поступление евреев на госслужбу в СССР затруднено, но в виде компенсации им открыт более легкий доступ во "вторую экономику" с ее многочисленными "левыми" предприятиями. "Левые" же мастерские и артели, лишенные госфондов и средств, могут держаться на плаву, лишь постоянно "мудруя" с оборудованием, сырьем и зарплатой, поэтому преобладание евреев на скамьях подсудимых по экономическим делам казалось мне — и, видимо, не только мне — естественным следствием сложившейся в СССР общественно-демографической ситуации. У одного народа излюбленная сфера преступлений — хулиганство, у другого — сексуальные преступления, а вот у евреев — частный бизнес... Каждому свое!

Автор отзыва на книгу Е. Эвельсон проф. Гроссман (Беркли, США) отметил, что "обширная и разя-

щая картина советской действительности 60-х гг. недостаточно известна на Западе даже специалистам, не говоря уже о широкой публике”, а проф. Фельдбрюгге (Лейден, Нидерланды) заявил, что ”главный аргумент книги — новый”. Этот ”новый аргумент”, решающим образом подтвердивший тезис автора о предумышленном антисемитизме советских следователей и судей на экономических процессах, — рассказ о так называемых ”делах, выделенных в отдельное производство”.

Суть его сводится к следующему: знакомясь со следственными делами, адвокат констатировала неизменное участие в ”левых операциях” не только обвиняемых делашей-евреев, но и их компаньонов, начальников и, в конечном итоге, верховных распорядителей левого бизнеса из числа лиц ”коренной национальности”. Между прочим, если подумать, то и неосведомленному человеку становится ясно, что в советской системе не может действовать предприятие, не получившее разрешение на открытие, сырье из госфондов (а откуда другое?), станки оттуда же — т. е. не может действовать ни одно предприятие, не находящееся под негласным контролем фактических собственников остальной советской экономики — ”номенклатурщиков”. Евреи, крутившиеся в ”левых делах”, фактически служили высокооплачиваемыми менеджерами по добыванию ”черного капитала” у настоящих хозяев советской жизни.

Вот характерный судебный казус, рассматриваемый в книге. При универмаге ”Москва” на Ленинском проспекте столицы был открыт трикотажный цех во главе с еврейскими мастерами, изготовлявший майки, тениски, женское и детское белье, капроновые куртки. Еврей-начальник раздобыл для цеха станки, ”согласно государственным разнаряд-

кам и сверх того”, приобретал сырье (трикотажные нитки), ”как плановое, так и неплановое”, изготовлял продукцию, ”как учтенную производственными отчетами, так и неучтенную”. Кто же ему все это поставлял? И станки, и фонды поступали по заказам директора универмага М. Коршиловой, раздобывшей и самое разрешение на работу цеха, и отвечавшей за ”подбор кадров”, т. е. за наем и увольнение работников цеха; сбытом ”левой продукции” ведала тоже номенклатурная дама, ее заместительница Л. Кузнецова. Верховным патроном предприятия стал позднейший свидетель на суде, замминистра торговли РСФСР С. Алексеев, распоряжавшийся сырьевыми фондами министерства — он-то и выделял цеху трикотажную нить, самодержавно изымая ее у фабрик, куда нить распределил Госплан РСФСР.

В чем же заключалась суть еврейского бизнеса?

Тем, кто работал в цеху, начальник и мастера платили зарплату, намного превышавшую обычный советский заработок. Зато и работали там с необычной тщательностью и усердием: ”Виртуозы лекала раскраивали полотно, сберегая по миллиметрам квадратные метры ценной ткани”, кроме того, ”знакомый механик чуть-чуть разрядил машину, что уменьшило плотность ткани и сократило расход пряжи, давая возможность экономии сырья в целях производства левой продукции”. Секрет производства заключался в том, что оно, по замыслу организаторов, должно было ”поставлять красивые, элегантные вещи на уровне мировых стандартов, способствуя выпуску отечественной продукции, которая сумеет противостоять опасному увлечению импортными товарами, тяжело сказывающемуся на бюджете страны”. Такие вещи и поставлялись цехом в магазины, причем часто ”налево”, т. е. ”без кассы” (в виде сверхплановой про-

дукции, выпущенной из сэкономленного сырья, — в полном соответствии с лозунгом советской индустрии; только вот прибыль от нее доставалась не хозяину, а организаторам-евреям и их компаньонам-номенклатурщикам).

Анализируя ход дела в суде, Е. Эвельсон свидетельствует, что от судебной ответственности освобождались не-еврейские "фигуранты", и лишь свидетелями прошли на процессе Алексеев, Коршилова, Кузнецова... На вопросы адвокатов судья невозможно отвечал: "Вы же знаете, что во всем деле имеется список индивидуальных дел, выделенных в особое производство. Хода этому "списку" не дали и не собирались давать... Любопытно признание адвокатессы, что когда по какому-нибудь делу на скамью подсудимых попадали второстепенные "фигуранты коренной национальности", они, адвокаты, не стеснялись выявлять в ходе судебного следствия их долю вины, и совесть защиту не мучила, потому что суд, как правило, выносил таким подсудимым наказание по нижней мерке "тарифов", и установление их вины, сходной с виной еврейских соседей, влекло как следствие и смягчение наказания евреям, а не увеличение сроков для их соседей по скамье подсудимых.

Проанализировав обширный фактический материал, Е. Эвельсон доказала, что преобладание евреев-подсудимых на экономических процессах 60-х гг. объяснялось не столько специфически еврейским характером данного вида правонарушений, сколько определенной национальной политикой, осуществлявшейся в сфере юстиции по указанию партийных органов. По сведениям автора, подобное указание дал КГБ и судам лично первый секретарь тогдашнего ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

В этом месте мне хочется поговорить о посторонних сюжетах, которые невольно возникают всегда, когда приходится анализировать работу, фактология и проблематика которой много шире той задачи, которая интересовала меня первоначально.

Вот сюжет первый дополнительный. Е. Эвельсон вспоминает, что юридический спор между обвинением и защитой очень часто проходил на следующем основном рубеже: является ли деяние подсудимых "хищением госсобственности", караемой расстрелом, как это утверждало обвинение, или то был просто "обман покупателя", частного лица, что карается в СССР смехотворно легко по сравнению с "обманом государства" — эту линию, понятно, защищали адвокаты. Автор до сих пор убеждена, что имел место именно "обман покупателя" и возмущена толкованием официальных юристов, научно объяснявших судьям, что "частно-предпринимательская деятельность является хищением государственной собственности в форме упущенной выгоды государства".

Возможно, с точки зрения формально-юридической защита была права: я недостаточно хорошо знаю юриспруденцию, чтобы вмешиваться со своим мнением в былые юридические схватки. Но на взгляд человека непрофессионального, судящего о ситуации, как говорится, "по совести", верной была формула обвинения.

Непрофессиональному человеку ясно, что никакого обмана покупателя фактически не было. Напротив, именно покупатель получал от клиентов Е. Эвельсон то, что он хотел: нужные, модные и красивые вещи, причем по сравнительно доступной цене. Неслучайно же, никому не приходило в голову вызывать этих "пострадавших покупателей"

в суд! Как все предприниматели в мире, подзащитные Е. Эвельсон заботились вовсе не о благе потребителей, а о выгоде для самих себя и своих компаньонов, но, как это тоже происходит повсюду в мире и зафиксировано многочисленными экономистами, именно своекорыстные действия частных парадоксальным образом (и в СССР тоже) удовлетворяли потребности общества, народа. Е. Эвельсон сама описывает этот процесс: "В Грузии ярко проявилась способность левой экономики оперативно откликаться на спрос и нужды населения... Другой пример — Киргизия, где вся республика была охвачена частно-предпринимательской деятельностью и где интересы государственной власти оказались прочно сращены с миром частной инициативы. *В конечном счете, вся эта сложная двойная хозяйственная деятельность населению приносила только пользу*" (выделено мною. — М. Х.).

Иногда, видимо, покупатели платили в магазине цену несколько выше официально установленной — за счет, например, неправильно маркированного размера изделия. Казалось бы, вот явный пример обмана покупателя! Но, во-первых, покупал он именно ту вещь, которая ему была нужна (он ведь ее примерял), а во-вторых, даже эта, завышенная цена была значительно ниже цены на аналогичное изделие на "черном рынке", а в обычных госмагазинах подобный товар вообще нельзя было достать, ни за какие деньги. Мы все эти порядки хорошо помним! Стратегия "второй экономики" заключалась в том, чтобы удовлетворять потребности покупателя и получать за это прибыль, поэтому, в отличие от адвокатов, я как представитель бывших покупателей уверенно утверждаю, что мы не чувствовали себя потерпевшей стороной, а наоборот —

единственной стороной, остававшейся в выигрыше от действий подсудимых!

Зато, говоря опять же "по совести", казна действительно несла огромные убытки из-за "упущенной выгоды государства". Конечно, с формальной точки зрения "хищение" в этом случае — действие недоказуемое. Скажем, станки и сырье, хоть за взятки они и доставлялись вместо одного предприятия на другое, но ведь все равно и оборудование и сырье оставались в собственности государственного же предприятия, т. е. у одного и того же хозяина. "Левая продукция" чаще всего получалась в результате такой обработки сырья, которая при нормальном ходе производственного процесса все равно не была бы достигнута на обычной фабрике, и это сырье было бы при обычных условиях списано в "усушку, утруску", в мусор и отходы. То есть с формальной точки зрения, которую пыталась отстаивать защита, государство как бы ничего фактически не теряло, зато общество (и, конечно, делаши) на запланированных потерях государства ухитрялось извлекать несомненную выгоду. Но в реальной советской жизни казна, конечно же, несла огромные убытки — тут обвинение право. Ведь сила "левых предприятий" состоялась в том, что они выпускали ходовую, дефицитную продукцию, немедленно раскупавшуюся населением, и это означало, что государственные фабрики лишались *рынков сбыта*. Кто из нас не помнит сотни, если не тысячи костюмов на вешалках, возле которых не было ни одного покупателя; это женское белье, над которым потешался в Париже покойный Жерар Филипп; эти сапожки за баснословную цену, не налезавшие ни на какие ноги... В условиях привычной государственной монополии на изготовление товаров ширпотреба они раскупа-

лись бы — никуда потребитель не денется! — как раскупался "Москвошвей" в 30-е гг., "Кемеровский промкомбинат" в более позднюю эпоху... Но стоило появиться хотя бы относительно незначительной конкуренции со стороны "второй экономики", и государственная легкая промышленность начисто уступала рынок. И тогда хозяева монополий стали *расстреливать* мелких, но юрких конкурентов, действительно опустошавших карман казны.

Сюжет второй дополнительный. Углубившись преимущественно в еврейские аспекты темы, Е. Эвельсон, к сожалению, пропустила интереснейшие направления, отклонявшие ее в сторону от заданной цели, и нам жаль пройти мимо них вместе с автором. Например: как отразилась антисемитская судебная кампания в сознании как фигурантов из мира номенклатуры и частного бизнеса, так и в поведении тех, кто по должности обязан был блюсти советский закон — работников карательных и судебных ведомств? Вот Е. Эвельсон приводит несколько случаев, когда потрясенные несправедливой жестокостью вынесенных приговоров погибали от инфаркта или бросали свою профессию союзники пострадавшей стороны — адвокаты, ну, а следователи, прокуроры, судьи, райкомовские работники, курировавшие суды — они-то как? Как бы мы ни говорили худо про советских юристов — они остаются людьми своей профессии, со всеми присущими ей навыками, и их не могли не потрясать судебные дела, где за одинаковые, с точки зрения закона, деяния делашам-евреям выносились смертные приговоры (в том числе инвалидам или героям войны, отцам многодетных семей и т. д., то есть тем подсудимым, которым и в СССР обычно делают в судах снисхождение), а

их коллеги из числа "коренных" *полностью осво-бождались* от наказания. Никакой юрист не мог равнодушно наблюдать ни придания закону обратной силы (почти все приговоры по экономическим преступлениям 60-х годов выносились в нарушение правила, что "закон обратной силы не имеет"), ни смертных приговоров, вынесенных вопреки букве закона — специальным Указом Президиума Верховного Совета в тех случаях, когда закон не предусматривал смертной казни, ни даже просто физического уничтожения целой категории лиц (в данном случае евреев-делашей) вне зависимости от конкретной вины обвиняемого и социальной необходимости казни. Никакой юрист не может этого вынести — и советский юрист тоже... Ему необходимо было выстроить логическое объяснение этого непрерывного нарушения соцзаконности со стороны правосудия, и, как это всегда бывало в советской истории, он находил такое объяснение в социальной опасности, но не преступления, а самих преступников, в данном случае — евреев-делашей. Но в этой ситуации юристы опять же логически приходили к выводу, что хищение государственной собственности есть дело, запретное именно для евреев, а другие, лица коренной национальности, в особенности номенклатурные работники, принадлежат к кругу "выделенных в отдельное производство", т. е. лиц ненаказуемых за такое же деяние. В особенности после речей и вопросов адвокатов, которые не давали шансов оставаться в заблуждении относительно подлинного характера их, обвинителей, деяний... Но если компаньонство в "левом бизнесе" становилось как бы дозволенным замминистру торговли, или директору универмага, или работнику райкома, лишь бы те принадлежали к "коренным людям", то почему бы

ему не быть дозволенным следователю ОБХСС, и прокурору, судье, которые, относительно, конечно, но мучились от безденежья! А рядом били фонтаны "левых" денег и дефицитных вещей..." "Избирательное следствие" и "избирательный суд" неизбежно приводили к жуткому моральному разложению как всего следственно-судебного аппарата, так и тех работников номенклатуры, которые освобождались от ответственности благодаря "приличной национальности".

В их защиту я должен, однако, сказать, что моральное сопротивление должностному преступлению в этой среде сильно ослаблялось тем, что частный бизнес, как было сказано выше, "приносил населению только пользу": это был естественный взгляд на вещи, — ведь если данное преступление приносило пользу всем (кроме государства), то почему юристу инярек нельзя было отщипнуть от этой 'пользы' кусочек в свою ладонь? Он и отщипывал...

В "Иске дочери Шаляпина и других очерках московского адвоката" Я. Айзенштама, изданных тем же "Оверсизом", автор вспоминает о деле среднеазиатского еврея-делаша Остера. Узнав, что побелочные кисти для многочисленных строек страны закупаются за границей (в Китае) за валюту, Остер разработал технологию изготовления их из сорняка, местной травы, которую раньше сжигали в степи. Дело было новое, Остер сумел "пробить" такие расценки за работу, которые обогатили и его, и всех участников этого дела, завалил кистями стройки от Бреста до Сахалина, государство поимело колоссальную прибыль, а Остер — в конце — неизбежно получил свой смертный приговор. Адвокату, однако, удалось добиться замены его долголетним заключением. Через восемь лет

он сообщил Остеру о досрочном освобождении (пусть те, кто не знает этого, поверит на слово: восемь лет в лагере — это много, очень много!) и в глазах узника увидел неестественно огромное торжество, даже большее, чем по такому случаю полагалось... В чем дело? Остер открылся ему: только что узнал, что судья, восемь лет назад отправлявший его на смерть, попал в следственный изолятор за то, что брал огромные взятки... Этот финал судебной истории видится мне общественно-закономерным: "избирательная законность" губила и развращала советский карательный аппарат (может, в этом тайна, почему Сталин время от времени считал нужным уничтожать собственных карателей, беззаветно ему преданных политически, но морально разложившихся и заменял их новыми людьми — из комсомольцев, из "романтической молодежи". Тоже сюжет для будущего историка!).

Теперь, покончив с размышлениями, которые отвлекли нас от основной темы, вернусь снова к ней же. На мой взгляд, недостатком монографии Е. Эвельсон, изобилующей ценнейшим и ярко изложенным фактическим материалом, является слабость теоретического осмысления явлений. Например, единственным объяснением возникновения в начале 60-х гг. кампании борьбы с делашами представлен автором антисемитизм Н. Хрущева и его подручных. Признаюсь, это объяснение выглядит вовсе неубедительным: несомненно антисемитизм тогдашнего правителя СССР был необходимым фактором в развязывании кампании, но он отнюдь не кажется мне достаточным. Одним антисемитизмом не объяснишь ни того, что до конца 50-х гг., при том же Хрущеве, еврейские делаши действовали относительно спокойно (это отме-

чает и сама Е. Эвельсон), ни того, почему удар КГБ был направлен именно против еврейских делашей, а не против евреев вообще (как раз для "евреев вообще" хрущевский период был одним из самых спокойных во всей их советской истории), наконец, антисемитизмом не объяснить позднейших (в частности, современных) кампаний по борьбе с "частным сектором", когда с той же беспощадной жестокостью, как некогда евреев, стали расстреливать представителей "коренных национальностей" (на днях я услышал сообщение о расстреле секретаря Бухарского обкома КПСС). Разве остается предположить, что на смену антисемиту Хрущеву пришли, наконец, юдофилы Андропов, Черненко и Горбачев?.. Думается, сведя общественную причину страшной кампании казней и судов 60-х годов только к антисемитизму (других причин в монографии не приводится), Е. Эвельсон обеднила научную ценность своей книги, свела важное общественное, более того, историческое явление, которое она подметила и описала, к узкой, локальной и в принципе традиционной, многократно изученной сфере.

Чтобы понять общероссийские истоки того общественного процесса, который на поверхности проявился кампанией казней евреев в 60-е годы, надо, как мне кажется, обратиться к другим книгам, выпущенным в том же "Оверсизе".

*
* *

Профессора И. Земцова не раз упрекали за журнализм и недостаточную научную глубину его сочинений. Но его последняя книга "Частная жизнь советской элиты" будто сшита по мерке

Земцова: вот для такой книги он, кажется, и был создан!

Художник Андрей Краузе изобразил на ее обложке странного человека в странном пальто и странной шляпе, стоящего возле запертой двери и приоткрывшего к замочной скважине с бумагой и карандашом в руках. Смысл картинки ясен: под этой обложкой скрыты записи с натуры, с той, которую никто не видел за закрытыми дверями, кроме допущенных туда и того единственного, кто сумел все подглядеть и записать.

Используя личные знания (он был некогда вхож в номенклатурные кабинеты и клубы), материалы советской прессы, социологические исследования (открытые и полузакрытые), а также материалы опросов многих людей, Земцов сумел зафиксировать в книге удивительные факты. Вот лишь некоторые из них:

"В 1960 г. Краснодар оказался в руках мафии. Ей пытался бросить вызов Алексей Аджубей, главный редактор газеты "Известия", председатель комиссии Верховного Совета СССР по иностранным делам, к тому же зять Никиты Хрущева. В Краснодар были срочно посланы следователи по особо важным делам прокуратуры СССР. Но их в Краснодаре арестовали и жестоко избили. Аджубей пожаловался в Политбюро, но оттуда последовал приказ: дознание прекратить, следователей убрать. Был ли член Политбюро Дмитрий Полянский непосредственным членом краснодарской мафии или только опекал и курировал ее?

... К 1970 г. Азербайджан был полностью распределен. В руках второго секретаря ЦК Елистратова и сменившего его на посту Козлова находились партийные кадры... Ими же были разработаны тарифы: должность первого секретаря райкома стоила 200.000 р., второго — 100.000 р.

Село (совхозы, колхозы) было вотчиной секретаря ЦК Сеидова, и здесь имелись четкие ставки: должность предколхоза — за 50 тысяч рублей, директора совхоза — 80.000.

Промышленность считалась хозяйством секретаря ЦК

Амирова: должности директоров заводов и фабрик котиrowались от 10.000 до 100.000. Культура, наука, искусство были под контролем секретаря ЦК Джафарова: звание академика — 50.000, директора НИИ — 40.000, ректора вуза — 20.000. Стоимость полностью определялась спросом, спрос — возможностями должности...

Судья освобождал мелких воров и крупных расхитителей: цена оправдательного приговора от 500 до 20.000 р... Адвокаты собирали деньги и несли председателю суда открыто, а когда Горбачев развернул кампанию за соблюдение норм законности, то первой жертвой оказался не взяточник-судья, а разоблачивший его следователь.

... Председатель Госкомитета по внешним экономическим связям С. Скачков не стеснялся получать подарки от иностранных бизнесменов.

... Ни один вельможа не брал столь огромных взяток, какие подносились министру внутренних дел Щелокову. Он карал и миловал преступников по строгой тарифной сетке: освобождение от смертной казни — полмиллиона, досрочное освобождение — 20.000. И попутно торговал алмазами”.

Достоинство книги не только в фактах, которые собрал И. Земцов; в конце концов, в них самих нет ничего особо нового или примечательного для знающего свою страну советского человека. Главным достоинством работы И. Земцова я считаю научную гипотезу, которую он предложил для объяснения страшной коррупции в рядах современной номенклатуры.

В самом деле, задумайтесь: известно, что получение ”левых доходов”, при всей их приятности, — все же очень опасное и рискованное дело для современных номенклатурщиков. Слетали с должностей аж первые секретари республиканских ЦК! Зачем же понадобились незаконные наличные деньги людям, которые получают всевозможные в СССР блага, не пользуясь наличностью (или почти не пользуясь ею), то есть либо бесплатно, либо за символическую плату (система распределения благ

по должности расписана в "Номенклатуре" Восленского и дополнительно у того же Земцова в "Частной жизни советской элиты") ?

Итак, зачем понадобилось соучастие в делах "второй экономики" хозяевам Страны Советов, допущенным, казалось бы, к любым благам "Страны Номенклатурии"?

Е. Эвельсон и И. Земцов, оба привели один поразивший их судебный эпизод: во время процесса секретаря Бауманского РК в Москве В. Глушко, судья задал ему вопрос: "Вы, подсудимый, человек известный и обеспеченный, что заставило вас стать на путь преступления?" — "Неуверенность в завтрашнем дне", — ответил суду бывший секретарь райкома.

Этот мотив неуверенности в завтрашнем дне звучит и в признаниях других номенклатурщиков, зафиксированных в эмигрантских книгах: "Вам хорошо, у вас муж профессор, вы всегда будете обеспечены, а что мы будем делать, если мужа снимут с должности!" — говорила, например, супруга молодого тогда министра Байбакова своей соседке по Дому Правительства Лидии Шатуновской, объясняя, почему она должна спекулировать продуктами из кремлевского распределителя (Л. Шатуновская "Жизнь в Кремле", изд. "Чалидзе пабликейшн"); в одном из очерков Вл. Войновича член политбюро Д. Полянский, явившись домой с подаренным на фабрике отрезом сукна, так объяснил случайному гостю, другу юности, зачем члену политбюро нужно тащить в дом отрез: "А если снимут? Тогда и отрез пригодится" (Вл. Войнович "Это что за раздолбай?"). Сразу вспоминается знаменитая веревочка, которая в дороге пригодится большому человеку из Петербурга! И все-таки полностью объяснить, почему номен-

клатурщики так полюбили наличные деньги, одной неуверенностью их в завтрашнем дне нельзя: это опять-таки будет объяснение необходимое, но недостаточное.

Дело в том, что, уличенный во взятках номенклатурщик рискует потерять *все*, а в обычной карьерной ситуации, особенно в брежневскую эпоху "стабильности" и "работы с кадрами", риск "потери всего" был очень невелик. Известен и секрет "волчковой" устойчивости номенклатуры: деятеля, увольняемого от должности, обязан назначать на новое место службы тот же самый орган, который его уволил. Следовательно, человек из номенклатуры политбюро, например, может слететь с места секретаря крупного обкома послом в Китай (В. Толстиков) или из секретарей ЦК попасть в зампреды Совмина (Катушев) и т. д., но потерять *все* — этого при Брежневе, то есть именно в эпоху наивысшей коррумпированности, как правило, не случалось.

И. Земцов посвятил книгу описанию той стороны жизни номенклатуры, которую М. Восленский набросал относительно бегло — "частной жизни", т. е. жизни вне кабинетов и служебных дел.

Постепенно, из разных эпизодов, выясняется, что капитал потребен номенклатурщику не столько в роли такого страхового полиса на случай возможного несчастья, сколько в качестве важнейшего рычага для дальнейшего продвижения обладателя капитала вверх, для увеличения степени власти. Капитал настолько важен, что некоторые рискованные номенклатурщики сознательно идут на "скольжение вбок", на выход из сферы партийно-директивной власти в лоно непосредственного администрирования, где совершается первичное перераспределение "левого капитала", ибо "кон-

вертируемый курс партработника очень высок — инструктор ЦК котируется как заместитель министра или управляющий крупный главком”. Соответственно, ”приблизившись непосредственно к сфере производства, а, стало быть, и к источникам перераспределения подпольного капитала, бывший партработник получает возможность быстро разбогатеть. Теневая сторона — он выпадает из привилегированной партийной касты... Но если он будет вести себя осмотрительно, сохранит связи с партаппаратом, не станет жадничать и будет делиться прибылями с нужными людьми... — есть надежда, что его вспомнят и при новой раскладке конъюнктуры вновь притянут в партийный аппарат”.

Главную заслугу И. Земцова я вижу в том, что, анализируя жизнь советской номенклатуры, он произнес решающее для нашей темы и, по-моему, прежде не входившее в научный оборот понятие. Оно, это понятие, находится на стыке биологии и социологии и именуется коротко — *дету!*

Родительский, биологический инстинкт управляет действиями почти любого человека, независимо от того, в какой общественной формации он живет. Этот инстинкт сыграл колоссальную роль в реформировании человеческого общества, обусловив переход от матриархата к патриархату, от полигамного брака к моногамному, и прежде всего он выражался в непреодолимом общественном стремлении любых родителей при любом общественном строе передавать свои жизненные завоевания — собственность, привилегии, знания, статус — детям.

Но ”особенность советской партократии как класса состоит в том, что она (пока) не может юридически передать свою власть и привилегии

потомству — таковы ограничения, накладываемые на нее коммунистической идеологией, такова плата за стремление закамouflировать в идеологии эгоистические стремления... новых господ Советской России". Поэтому стремление коммунистической элиты к черному капиталу "имеет еще одно и, может быть, самое важное значение: в накопительстве видят важнейшее средство сохранения элиты как класса".

Илья Земцов в подробностях проследил, как номенклатурная элита воссоздает себя в детях — описал привилегированные детсады и школы, институты и клубы, манеру одеваться и манеру общения, пикники, клубные встречи;

"Внешность, привычки, обращение выдают в нем человека определенного воспитания; его знакомые и приятели служат порукой, что влиятельные люди ... считают его подобным и равным себе... Одежда его, даже если она небрежна и поношена, отличается от одежды других людей — людей не его сословия — своим покроем и стилем...

Следующий шаг в динамике увековечивания привилегий: превращение пожизненных прав в наследственные. И если по наследству не передается место в партийной иерархии — оно не является даже пожизненным, если нельзя завещать потомству звание академика — оно пожизненное достояние, то имущество, ценности безличны и передаются от отца через детей к внукам.

Отсюда, от имущества, ценностей и накопленных денег — начинается в СССР обратное движение индивида к власти. Деньги обеспечивают в СССР поступление в институт; на них же покупаются престижные должности, обеспечивающие высокий статус в обществе. А статус, в свою очередь, содержит в себе возможность накопления капитала — и так замыкается социальный круг. Коммунистический класс (так Земцов называет номенклатуру — М. Х.) вырывается из ограничений, накладываемых на него идеологией, — в капитале он нашел универсальное средство увековечивания привилегий, власти и влияния... Его внутреннее

социальное движение стало движением по кругу: социальный статус — капитал — социальный статус”.

И. Земцов обратил внимание на переплетение родственных связей в ”элитах”, проанализировав исследование, которое в 70-х гг. по указанию ЦК КПСС провели советские социологи:

”Было, в частности, обнаружено, что среди 3980 семей Ярославля, которые... могли быть отнесены к элитным, 2708 семей состояли в родстве, и 448 были связаны родством с элитными семьями вне Ярославля — Москвы, Костромы, Владимира... Та же картина в других городах. В Баку среди 7210 семей элиты 5100 были связаны родственными узами друг с другом. 1081 с привилегированными семьями Кировабада, Сумгаита, Еревана...”

В этом месте я опять отвлекусь в посторонний сюжет, связанный с монографией И. Земцова. Недостатком его книги мне кажется излишнее морализирование, этакий обличительный пыл в адрес советского неравенства, привилегий элиты! Но в конце концов, возникновение системы привилегированных учебных заведений — от низших до высших, — оно ведь свойственно отнюдь не только советской системе, а естественно для любого человеческого общества, в том числе и самого демократического (вспомним Итон, Тринити-колледж, Гарвард, Йель и т. д.). Более того, с моей личной точки зрения, именно в СССР существование привилегированных учебных заведений и кружков, где молодые люди с детства привыкают к мысли, что им суждено быть руководителями общества, что власть и управление людьми есть искусство, которым они должны овладеть и пользоваться остальную жизнь, именно в сегодняшнем СССР существование таких питомников, возможно, оправдано больше, чем где бы то ни было. Наблю-

дая за жизнью моих бывших соотечественников за рубежом, в особенности в Израиле, где им, казалось бы, все пути-дороги открыты, я вижу блестящие успехи в промышленности, в науке, в искусстве, торговле и даже частном бизнесе, официально запрещенном в СССР, но нет среди бывших россиян никого, кто бы занял не то чтобы заметное место в политико-общественной жизни страны, а хотя бы попал на подступы, на дальние подступы к этой сфере. Искусство политика — есть такое же искусство, как всякое иное, требующее не только талантов, но и навыка, опыта, знания приемов и самой атмосферы этого дела. Человек вне номенклатуры в Союзе начисто лишен такого жизненного запаса, а потому он бессилён и в новой политической среде — даже если от природы одарен талантом к руководству. Но наличие руководителей есть одновременно жизненная потребность любого общества — и потому, с моей точки зрения, правильно, что в Союзе существуют привилегированные заведения, где молодых людей готовят к такому поприщу. Тем более, что относительно сфера власти в СССР остается пока что достаточно открытой для проникновения в нее и людей со стороны: по данным, приводимым Земцовым, примерно 30—40% семей не "состоят в родстве", т. е. привлечены в элиту со стороны. А это — немалый процент.

Индикатором порочности советской системы мне кажется не то, что номенклатурные дети, продолжая карьеру отцов, наследуют их навыки, знания, умение руководить обществом: так, в общем, всюду бывает. На мой взгляд, настоящий порок системы напротив скрыт в том, что дети *не хотят* следовать по стопам родителей. И. Земцов излагает данные на этот счет, опубликованные в статье "Структура советского общества" (Информацион-

ный бюллетень, М., 1973). В результате опроса выяснилось, что если в военной элите преемственность профессии наблюдалась в 49% семей, в милицмейской элите — в 19%, то в семьях партработников наследование профессии зафиксировано лишь в 0,9%! Если же брать только Москву, то 38% номенклатурных детей высшего уровня предпочли дипломатическую карьеру, 29% — научную деятельность, 23,3% — инженерно-техническую сферу, 7% — гуманитарную, 2% связали судьбу с армией и только 0,7% пошли в партаппарат. "Таким образом, явно выявилась тенденция — дети партработников устремились в иные, непартийные области жизнедеятельности", — замечает автор. Любопытно, что, верный принятой "обличительной схеме", Земцов все равно декларирует, мол, "было бы безосновательно утверждать, что сами родители, партийно-правительственные чиновники разочаровались в своей работе". Ведь сказать противоположное — значит, поколебать основную идею его книги, сводящуюся к тому, что "властвующий класс советского общества живет легко, вольготно и пресыщенно... Мысль о том, что, достигнув социальных высот, он найдет печальную пустоту, что, обернувшись черным капиталом, он не будет знать, на что его потратить, что успех и преуспеяние преходящи, мысль о грустном уделе человеческого тщеславия — эти мысли ему недоступны".

Достоинством этой работы, однако, является то, что автор не обходит вниманием сведения, опровергающие и разрушающие его собственные решительные выводы. Например, "32% опрошенных партработников г. Баку заявили, что, начини они жизнь сначала, выбрали бы иную специальность... и ни один из них не пожелал видеть своих детей на партийно-государственном поприще". Так по его же

собственному тексту создается у читателя впечатление, что по своим личным, человеческим качествам номенклатурные люди частью лучше — и намного лучше! — того порядка вещей, который они обслуживают, что зло идет не от них, а напротив, оно ломает их — так же, как их подчиненных. И потому-то подлинным пороком мне, например, видится — повторяю — не то, что номенклатурные дети получают образовательную и духовную подготовку для руководства обществом, а в том, что естественным и чистым движением их юных душ становится уклонение от работы, для которой их выращивали, — уклонение, если не отвращение! И — бегство от партработы в дипломатию или в зарубежную журналистику, или в науку, связанную нынче со всемирными контактами... Как писал один из старых большевиков, из первых невозвращенцев, "Плеханов и другие марксистские теоретики насмеялись над Лениным, доказывая, что придуманная им общественная схема не может быть создана. Ко всеобщему удивлению, прав оказался Ленин, и его схему удалось воплотить в жизнь. Но жить при этом надо было в другой стране. И с первых дней после гражданской войны высшей ценностью для старых ленинцев стало получение любой должности за границами построенного ими общества"*.

Это, как сказано выше, был виток в сторону от основного сюжета. А теперь мы вернемся к тому, как именно гипотеза Земцова может объяснить смысл и возникновение процессов по делам "левой экономики" в 60-х гг., описанные в книге Е. Эвельсон.

В начале 60-х гг. провал беспокойного хрущев-

* А. Нагловский (запись Р. Гуля) "Ленин", "Новый журнал" № 80.

ского руководства стал выявляться во всех сферах: банкротство сельскохозяйственной политики, завершившееся импортом хлеба из Штатов; банкротство внешней политики, отмеченное китайским и кубинским кризисами; банкротство внутренней политики, с ее новочеркасским расстрелом и кампанией борьбы с писателями и художниками. Доверие номенклатуры к ее лидеру было подорвано, а в такой ситуации всегда вырастает сопротивление и, соответственно, слабнет власть хозяина. Глядя с исторической колокольни, мы теперь знаем, что сопротивление номенклатуры "партийному самодержавию" завершилось, в конце концов, его свержением с кресла. Сам Хрущев должен был почувствовать колебание почвы под собой за несколько лет до октября 1964 г., когда уже и замещение вакантных должностей, эта святая святых генсековской монополии, стало определяться закулисным соглашением могущественных кланов. (Наличие "черного капитала" позволяло его хозяевам решать в своих интересах, в частности, в интересах своих детей, кадровые вопросы. "Сугубо общественные проблемы — распределение руководящих постов в государстве — переплетаются с частными проблемами, семейными заботами. Закулисная форма замещения престижных мест является одним из средств негласной координации влиятельных семей", — пишет И. Земцов). Как подорвать это могущество, не прибегая к испытанному Сталиным, но скомпрометированному методу — массовому террору против партноменклатуры ("отстрелу ответственных работников", по фольклорной терминологии)? Хрущев мог решить, что могущество и спаянность его вельмож определяются "смазочным маслом" их "черного капитала" и понадеяться, что он ликвидирует внутрипартий-

ную проблему, грозившую ему, как мы знаем, падением, перекрыв каналы поступления "левых денег" в партийный аппарат, то есть не трогая хозяев страны, он надеялся сделать им "обрезание", лишив капитала. Не исключено, что в его сознании возникал и традиционный антисемитский миф: мол, в истоке всякого зла стоит еврей, и, следовательно, достаточно отсечь от партийного тела этот микроб сатаны, чтобы соблазненные иудеями коренные ответработники, сразу пришли в традиционное повиновение вышнему руководству. Но, с другой стороны, именно этот вариант мне кажется маловероятным, ибо Никита Сергеевич был не русским человеком, а украинцем, и ему — по шаблону — еврей должен был казаться не традиционной в России мистической фигурой (положительной или отрицательной — зависит от мировоззрения, но обычно мистической), а старинным соседом этого люмпена-украинца, пригодным ему и для хозяйственного употребления, пока в нем есть нужда, и для погрома, когда возникнет нужда в погроме... То есть громить удобнее всего казалось Никите еврейских делашей, потому что, с одной стороны, это подрывало источники капитала у непокорных вассалов, а, с другой, грозило хозяину наименьшими осложнениями, в том числе по линии исполнителей сей акции. Тогда становится объяснимой и невероятной жестокость приговоров, и фактическое чрезвычайное положение при прохождении дел — словом, кампания 60-х гг. начинается в этом варианте выглядеть хрущевской микро-моделью 1935 года, первыми выстрелами в войне сюзерена с вассалами, кампанией, которая при Сталине завершилась победой Хозяина, а при Хрущеве обернулась контратакой вельмож, угадавших, исходя из истории, возможное развитие событий —

и падением недооценившего силу их сопротивления "Кукурузника".

Во всяком случае, про его преемника бывшие обитатели молдавской столицы до сих пор вспоминают, как про человека очень и очень склонного к контактам с "левым бизнесом"! И — надо уж все сказать, честно — считают его за это "самым человечным" из бывших хозяев республики. "Брежнев был мужик не плохой. Сам любил жить и народу давал", — сплетничают нынче бывшие кишиневцы.

*

Но все это пока что гипотезы. А существует ли фактология, подтверждающая их возможное превращение в жизнь советского общества? "Оверсиз" выпустил еще две книги мемуарно-документального жанра, написанные бывшими работниками ведомств, которые являются бастионами номенклатурных детей: Министерства обороны ("Рассказы освободителя" В. Суворова) и Министерства иностранных дел ("Мид" Н. Полянского). Поскольку моя статья уже вышла за все разумные журнальные пределы, я не буду подробно разбирать эти превосходно написанные и богатейшие по материалу работы, а ограничусь только одним-единственным примером из второй книги, подтверждающим вышеописанную гипотезу. Вторая книга была выбрана мной потому, что в жизни МИДа тенденция проявляется ярче, чем в жизни армии или в любом другом учреждении.

Вот зарисовка с натуры, сделанная Н. Полянским, бывшим советским атташе в Швейцарии и Югославии:

"Первое время меня удивляло, когда какому-нибудь молодому дипломату, спешившему получить новый ранг или

должность, говорили: "Ну чего ты волнуешься, куда спешишь? Послом ты все равно никогда не будешь, а до советника так и так дослужишься, годом позже или годом раньше, какая разница?" Я удивлялся, как это можно сказать о человеке, что он никогда не будет послом? Разве у него на лбу написано? Оказывается, было написано — не на лбу, а в его анкетах, в его личном деле. Опытным людям нетрудно было предсказать будущую карьеру молодого человека, если они знали разветвления его генеалогического древа или — наоборот — могли предположить, что у его родителей нет и не может быть могущественных друзей в высших кругах.

Так же, как про одного говорили: "Он никогда не будет послом, — на другого показывали: "Это будущий посол" ... Вот, например, Юрий Алексеевич Кириченко, молниеносно дослужившись до советника в Каире, по возвращении в Москву был тут же назначен заместителем заведующего Протокольным отделом... а через несколько лет перевели послом в Норвегию, т. е. уже на очень ответственный пост...

Сотрудники протокола объяснили мне секрет карьеры Кириченко: по их словам, он был зятем министра обороны Гречко и жил в том же доме ЦК КПСС, где жил тогда сам министр и другие высокопоставленные лица..." Я сострил, что любой дипломат, получивший право поселиться в этом доме, через некоторое время неизбежно был бы назначен послом, даже если этого очень не хотел бы".

Конкретными эпизодами, аналогичными этому, буквально переполнена исключительно интересная и поучительная книга Н. Полянского, описывающая будни и механизм работы советской дипломатической и разведывательных служб.

*
* *

Идея данной статьи возникла у меня после чтения историко-аналитической статьи Б. Парамонова "Канал Грибоедова", опубликованной в "Граних" № 138.

Как помнят, надеюсь, читатели, Б. Парамонов высказал идею, что советский "социализм" — это, по П. Б. Струве, "регрессивная метаморфоза" русской истории, некое восстановление тех исторически присущих ей черт, которые изживались обществом в ходе поступательного развития России, но в силу коммунистического переворота, в порядке некоей "реакционной инволюции" потом воскресли. Словом, используя марксистскую терминологию, в результате Октябрьской революции в России наступило определенное падение в прошлое по лестнице исторических формаций (экономист Е. Преображенский в 20-е годы предлагал назвать переживаемую страной эпоху "первоначальным социалистическим накоплением", т. е. предлагал дать советскому периоду название эпохи, *предшествующей* капитализму, — по Марксу, разумеется). Исходя из своей схемы, Б. Парамонов предложил, что в советской России должен по аналогии воспроизводиться традиционный российский конфликт между верховной властью и правящей элитой (Сталин, Хрущев и их борьба — или попытка такой борьбы — с партийной верхушкой) и, следовательно, опыт изучения российской истории, находившей интересные и перспективные приемы решения этого конфликта, может пригодиться и нашим современникам. Хотя в силу исторически сложившейся ситуации и серьезных ошибок, совершенных властями царской России, подобные приемы и методы были стерты исторической катастрофой (ситуация наподобие той, что произошла потом в Иране, например), этот накопленный страной опыт, по мнению Парамонова, мог бы оказаться своеобразным историческим рецептом, пригодным для реализации и в наше время.

Свою статью он закончил предложением обсудить его идею на страницах "Граней" "с какой угодно степенью полемического накала". При чтении его статьи мне показалось, что материалы опубликованных недавно в "Оверсиз" книг дают основания для того, чтобы найти аналогию той исторической модели, которую описал Б. Парамонов, в современной советской действительности. Дополнительная ценность этих материалов заключается в том, что они были опубликованы *до* и соответственно *вне* зависимости от парамоновской модели, и их совпадение с его гипотезой придает ей дополнительную силу.

Обобщая результаты своих наблюдений, я решил написать эту статью — все в той же, что и у автора "Канала", надежде на обсуждение "с какой угодно степенью полемического накала".

Ударные части в русской армии (Весна и лето 1917 г.)

В предыдущем нашем очерке, посвященном попытке создания революционной армии весной 1917 года (см. "Грани" № 144), мы указывали, что "революционные батальоны волонтеров тыла" были лишь одним из видов новообразований в русской армии, возникших с целью вернуть войскам боеспособность и желание воевать. Другим видом были ударные части, часто также называемые "батальонами смерти". Правда в первое время не было четкого разграничения между "революционными" и "ударными" батальонами, и современные документы отражают определенную путаницу не только в терминологии, но и в фактическом положении вещей. В послефевральской России по инициативе людей с самыми разными целями и убеждениями возникали различные проекты и начинания, без всякой связи и координации, и армия не избежала общей ситуации. Личная инициатива стала в ней проявляться от самого низкого до самого высокого уровня, принимая порой весьма причудливые формы. К разряду последних можно, например, причислить проект верховного комисса-

ра Временного правительства при Ставке В. Б. Станкевича, который предлагал, по свидетельству ген. Деникина, "создание новой стратегии и новой армии путем радикального сокращения ее 'до 15—20 корпусов, избранного состава, наполовину состоящих из офицеров, прекрасно снабженных и вооруженных' "

Ударные части формировались главным образом из так называемых "третьих дивизий", созданных ген. В. И. Гурко в то время, когда он замещал заболевшего ген. М. В. Алексеева на должности начальника штаба Верховного главнокомандующего (окт. 1916 — февр. 1917) *. Эти части, недавно сформированные и состоящие из большого количества недостаточно обученных солдат и офицеров, стали разлагаться раньше других. Служащие в них патриотически настроенные офицеры и низшие чины, потерявшие какое-либо влияние на разбушевавшуюся солдатню, рады были возникшей возможности создавать особые, ударные части, в составе которых они надеялись продолжать борьбу с врагом.

Инициатором ударных фронтовых частей, как официально одобренных и организованных воинских единиц, стал главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. А. А. Брусилов, поддержанный в своем начинании такими деятелями как подполк. В. К. Манакин и кап. М. А. Муравьев. Поддерживал Брусилова и Комитет Юго-Западного фронта.

"При многих полках, пишет ген. Деникин, организовались свои ударные команды, роты, батальоны. Туда уходили все, в ком сохранилась еще совесть, или те, кому просто опостылела безрадост-

* Здесь и ниже: все даты по старому стилю.

ная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь. Я видел много раз ударников и всегда — сосредоточенными, угрюмыми. В полках к ним относились сдержанно и даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийственный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражьих пуль и зачастую ... злых насмешек своих "товарищей", потерявших и стыд, и совесть. Потом их стали посылать бессменно изо дня в день и на разведку, и в охранение, и на усмирения — за весь полк, так как все остальные вышли из повиновения". (Деникин, Очерки..., т. 1, вып. 2, с. 138)

Ударные батальоны были успешно использованы командованием для усмирения нескольких крупных военных мятежей: например, на Румынском фронте, они обезвредили бунтующие войска 163-й пехотной дивизии, создавшие, под руководством прапорщика Филиппова, независимую "социалистическую республику" со столицей в г. Кагуле. На Юго-Западном фронте они разгромили мятеж VII Сибирского корпуса.

Получив некоторое развитие, ударное движение все же сильно тормозилось рядом неблагоприятных обстоятельств. При условиях углубляющейся разрухи на фронте становилось почти невозможно в законном порядке обеспечить новосозданному "батальону смерти" материальную часть. Приходилось прибегать к мерам, граничащим с партизанщиной. К тому же выделение из армии самых здоровых ее элементов и сосредотачивание их в особые, отгородившиеся от прочих части, само по себе ускоряло процессы общего развала.

Официальные документы позволяют оценить распространение ударных частей в армии. В приложении к приказу Верховного главнокомандующего

№ 634 от 15 июня 1917 (ниже: док. № 7), перечислены "части смерти" объявившие о себе к этому числу. Среди них 4 корпуса целиком (2 гвардейских и 2 кавалерийских), 5 дивизий, 32 полка, артиллерийские бригады и дивизиона (артиллерийских частей — большинство), 53 батальона, батареи, роты, эскадрона и один военный корабль (крейсер "Адмирал Макаров"). По данным приказа № 759 от 5 августа 1917 количество корпусов и дивизий, ставших "ударными", не изменилось, но полков, артиллерийских бригад и дивизионов стало уже 73, батальонов, батарей, рот, эскадронов и пр. — 168, а к крейсеру "Адмирал Макаров" присоединилась канонерская лодка "Храбрый". Хотя рост количества ударных частей продолжался и позже, они до захвата власти большевиками так и не составили значительного процента многомиллионной российской армии.

Наиболее известной и долговечной ударной частью оказался Корниловский ударный полк, после Октябрьского переворота перешедший в белый стан, в котором он провоевал всю гражданскую войну, вплоть до эвакуации из Крыма в ноябре 1920 (летом 1919 года полк развернулся в дивизию).

В мае 1917 года ген. Л. Г. Корнилов был назначен командующим 8-й армии на Юго-Западном фронте. Он вполне сочувственно отнесся к мысли помощника старшего адъютанта Разведывательного отделения штаба 8-й армии капитана ген. штаба М. О. Неженцева о создании ударного отряда, который при ожидающемся наступлении мог бы показать пример армии и увлечь ее за собой. Приказом от 19 мая 1917 по 8-й армии ген. Корнилов разрешил формирование "1-го Ударного отряда при 8-й армии". Кап. Неженцев смог вызвать с фронта шесть опытных офицеров добровольцев,

но основной офицерский костяк отряда составили только что окончившие обучение прапорщики. Первой была сформирована пулеметная команда и когда она обросла полновесными ротами, ген. Корнилов согласился дать отряду свое шефство. К середине июня формирование было закончено: отряд состоял из двух батальонов по тысяче штыков в каждом, трех пулеметных команд (600 человек), команды пеших разведчиков (сформированной из пленных добровольцев — чехов) и сотни донских казаков для конных разведок.

Боевое крещение Корниловский ударный отряд получил 25 июня у деревни Павелече, во время наступления 8-й армии. В бою отряд показал себя превосходно и взял у неприятеля много трофеев. Его стали посылать на особо угрожаемые участки фронта. Но началось отступление русских частей, быстро перешедшее в паническое бегство. Общая обстановка повлияла и на отряд: одна из его рот отказалась выступить в поддержку 47-й дивизии, главным образом по причине того, что корниловцам, как уже бывало, вероятно пришлось бы не только выручать русские части, но и крутыми мерами заставлять их возвращаться в бой.

22 июля Корниловский отряд стал на отдых в г. Проскурове и приступил к развертыванию в полк. К этому времени он усилился двумя более мелкими частями: Пермским батальоном чести пор. Канышевского и Легионом смерти пор. Кондратьева. Назначенный Верховным главнокомандующим 19 июля, ген. Корнилов подписал 11 августа приказ о переформировании отряда в четырехбатальонный полк (см. ниже док. № 9). Таким образом родился последний полк Российской армии и первый — армии Добровольческой.

За несколько дней до отрешения Временным пра-

вительством ген. Корнилова, предпринявшего попытку военной силой водворить в России сильную власть, Корниловский полк получил приказание спешно переброситься на Северный фронт. По пути его эшелоны прибыли в Могилев, где находилась Ставка, и 25 августа ген. Корнилов провел смотр полку. На другой день разразился конфликт между генералом и правительством и полк вынужденно остался в Могилеве. Но при Ставке тогда находился будущий президент Чехословацкой республики Томаш Масарик, занятый формированием Гуситского корпуса, который должен был состоять из пленных чехов и словаков. Благодаря его посредничеству опальный полк, приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 10 сентября 1917, был переименован в 1-й Российский ударный полк и прикомандирован к 1-й Чехословацкой стрелковой дивизии, находящейся на Юго-Западном фронте. Приказом от 30 сентября, он был переименован в Славянский ударный полк, с сохранением всех своих отличий и эмблем, включая надпись "Корниловцы"...

ГЛАВНЫЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

А. А. Б р у с и л о в — Мои воспоминания. Москва, 1963.

Н. Н. Г о л о в и н — Военные усилия России в Мировой войне. Т. 2. Париж, 1939.

Н. Н. Г о л о в и н — Российская контр-революция в 1917—1918 гг. Часть 1: Зарождение контр-революции и первая ее вспышка. Рига, 1937.

А. И. Д е н и к и н — Очерки Русской Смуты. Том 1: Крушение власти и армии (Февраль-Сентябрь 1917). Париж, 1922.

Материалы для истории Корниловского ударного полка. Составитель: М. Н. Левитов. Париж, 1974.

Ниже приведенные документы №№ 1 и 2 публикуются по изданию: Разложение армии в 1917 году. Подг. к печати Н. Е. Какуриным. Москва-Ленинград, 1925. Они обозначены под №№ 45 и 52.

Документы №№ 3—9, хранящиеся в Центральном Государственном военно-историческом Архиве в Москве, (поскольку нам известно) публикуются впервые.

№ 1

Телеграмма ген. Деникина¹ военному министру
и его помощнику.

Секретно, срочно.

Военмин² в бытность Каменце изъявил согласно генералу Брусилову³ принять меры формирования на юзфронте ударных баталионов из охотников ее. Главковерх просит сделать распоряжение о допущении делегации Черноморского флота во главе с юнкером Баткиным⁴ посетить все запасные полки петроградского гарнизона и ближайших окрестностей, а затем московского гарнизона и после горячего призыва вызвать желающих поступить в эти баталионы⁵. Охотники должны быть выделены по возможности скорее, сведены в баталионы и отправлены в распоряжение генерала Брусилова эшелонами в возможно скором времени. Делегация отправляется 18 или 19 мая в Петроград. Желательно приступить к действию до возвращения военмина, ибо каждый день дорог.

Деникин.

18/V 1917 г., № 3743.

№ 2

Телеграмма начальнику штаба Ю.—З. фронта.
Копия наштаверху.

Оперативная. Комкор 2 гвардейского донес, что на призыв верховного главнокомандующего по созданию ударных частей положен добрый почин; вчера 3 гвардейский

стрелковый полк дал комкор слово, что он с гордостью оденет красно-черный шеврон⁶. Комкор сам считает счастьем одеть такой шеврон, когда все части славного 2-го гвардейского корпуса пойдут на призыв своего верховного вождя, в чем комкор глубоко уверен.

Федотов.

28/V 1917 г., № 7649, г. Кременец.

№ 3

Приказ Верховного Главнокомандующего

27 июня 1917 года.

№ 5 4 7

Ввиду недоразумений, возникающих на почве смешения ударных частей (рот и батальонов смерти), формируемых в действующих войсковых частях и революционных батальонов, формируемых из волонтеров тыла и тоже иногда именуемых батальонами смерти, приказываю принять к руководству следующее:

1) Ударные части (роты и батальоны смерти) первой категории формируются в пехотных и конных полках из охотников данного полка и являются неотъемлемой частью этого полка.

В пехотном полку формируется от одной ударной роты до батальона, за исключением случаев, если весь полк изъявит желание быть ударной частью.

Ударные части остаются в составе своих полков, имея задачей служить примером доблестного исполнения своего долга для остальной части полка и идти на штурм в голове своего полка.

В особых случаях боевой обстановки ударные роты могут временно сводиться в особые батальоны при своих дивизиях, причем от каждого полка может быть назначено не больше одной роты.

Люди этих рот по-прежнему остаются в составе своих полков.

Снабжение ударных рот всем необходимым имуществом, производится за счет и из средств данного полка и без особых отпусков от казны.

В случаях расформирования по какому-либо поводу ударных рот люди их возвращаются обязательно в те же роты полка, из которых они были выделены.

Отличительной формой для личного состава частей смерти устанавливается КРАСНО—ЧЕРНЫЙ шеврон на правом рукаве и, вместо существующей кокарды на фуражке, АДАМОВА ГОЛОВА со скрещенными костями⁷.

В тех случаях когда весь полк записывается в "полк смерти" — все части полка нашивают шеврон и надевают вновь установленный знак на фуражке.

2) Революционные же батальоны формируются согласно моего приказа от 13 июня 1917 г. за № 439⁸ из волонтеров, юнкеров, солдат запасных полков и прочих тыловых частей Центра России и фронтов и формирование этих частей отнюдь нельзя смешивать с ударными частями, формируемыми в составе частей действующей армии.

Подписал:

Генерал от кавалерии
Брусилов.

№ 4

Приказ Верховного Главнокомандующего

8 июля 1917 года.

№ 5 7 8.

В изменение приказа Верховного Главнокомандующего сего года № 547⁹, в части касающейся формы одежды, установленной для личного состава частей смерти (ударным частям, формируемым в действующей армии), присвоить таковым форму согласно прилагаемому чертежу¹⁰, на все время войны:

1) Вместо ранее установленной на фуражке адамовой головы со скрещенными костями, — адамову голову увенчанную лавровым венком, со скрещенными мечами.

2) На правом рукаве красно-черный шеврон, нашиваемый углом книзу вершиной у сгиба локтя.

Форма одежды революционных батальонов, формируемых из волонтеров тыла и также именуемых батальонами смерти, остается указанная в приказе Верховного Главнокомандующего от 13 мая сего года за № 439 (§ 8)¹¹, т. е.

”обмундирование общеармейское, с черным трафаретом на погонах защитного цвета, в виде черепа и двух скрещенных костей”.

Подписал:

Генерал от кавалерии
Брусилов.

№ 5

**Приказ
Верховного Главнокомандующего
12 июля 1917 года.**

№ 6 1 1

При образованиях в войсковых соединениях ”частей смерти” приказываю руководствоваться следующим:

1. Если в ”части смерти” записалось одно или несколько целых административных подразделений какого-либо войскового соединения (например: пятая рота № — полка, третий и четвертый эскадроны № — гусарского полка, вторая батарея № — артиллерийской бригады.), то формировать вместо них новые подразделения не следует.

Записавшиеся части, получив название ”ЧАСТЕЙ СМЕРТИ” сохраняют за собой также и основное свое наименование. Все чины этих частей удовлетворяются всеми видами довольствия, полагавшиеся /так!/ им и ранее по штатам, за исключением тех случаев, когда записываются в число ”частей смерти” целые батальоны, командиры коих удовлетворяются, как командиры ”ударных революционных батальонов” (приказ № 439)¹².

2. Если в данном войсковом соединении (полку, артиллерийской бригаде...) не нашлось ни одной, более мелкой, входящей в ее состав единицы (подразделения), пожелавший целиком записаться в ”ЧАСТИ СМЕРТИ”, но имеются отдельные люди в разных подразделениях (ротах, эскадронах, батареях...), то из этих людей формируется соответственное количество (смотря по числу записавшихся людей) новых подразделений, причем:

а) в пехоте все чины вновь сформированных батальонов или рот, являющихся уже сверхштатными, удовлетворяются всеми видами денежного довольствия применительно к

"временному штату ударного революционного батальона из волонтеров тыла", объявленному в приказе моем от 13 июня 1917 г. №—439.

б) в коннице и артиллерии новых (сверхштатных) подразделений (эскадронов, батарей) не формируется, а все чины, записавшиеся в "части смерти" переводятся в то из подразделений данной части, в котором окажется большинство желающих, с заменю их непожелавшими примкнуть к своим героям-сотоварищам.

3. Для присвоения войсковой единице (или ее подразделению) названия "части смерти" необходимо, чтобы все части выразили на то свое желание, а не только один комитет ее.

Подписал:

Генерал от Кавалерии
Брусилов

№ 6

Приказ
Верховного Главнокомандующего
15 июля 1917 года.

№ 6 3 4

Меньше месяца тому назад — 18 июня — по почину славной 7-ой КОННО—Артиллерийской батареи, Исполнительное бюро по организации Всероссийского Военного Съезда и Союза, с моего утверждения, обратилось к войскам с призывом записываться в "Части Смерти". Моими приказами №№ 547 и 578¹³ выяснено назначение этих частей и установлены внешние знаки их отличия.

Оъявляя при сем список доблестных могучих частей славной революционной Русской армии, записавшихся в "Части Смерти", своими резолюциями постановивших принять на себя ответственный, тяжкий, но почетный долг умереть за родину, не зная сомнений и колебаний в борьбе с жестоким врагом, — присваиваю им название "Частей Смерти" и, как Верховный Главнокомандующий, в их лице вижу и приветствую героизм всего народа Свободной России.

Низко Вам кланяюсь богатыри Свободной России.

Стойте твердо на страже права, правды, свободы и чести Великой России. Не знайте сомнений! Помните — с Вами помыслом своим и работой весь народ, вся страна.

Славные имена Ваши история занесет на свои скрижали и, вечным светом осеянные, они с благоговением будут вспоминаться Вашими далекими потомками.

Слава же Вам, героям родные.

Подписал:

Генерал от Кавалерии
Брусилов.

№ 7

Секретно
к приказу № 634

СПИСОК № 1

войсковых соединений и отдельных частей,
коим присвоено наименование "ЧАСТЕЙ СМЕРТИ"

А. КОРПУСА.

2-й Гвардейский	
Гвардейский Кавалерийский	со всеми входя-
6-й Кавалерийский	щими в них
7-й Кавалерийский	частями

Б. ДИВИЗИИ.

4-я Пехотная	
35-я "	со всеми входя-
155-я "	щими в них
6-я Сибирская стрелковая	частями
7-я Кавалерийская	

В. ПОЛКИ, АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ БРИГАДЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ ДИВИЗИОНЫ.

71-й пехотный	Белевский полк
200-й "	Кроншлотский полк
222-й пехотный	Краснинский полк
279-й "	Лохвицкий полк

15-й Особый пехотный полк
 21-й Сибирский стрелковый полк
 23-й " " полк
 3-й Чешский Яна Жижки стрелковый полк
 15-й Гусарский Украинский полк
 16-й " Иркутский полк
 17-й Пограничный Томашевский конный полк
 3-й Кавказский Пограничный конный полк
 5-я Артиллерийская бригада
 18-я " бригада
 25-я " бригада
 111-я " бригада
 4-я Стрелковая Артиллерийская бригада
 1-я Туркестанская Стрелковая Артиллерийская бригада
 5-й Сибирский Стрелковый Артиллерийский дивизион
 5-й Легкий Мортирный Артиллерийский дивизион
 6-й " " " дивизион
 20-й Мортирный Артиллерийский дивизион
 6-й Сибирский Мортирный Артиллерийский дивизион
 2-й " тяжелый " дивизион
 3-й " " " дивизион
 138-й Отдельный Артиллерийский дивизион
 1-й " полевой тяжелый Артиллерийский
 дивизион " лит. М".
 9-й Броневой Автомобильный дивизион
 10-й " " дивизион
 12-й " " дивизион
 1-й Конно-Горный Артиллерийский дивизион
 10-й Сибирский Горный Артиллерийский дивизион

Г. БАТАЛЬОНЫ, БАТАРЕИ, РОТЫ, ЭСКАДРОНЫ, ОТРЯДЫ И КОМАНДЫ.

Штурмовой батальон 28 пехотной дивизии
 Штурмовая рота 21 пехотного Муромского полка
 1-я, 4-я и 11-я роты 97 пехотного Лифляндского полка
 Штурмовая рота 274 пехотного Изюмского полка
 Пулеметная команда " " полка
 Штурмовая рота 276 пехотного Купянского полка
 2-я, 3-я, 4-я, 9-я, 10-я, 11-я роты 100 пехотного
 Островского полка

1-я и 2-я Пулеметные команды	100 пехотного			
	Островского полка			
Саперная команда	100 пехотного	"		полка
3-й эскадрон	3 Прибалтийского			полка
4-й эскадрон	11 уланского			Чугуевского полка
Отряд Особого назначения	1-й Кавалерийской			дивизии
Отряд	"	"	15-й	" дивизии
6-я батарея	6-й Артиллерийской			бригады
4-я и 6-я батареи	16-й Артиллерийской			бригады
1-я батарея	17-й Артиллерийской			бригады
1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 6-я, 7-я батареи	31 Артиллерийской			бригады
1-я батарея	110 Артиллерийской			бригады
5-я	"	112	"	"
6-я	"	2	Сибирской Стрелковой	Артиллерийской
				бригады
6-я	"	4	"	"
1-я	"	1	Кавказской Гренадерской	Артиллерийской
				бригады
1-я	"	137	Отдельного Легкого	Артиллерийской
				бригады
1-я	"	185	"	Артиллерийского дивизиона
2-я и 3-я батареи	5 Отдельного Тяжелого			Артиллерийского
				дивизиона
1-я батарея	2 Отд. полев. тяжелого			Артиллерийского
				дивизиона батарей "Б"
1-я батарея	2 Мортирного			Артиллерийского
				дивизиона
1-я	"	26	"	"
3-я	"	43	"	"
1-я	"	18	Отдельного Тяжелого	Артиллерий-
				го дивизиона
8-я	Отдельная тяжелая батарея			лит. "Г".
2-я	"			бронированная батарея для стрельбы по
				воздушному флоту
8-я	"			автомобильная " "
7-я	Конно-Артиллерийская			батарея
16-я	"			"
23-я	"			"
2-й	Кавказский			Авиационный отряд
5-й	Армейский			Воздухоплавательный отряд

Д. ФЛОТ.

Крейсер "Адмирал Макаров"

Подписал: Дежурный Генерал
при Верховном Главнокомандующем,
Генерал-Майор *Кортации*

Скрепил: Штаб-офицер для делопроизводства
и поручений,
Генерального Штаба,
подполковник *Грейм*

№ 8

Утверждаю

Верховный Главнокомандующий

*Генерал от Инфантерии КОРНИЛОВ*¹⁴.

31.07.1917 г.

Пр о е к т

ОПИСАНИЕ ФОРМЫ КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА

Во изменении формы пехотных полков

1. Форма Г. г. офицеров. Прибор белый.
 - а) фуражка с белым кантом, вместо кокарды — череп.
 - б) Зимняя черная фуражка с белым кантом, околыш верхняя половина черная, нижняя — красная.
 - в) Каска — вместо орла — череп.
 - г) Китель с белым кантом.
 - д) Брюки с белым кантом.
 - е) Погоны с серебряным галуном, черной выпушкой и черно-красным просветом: на погоне буква "К" и череп с костями по цвету прибора.
(См. рис. 1)
 - ж) Офицерские петлицы — верхняя половина черная, нижняя красная. Петлицы с белым кантом.
2. Форма солдат.
 - а) Фуражка защитного цвета, вместо кокарды — череп.
 - б) Каска.

в) Погоны из двух половин — верхняя черная с черепом, нижняя красная с буквой "К".

(См. рис. 2)

г) Петлицы на шинелях по образцу офицерскому. Эмблема КОРНИЛОВЦЕВ. (См. рис. 3)

Эмблема носится на левом рукаве, на два пальца ниже погона.

Командир Корниловского
ударного полка

капитан *Неженцев* 15

Полковой адъютант

поручик *кн. Ухтомский* 16

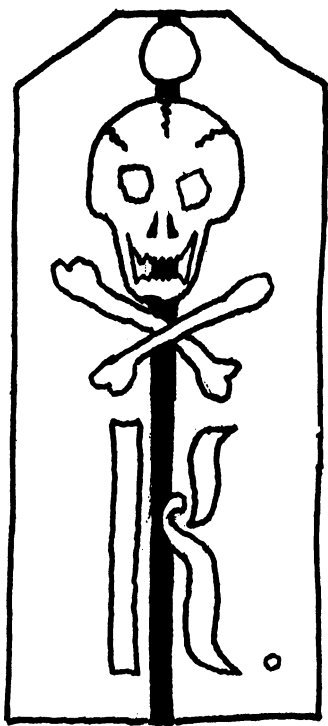

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3.

**Приказ
Верховного Главнокомандующего
11 августа 1917 г.**

№ 7 9 6

Корниловский ударный отряд считаю переформированным в четырехбатальонный полк с 1 августа с. г. Впредь до выработки особого штата, содержать Корниловский ударный полк по временному штату, объявленному в приказе Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего 1916 года № 716 с последовавшими изменениями и дополнениями, а также следующими изменениями:

- I. а) учебную команду;
 б) команду конных разведчиков;

И с к л ю ч и т ь

 в) команду траншейных орудий.

II. а) Вместо пулеметной команды содержать пулеметную роту из 4-х—8-ми пулеметных команд; должность командира пулеметной роты в отношении прав и довольствий (всех видов), приравнять к должности командира строевой роты;

 б) вместо команды конных разведчиков при полку содержать отдельную сотню из добровольцев казаков 38 Донского Казачьего полка, по штату № 9, Донской Казачьей Отдельной сотни, книги III Свода Штатов Военно-Сухопутного ведомства, издания 1910 года.

III. В штат штаба добавить:

 а) должность помощника начальника хозяйственной части, военного чиновника, присвоив ему права и все виды довольствия установленные для казначея полка.

§ 2

Распоряжением Штаба Главнокомандующего Армиями Юго-Западного фронта сформировать при 21 Запасной

бригаде запасной батальон 4-х ротного состава по штату, утвержденному 16 августа 1915 года.

§ 3

Корниловский ударный полк и запасной батальон его комплектовать исключительно из добровольцев тыла, запасных частей и частей, не входящих в состав корпусов — (последних, с согласия их начальников).

Вступивших в полк добровольцев тыла считать принятыми на действительную военную службу.

Подписал: Генерал от Инфантерии
Корнилов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ген. Антон Павлович Деникин (1872—1947), сын крепостного крестьянина дослужившегося до майорского чина, в Мировую войну командовал знаменитой "Железной" стрелковой дивизией, затем — 8-м корпусом. Временное правительство назначило его начальником штаба Верховного главнокомандующего. В мае 1917 он получил Западный фронт, а вскоре — Юго-Западный. За поддержку выступления ген. Корнилова Деникин был заключен вместе с ним в Быховскую тюрьму. После Октябрьского переворота он бежал на Дон, прошел 1-й Кубанский поход Добровольческой армии и возглавил ее в апреле 1918, после смерти Корнилова. В 1920 году Деникин передал командование Вооруженными силами Юга России ген. Врангелю. В эмиграции он написал ценные воспоминания.

2. 2 мая 1917 А. Ф. Керенский сменил А. И. Гучкова на должности военного министра.

3. Ген. Алексей Алексеевич Брусилов (1853—1926) с начала Первой мировой войны командовал VIII армией, с марта 1916 — Юго-Западным фронтом, где был совершен, в мае-июне 1916, известный "Луцкий прорыв" фронта неприятеля. Сумевший снискать популярность у новых правителей России, Брусилов был назначен Верховным Главнокомандующим 22 мая 1917, но сменил ген. Корниловым после неудачи наступления на Юго-Западном фронте. В мае 1920 Брусилов вступил в Красную армию, опубликовав

воззвание к русским офицерам о поддержке советской власти.

4. В первом издании Большой Советской Энциклопедии (Т. 5, Москва, 1930, столб. 63) о Баткине указано следующее: "Б а т к и н Федор, "матрос" с.-р., в дни Февральской революции поступил добровольцем в Черноморский флот. Был избран в комитет Черноморского флота. "Матрос" Баткин деятельно агитировал за наступление на фронте, пользовался покровительством Керенского и находился на службе у ставки, выполняя ее агитационные задания. В январе 1918 Баткин был агитатором в добровольческой армии ген. Корнилова, стремившегося в подражание большевиков создать свой "политический отдел". Позже Баткин исчез с политической арены".

5. Здесь имеются в виду "революционные батальоны из волонтеров тыла".

6. См. док. № 3.

7. По церковному преданию череп Адама — прародителя рода человеческого за свои согрешения изгнанного из рая — был захоронен на Голгофской горе, у подножья Креста Господня. Кровь из ран Спасителя омыла землю, в которой он покоился — ознаменовав таким образом спасение человечества (и самого Адама) от смерти, вошедшей в мир из-за его греха. Поэтому "Адамова голова" не только символ смерти, но и утверждение надежды воскресения.

8. См. док. № 8 в нашем очерке в "Гранях" № 144.

9. См. док. № 3.

10. Этот чертеж в настоящем издании опускается.

11. См. док. № 9 в нашем очерке в "Гранях" № 144.

12. См. док. № 8 с нашим очерке в "Гранях" № 144.

13. См. док. №№ 3 и 4.

14. Ген. Лавр Георгиевич Корнилов (1870—1918), сын отставного хорунжего Сибирского казачьего войска, прославился как командир исключительной храбрости, командуя 48 дивизией в Мировой войне. В апреле 1915, тяжело раненный, он был взят в плен. В 1916 году — бежал из плена. После Февральской революции Корнилов был назначен командующим войсками Петроградского военного округа, затем командовал 8-й армией, Юго-Западным фронтом. 19 июля 1917 Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим, 27 августа — уволен и затем заключен в Быховскую тюрьму. Пробравшись на Дон, Корнилов воз-

главил Добровольческую армию и был убит 31 марта в бою под Екатеринодаром.

15. Капитан Ген. Штаба Митрофан Осипович Неженцев, создав Корниловский ударный полк, командовал им (в чине полковника) во время 1-го Кубанского похода Добровольческой армии. Он был убит в бою под Екатеринодаром 30 марта 1918.

16. Поручик князь Николай Павлович Ухтомский был адъютантом полка и во время 1-го Кубанского похода. В эмиграции он постригся в монахи и был одно время настоятелем храма-памятника на Шипке, на горе Святого Николая в Болгарии.

О РОМАНЕ "ВСЕ ВПЕРЕДИ"

Расширение границ гласности уже принесло читателям целый ряд произведений, преодолевающих прежние табу. Однако большая часть таких литературных публикаций лишь констатирует катастрофическое положение в стране. Размышления о путях выхода из тупика весьма редки, и не все произведения, затрагивающие эту тему, оказываются удачными. Это и понятно: ограничиться критикой существующего всегда легче, чем предложить решение для будущего. Особенно в художественной прозе. Но поскольку оно по-прежнему может себе позволить в таких размышлениях большую глубину проникновения, чем публицистика, и берет на себя эту функцию, то и в рецензии можно уделить основное внимание именно этой проблематике (тем более, если художественные достоинства произведения — как, например, того, о котором пойдет речь ниже — не особенно впечатляют).

О более удачных публикациях такого рода (проза Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Чингиза Айтматова) мы уже писали. Сейчас попробуем поговорить о романе, который большинством критиков и в СССР, и в зарубежье признан менее удачным, но автор которого обладает в наших глазах столь же высоким авторитетом, как и выше-названные. Это роман Василия Белова "Все впереди".

Сюжет романа — история развала (в 1974—1984 гг.) вполне благополучной советской семьи, которая оказывается не способной сопротивляться каким-то разрушительным силам, пропитавшим общество. Как отравленные грунтовые воды, поднимаются они по всем росткам и капиллярам жизни, используя даже хорошие человеческие свойства как каналы для своего разрушительного продвижения.

Василий Б е л о в. "Все впереди". Роман. — Москва: "Наш современник" №№ 7 и 8, 1986 г.

Так, один из героев романа, нарколог Иванов, мучаясь вопросом, допустила ли жена его друга супружескую неверность, вмешивается в чужую личную жизнь и наносит этим лишь вред. Его порядочность становится катализатором развала семьи Медведевых, а его морализаторство граничит со слюнтяйством и фарисейством; словно чем-то ослепленный, он не способен оценить конечные результаты своих благих побуждений.

Центральный женский образ, красивая и женственная Люба Медведева, не задумывается, как мотылек, о смысле и цели жизни, с наслаждением пьет ее соки с растворенным в них злом; оно почти по-библейски входит через нее в быт ее первой семьи — и разрушает ее не столько фактом измены (который в романе не доказан), сколько ее возможностью.

Ее второй муж, воспитанный, умный и прагматичный Миша Бриш, к злу нечувствителен, оно для него — нормальная среда обитания; он приспособлен к жизни в отравленном мире, как приспособляются к этому живучие организмы, способные к мутации.

И даже наиболее мужественный главный герой романа Медведев, кандидат технических наук, прошедший через семейную трагедию, через лагерь (получил шесть лет за гибель, в результате неосторожности, своего подчиненного Грузя) и открывающий после этого для себя христианское, умиротворенное видение мира, — даже он, способный на сопротивление злу, не ставит перед собой вопроса, почему нужно бороться с ним. Не свойство ли это нашего мира лежать во зле, и не погибнет ли он в близящемся апокалипсисе?

Почти все герои романа описаны как растерянные, иногда чересчур категоричные, порою даже неприятные в своих поступках люди — поэтому роман и неудачен, считает критик Ольга Кучкина в "Правде" (2. 11. 1986). Однако такая беспомощность в общем-то хороших людей перед натиском зла в окружающем мире — тема, достойная серьезной литературы. Не всем же заниматься поисками пресловутого "положительного героя". Писатель вправе избрать совершенно "беспросветный" метод изображения зла и воздействовать на читателя не навязыванием правильного нравственного идеала, а от обратного, предоставив читателю самому делать выводы и открывать этот идеал.

Но в романе Белова эти выводы у ж е содержатся в

высказываниях главных героев. Конечно, слова героев не следует прямо отождествлять с мнением автора. Однако, поскольку эти выводы повторяются в романе неоднократно и, помимо них, нет никаких других — приходится рассматривать их как отражение авторского мировоззрения. И в этом случае можно в чем-то согласиться с Ольгой Кучкиной, ибо писатель, кажется, проявил в своем произведении ту же растерянность перед силами зла в окружающей его реальной жизни, что и его герои в романе.

Это неудивительно, если вспомнить, сколько сил Белов отдал на борьбу против преступного поворота рек, на защиту русской деревни — а результатов к моменту написания романа было очень мало, да и сейчас тоже... Вот и получилось, что повышенная чуткость и ранимость писателя нарушила его внутреннее равновесие. И что, интуитивно обладая глубоким нравственным фундаментом, Белов, как нам кажется, не смог проявить эту глубину в оценках различных проявлений зла в описываемой городской жизни. Не смог мудро отделить, скажем, известное общечеловеческое зло в проблемах секса и пола, которому герои в романе уделяют излишне пристальное внимание и оно порою затмевает для них все остальное, — от зла более мощного, прорвавшегося наружу лишь в тоталитарной системе и искалечившего жизнь всего народа.

Такие, совершенно разного рода явления, как технический прогресс (неизбежное развитие цивилизации), массовая культура Запада (неизбежное в условиях демократии рыночное опошление искусства, однако при наличии и настоящего) и вырождение русского народа от пьянства, аборт, развала семейных устоев (неизбежное следствие коммунистической диктатуры) — поданы в романе как равноценные симптомы одной болезни, которой писатель никак не может поставить точный диагноз. В этом же ряду у Белова стоят и популярные ныне в городской среде увлечения восточной мистикой, сексология, западная мода, диссиденты, гипнотизеры и многие другие подобные, совершенно разного уровня, примеры.

Все это можно было бы рассматривать как верное изображение того, чем в стране заполняется духовный вакуум, возникший из неверия в официальные догмы и из недопущения властью иных положительных идеалов. Однако автор романа не только дает нам эту реалистическую картину духовного и информационного разброда, но и сам вписы-

вается в нее, заставляя своих героев вполне серьезно рассуждать, например, о том, что западные "голоса" твердят о свободе передвижения, поскольку трактористам и дояркам она не нужна, а вот об опасности алкоголизма специально молчат: " ... еще Кеннеди запрещал журналистам писать о нашем пьянстве. Зачем, дескать, мешать? Пусть пьют, скорей развалятся. Выродятся, не надо никакой водородной войны..." Критических замечаний к "голосам" можно предъявить много, но это последнее — безосновательно. Похоже, Василий Иванович не пользуется лучшей слышимостью в Вологде и Тимонихе для ознакомления с действительными недостатками западного радиовещания.

Одно из главнейших проявлений зла герой романа видит в урбанизации, отмечая, что "дефицит доброты" понижается "по мере удаления от больших человеческих скопищ". Может быть, в Америке это и так. Но у нас что-то не видно качественной разницы между Москвой и, скажем, ангарским поселком, в котором разыгрывается действие "Пожара" Распутина.

Советская столица "образцовый коммунистический город", предстает в романе как "метастазы каменных скопищ", "сгусток человеческой плоти, непрестанно поглощающий пищу" и отправляющий за стенами одинаковых блочно-бетонных домов свои прочие физиологические потребности. В сущности, протест Белова против т а к о г о города оправдан. Но сколько на планете городов иных — без коммунальных квартир и "лимитчиков", без миллионного "плюшевого десанта" из голодной провинции, осаждающего столичные магазины (что кое-кому из героев романа тоже не нравится) ... Сколько в мире городов, не пораженных архитектурной гигантоманией, с парковыми ландшафтами, с бережно сохраненным историческим обликом, непрерывными традициями, с особым стилем жизни и духом общности во взаимоотношениях между горожанами, городов со своей аурой.

Чтобы превратить в такой город Москву, недостаточно отстоять и восстановить те два процента оставшихся, по данным их защитников, исторических зданий. Они останутся красивыми обломками разрушенного прошлого в океане чужеродной жизни. Необходимо копнуть глубже: не сама ли материалистическая идеология с ее убогими представлениями о природе человека воплотилась в сегодняшней

Москве — машине для жилья и для управления "винтиками"?..

Героев Белова, в отличие от автора этих строк, не впечатляет и Париж. Что ж, это дело вкуса. Только вряд ли вкус следует возводить в ранг мировоззрения. И вряд ли мир станет интереснее, если в нем не будет больше Парижа, Петербурга и Венеции, а останутся одни деревни. Города незаменимы как хранилища национальных культурных ценностей и лаборатории по созданию новых, как мозговые центры общечеловеческой мысли, непрерывно развивающейся в этих точках пересечения разнообразнейших идей, открытий и воли. И это назначение города нужно защищать от вырождения, опошления, разрушения.

Или взять научно-технический прогресс, который, по мнению Медведева, агрессивен сам по себе. Действительно, технические достижения в руках несовершенного человека и особенно в несовершенном обществе часто оборачиваются во зло. Но борьба за здоровые устои общества вряд ли должна выливаться в принципиальную борьбу против развития науки и техники, которые сами по себе столь же нейтральны, как и данный нам от рождения инструмент — человеческая рука: она может чутко вести резец, создавая шедевр, а может сжиматься в примитивную колотушку зубодробительного кулака. Техника — лишь продолжение руки и ума человеческого, и пользование ими зависит от состояния человеческой души. И в деревне техника в руках человека может губить землю, а может создавать человеку более достойные условия жизни (что в нашей стране совсем не мешало бы...). Вряд ли повышение нравственности связано с отказом от техники. Но оно — предпосылка для владения ею.

Максималистское и "ретроградное" осуждение главным героем всех перемен в жизни вызвало довольно резкую критику. Однако эта проблема непроста. Подобные консервативные воззрения на смысл развития человеческой цивилизации имеют право на существование, ибо в их глубине есть мудрое зерно, корнящееся в библейском запрете на плоды от дерева познания. Но плоды уже съедены, грехопадение Адама совершено, и в изменившемся после этого мире этот запрет — лишь одна из антиномических координат в осознании драматичности человеческого бытия. О ней нельзя забывать. Но ориентироваться только на эту координату — утопия. Антиномию, видимо, можно преодолевать

не отсечением друг от друга ее противоположных полюсов, а облагорожением энергии, возникающей между ними.

Человека нельзя отучить от этой энергии, от жажды познания и творчества — это неотъемлемые свойства его личностной природы. Их лишь нужно соотносить с высшими духовными ценностями, направляющими знание не на разрушение, а на творческое преображение земли. В этом и с близкой Василию Белову религиозной точки зрения можно видеть одну из благородных земных задач человечества. Эту задачу "регуляции природы" считал основным и великим "общим делом" человечества Н. Ф. Федоров, рассматривая его как соучастие человека в Божием деле преображения мира. Такое отношение к миру вообще характерно для русской религиозной философии. Прочитаем как пример размышления прот. Сергия Булгакова о смысле хозяйственного развития:

Не является ли оно " ... лишь дальнейшим раскрытием греховности человека (как оно сразу же обозначилось уже в потомстве Каина, ибо каиниты являются, по книге Бытия (4, 17, 21, 22) зачинателями городской жизни и 'индустриализации')?.."

"Однако развитие хозяйственных форм представляет собой закономерный процесс..." Человек "должен этически самоопределяться в нем, но вместе с тем не властен его отменить. Таково отношение православия к индустриализму и урбанизации современной жизни, как и вообще промышленному капитализму. Если его нельзя отменить в хозяйственной неизбежности, то остается лишь его христиански осмыслить и облагородить, сделать его из организации эксплуатации поприщем общечеловеческого труда, вместо служения похоти и сребролюбию обратить к служению высшим целям человечества и христианской любви. Отсюда возникает новая, творческая задача для православия — проповедь социального христианства" (Прот. Сергей Булгаков. "Православие". ИМКА-Пресс, 1965).

Возможно, и Василий Белов хотел в своем романе подчеркнуть именно важность возвращения к тем утраченным ныне высшим идеалам и нравственным взаимоотношениям общности, которые наиболее заметны были в малых деревенских общинах, что и описано им в прекрасной книге "Лад". Но в романе "Все впереди" автор свое намерение плохо объяснил, поддался раздражению от непримиримой действительности, и получилось излишне прямоли-

нейное для художественного жанра отрицание научно-технического развития как такового.

Вообще, создается впечатление, что в данном романе писатель, находящийся в постоянном противоборстве с силами зла, еще не переработал свои эмоциональные ощущения зла в художественную форму, которая предполагает достижение цели не абстрактной критикой, а раскрытием самой природы зла. Противопоставлением злу иных, нравственных отношений людей к природе и между собой, описанием той красоты, которая спасет и уже спасает мир, — ведь именно в этом Белов не раз показал тонкое душевное чувство и большое мастерство.

Однако ощущение направления, откуда зло идет, у героев Белова правильное. С религиозной точки зрения нарколог Иванов ставит верный диагноз болезни, утверждая, что все зло в мире идет из одного источника — от дьявола " ... дьявол есть, это уж точно. Я ощущаю его везде и всегда... Существует могучая, целеустремленная злая и тайная сила". Она проявляется и в эпидемиях, и в войнах, и в пьянстве. И, — добавляет Медведев, — в общественных теориях, основанных на "искусственно созданных противопоставлениях" различных групп людей друг другу, "экономических, культурных, национальных"; в теориях, "искажающих принцип последовательности".

Об этом последнем проявлении зла в романе говорится вскользь, очень невнятно. Кто исказил и какую последовательность? Для чего? А ведь именно в этом прерывании исторической последовательности характерная особенность проявления сил зла в нашей стране. И еще: когда Медведев говорит, что "на Западе дьявол использует в своих целях деньги, у нас бюрократию", — тоже хочется уточнить: в демократических государствах основное зло происходит от злоупотребления граждан свободой, в тоталитарных — от ее недостатка. То есть при правильности общего диагноза практические методы лечения нужны разные.

Впрочем, недоговоренность в анализе сил зла, вероятно, имеет здесь и другую причину: для этой проблематики гласность образца 1986 года все еще слишком мелка. Может быть, отчасти поэтому предложенный в романе метод лечения болезни — отказ от технического прогресса и возвращение к старым нормам жизни — выглядит нежизненным. Но приходится полемизировать не с тем, что, возможно, думает автор, а с тем, что напечатано. Наше основное возра-

жение: развитие болезни нельзя обратить вспять. Болезнь страны можно только перерасти, двигаясь вперед, к еще неведомому новому состоянию, принимая во внимание опыт прошлого (свой и чужой).

В отличие от героев Василия Белова, это почувствовал герой романа Леонида Бородина "Расставание" ("Грани" №№ 131—132), Геннадий, для которого уход из реальной шершавой жизни в чудом сохранившийся оазис старого, нравственно не испорченного, быта оказался невозможен: это был бы уход в "чужую" жизнь, лишаящую смысла весь выстраданный им в той же московской жизни опыт. Это опыт не только утрат, но и приобретения мудрости в столь экстремальной конфронтации со злом, который должен же привести нас к чему-то новому. Не только же в наказание за грехи допущена на наш народ напасть тоталитаризма, но и для уразумения чего-то важного, что иным путем — как это видно по благополучным странам — может быть, и невозможно уразуметь?

Название романа, *"Все впереди"*, можно воспринимать по-разному: и как предупреждающее о скольжении к апокалипсису, и как иронию над обещанным коммунистами "светлым будущим", ради которого "мы ежеминутно отрекались от своего настоящего, то есть от самих себя", — эти строки содержатся в письме погибшего Грузия младшему брату. — Такое представление о смысле жизни "копило в себе угрозу ошибок и заблуждений. Мы не заметили этих угроз... Конечно, тут легко впасть в другую крайность, решив, что впереди у нас ничего уже нет. Это было бы не меньшей ошибкой. ... все то, что осталось нам во времени, зависит теперь только от нас... Одна лишь ясность ума, наше мужество и жажда добра помогут нам выстоять среди лжи и страданий. Но прежде надо сбросить с глаз пелену иллюзий... Опасность идеализации прошлого тоже есть, но она несоизмерима с идеализацией будущего".

Если в этих словах Грузия тоже отражено кредо самого Василия Белова, то в таком варианте с ним можно согласиться. И в связи с этим хочется сказать еще несколько слов о различных пониманиях будущего.

Коммунистическая вера в прогресс, ведущий к "светлому будущему", действительно, не оправдана ни с научной, ни с моральной точки зрения. Обогащая будущее и оправдывая этим приносимые ему жертвы в настоящем, коммунисты отрицают самостоятельную ценность всех пред-

шествующих поколений. Именно поэтому они всегда могут только обещать "рай на земле" в будущем и воспроизводить постоянные лишения и насилие в настоящем.

В христианском же понимании истории грядущие поколения не стоят выше или ближе к Царствию Божию, которое находится за пределами истории и наших понятий о времени. Это Царство добра коренится в том добре, которое мы совершаем ежедневно. При этом будущее не отрицает настоящего и прошлого, а соединяется с ним. У каждого поколения свой, вневременной выход к Царствию Божию, свое отношение к Богу. В этом Божья справедливость по отношению ко всем. Развитие истории понимается как все большее раскрытие внутренних начал бытия, как созревание всех заложенных в нем противоречий, основное из которых — противоречие между добром и злом в самом человеке. Эта борьба между добром и злом — основное содержание человеческой жизни и истории. Достижения всех поколений в этой борьбе — равноценны. Разве что у более поздних может быть достигнуто более обостренное осознание происходящей борьбы и своей ответственности за место в ней. Об этом роман "Все впереди" тоже заставляет задуматься.

В заключение выразим надежду, что Василий Белов не обидится за высказанные критические замечания. При всех кажущихся нам недостатках роман привлек внимание читателей и критиков к проблеме — что же впереди у нашего общества? — и это нужно отнести к заслуге автора. Наступающие же времена таковы, что мы, из-за рубежа, уже не только можем позволить себе бóльшую откровенность в оценке творчества виднейших, глубоко ценимых нами писателей в стране, но и должны это делать. Иначе, думается, в обсуждении проблем нашего общества и нашей литературы какой-то точки зрения и координаты будет не хватать.

*

Основная полемика вокруг романа "Все впереди" разыгралась в советской прессе уже после написания этой рецензии. Василию Белову был предъявлен целый ряд взаимоисключающих обвинений и оценок, как, например: "получилось нечто человеконенавистническое. Это протест против женщины так таковой..."; "гражданственно-патриотиче-

ская устремленность..., каждая страница дает пищу для ищущего сердца и жаждущего ума"; Иванов и Бриш "одинаково неприятны как люди, распаляющие, разжигающие самого темного рода социальные инстинкты, отнюдь не укрепляющие узы дружбы народов"; это "роман об идеологической агрессии... против нашей страны и стран социализма..., развязанной наиболее реакционными силами международного империализма".

Как мы видим, гласность раскрепощает и мнения, и эмоции, что можно только приветствовать — за исключением проявлений излишней резкости и даже высокомерной издевки, которые, к сожалению, допущены даже в серьезных рецензиях и которых писатель не заслужил. Еще печальнее, что для некоторых критиков этот роман стал поводом для сведения счетов с противниками (таковы, например, темы масонства и антисемитизма). Спрашивается: при чем же здесь Василий Белов?

М. Назаров

КРУПНЫЙ ЖЕМЧУГ

Русский северный жемчуг мелок.

Но, может быть, терпеливым поиском, да тщательным отбором — можно набрать низку и смастерить ожерелье?

Именно таким ожерельем представляется увидевшая свет в Америке книга Аллы Кторовой, по замыслу автора — воскрешающая перед читателем историю старинного московского рода Чепурновых, а в действительности — переносящая нас в Россию и современную и дореволюционную, и прошлого, и позапрошлого веков. Вплоть до времен царя Михаила Федоровича, когда в Москве "польские и литовские люди... жгли и разорили без остатку пятнадцать дворов" ямщицкой слободки и у Неустройко Чепурнова "кобылку гнеду" со двора свели. После чего Неустройко "ближний извоз оставил и сошел в дальний, в ямщики. На снег, на дождь, на град... В ямщики пошел — против ветра".

Против всесметающего, заносящего человеческий след на земле пылью и снегом, против безжалостного ветра времени идет в своей книге и прапра...правнучка Неустройко Чепурнова — Виктория Кочурова, известная читателям на

родине и за границей как Алла Кторова, как автор удивительной повести "Лицо Жар-Птицы".

Ее новая книга* не менее примечательна. Семейные предания и смутные догадки автора, касающиеся времен и событий отдаленных, перемежаются, переплетаются в ней с событиями нашего времени, быт ямщиков, извозчицей Тележной улицы (которая потом стала Рогожской, а еще потом — Школьной) — с бытом коммунальной квартиры на Мясницкой, и от полных достоинства имен и лиц ямщицкого сословия кривая повествования выводит нас на простушку с жутким, как кличка людоеда, именем Совецка Власть. Это самые страшные страницы книги.

Но больше в ней веселых и славных историй. Время не только метит и губит, и хоронит, — оно и лечит, и не видны уже отсюда, из последней четверти двадцатого века, многие бывшие глубокие шрамы и царапины. Вот разве что отсохшая рука "дядюни" — Константина Чепурнова, запевалы и артиста-самородка, — не ранен он был на войне, а пропущен "сквозь строй" своих же товарищей-солдат. Разве что пожар 1886 года на Лыщиковой горе. Разве что большевистская "экспроприация", когда "первым пошел молодой человек Николай Петрович Чепурнов своего приемного отца грабить" ...

Что осталось в народной памяти от дикой в своем революционном фанатизме "Земли и Воли"? А — песня. Любимая песня прадеда Василия Яковлевича —

"Прогремела труба, повалила толпа":

Где ж преступник, а вот,
Он на плаху идет
Смелой поступью молодецкою, —

это террорист Валериан Осинский, один из основателей "Земли и Воли".

Как запомнились смертельно опасные для ямщика дальние тракты, по которым денно и ночью "шалил" разбойный люд?

"Хоть и страшно, а ничего, — много лет спустя вспоминает тот же Василий Яковлевич. — Бывало дело, идешь по тракту, а вокруг ночь... Зимой лошади по колено в снегу

* Алла Кторова. Мелкий жемчуг. Издательство "Козе-рог", США, 1987.

вязнут, гляди-поглядывай, как бы дорогу не потеряли, а то огоньки вдали засветятся — волки идут цепочкой. Как лошадь зверя почует, сразу остановится, захрапит, так стучи скорей кнутовищем в водопойное ведро, те наутек. А разбой на дорогах и ночной, и денной. Потом-то лучше стало, ф е л ь е г е р е й вооруженных на казенные обозы наши стали сажать, а в мою молодую пору вся оружия — топор. Летом под кафтаном, зимой под тулупом”.

А московские злодеи! Их тоже немало насмотрелись и прадед, и дед, Тимофей Васильевич: ”стоять за Сахалином (ночлежный дом на Хитровом рынке), да в темноту лютую, — что с бритвы мед лизать, того и гляди башку оторвут, рот наглухо заткнут”, — тем более если дознаются, что привез сюда Тимофей Васильевич сыщика, знаменитого в Москве конца прошлого века инспектора уголовной полиции Кошко...

Начиная с прапрадеда, Якова Евдокимовича Чепурнова, то есть с начала прошлого века, история рода, местами туманная, легендарная, изобилующая невосполнимыми уже пробелами, сменяется живой историей семьи.

Пятилетним мальчиком Яков пережил великий московский пожар двенадцатого года. После пожара его отец Евдоким с семьей осел ”на Тележной улице, за спокойной Яузой, за Лыщиковой горой, где с давних пор жили в Рогожской слободе ямщики и извозчики, где родились мои деды, отец и я”.

Об отце, Иване Тимофеевиче Кочурове, автор рассказывает скупое — может быть, еще не пришло время, может быть, о нем будет другая, отдельная книга. Но и из того, что рассказано здесь, видим, что был это человек незаурядный. Подробнее всего в ”Мелком жемчуге” — о его детстве:

”Мой отец пел мальчиком в Архиерейском хоре Чудова монастыря в Кремле”, — так начинает Алла Кторова. ”Сын, думала, помощником будет, — жаловалась Прасковья Ульяновна, его мать, — а он чуть вырос, как сам буквы все узнал, так к ним стал присаживаться, в училище первым учеником. Чуть глаза продерет, ни умывшись, ни одевшись, цоп за книгу — читать. Это с утра-то, лба не перекрестимши? От книжечки-то без порток нагуляешься, Ванечка, бывало, говорю я ему, а он смеется...”

В одиннадцатом году 17-летний Ванечка поместил уже свои стихи в журнале ”Образование”. Для Прасковьи Улья-

новны это было ударом — "она надеялась отдать отца в коммерческое училище и видеть его богатым извозопромышленником".

Ни дед, ни отец Ивана Тимофеевича Кочурова не были богаты, — но были уже людьми состоятельными, ничем не напоминая тех "ванек"-извозчиков — крестьян, что пришли с худыми клячами в город на заработки, что торговались с седоком "за сколько свезем?", "клянчили пятачок надбавить за езду с ветерком и спали, сгорбившись ватной спиной, с вожжами в руках, на пустынной, подернутой туманом московской улице".

Но выбиться в богачи им было не суждено. И потому, что "шальные они были, Чепурновы-то, иногда и страмцы, а на выгоду свою не смышленные, не расторопные" ("и прекрасно, — замечает по этому поводу Алла Кторова, — в слове 'расторопный' слышится мне что-то хвостоверткое, лакейское"). И потому еще, что одарены были не коммерческими, а совсем иными талантами. Пели так, что "вся Р о г о ж е с к а я сбегалась слушать", писали стихи, сами сочиняли песни. И, наконец, еще потому, что грянула всеевропейская война, а за нею — революция.

"Часто думаю, — пишет о своем отце Алла Кторова, — а интересно, как бы сложилась жизнь и судьба Ивана Чепурнова*, потомка российских ямщиков и сына московского извозчика, если бы не семнадцатый год? Наверное, служил бы он где-нибудь телеграфистом или счетоводом и пел в одном из Народных домов как любитель.

Но после революции отец стал учиться в ГИМНе, Государственном институте музыкальных наук, и уже приглашен был солистом в один из лучших оперных коллективов Москвы".

Однако на дворе был уже тридцатый год. По доносу ли, по каким-то другим причинам, — об этом в "Мелком жемчуге" ничего не сказано, да и не требовалось тогда никаких особых "причин", чтобы арестовать человека по политическому делу, — в дом явились гепеушники. "Артистом

* Отец автора, Иван Тимофеевич Чепурнов, взял себе фамилию своих дальних родственников и стал Кочуровым "во время гражданской войны, по причинам особым". В подробности биографии своего отца Алла Кторова, как уже сказано, не вдается.

оперного театра, — горько замечает Алла Кторова о своем отце, — он стал только через двенадцать лет, после Беломора”.

Да и то не в Москве, а в провинции.

* * *

В книге Е. П. Иванова ”Меткое московское слово”, хорошей и ценной книге, (которую ”Academia” собиралась издать еще в 1934 году, да не вышло, так что рукопись пролежала полвека, прежде чем увидеть свет), одна из глав посвящена быту и языку московских извозчиков. Но в конце ее — такое примечание: ”Записано в период 1906—1917 гг.”. Такое ограничение...

Алла Кторова берет если не шире, то намного глубже. Со страниц ее книги звучит речь не столько московских извозчиков, сколько их предков и предшественников — российских ямщиков. А ”ямщики — это аристократия русского крестьянства, — говорит автору уже в Америке знакомый — старый эмигрант. — Посудите сами — о ком больше всего в народных песнях поется? Об ямщиках. ’Однозвучно гремит колокольчик’, ’Вот мчится тройка удалая’, ’Когда я на почте служил ямщиком’ и так далее, не перечтешь”*. И не случайно ямщики были поголовно грамотными, и не случайно ”в русской армии самый большой процент георгиевских кавалеров падал на крестьян из ямщиков”.

Читаешь, и оживает перед тобой Россия, которой давно уже нет, — ее ямы, то есть постоянные дворы, кандалные этапы (”Владимирка-то прямо от Рогожской начиналась”), ее трактиры и ”полпивные”, ее цыгане, ”борольщики с медведем”, торговцы и книжники, и ночные сторожа с колотушкой, медный бунт и Ходынка, и первые гадкие шаги цивилизации — керосиновые фонари, калоши на малиновой подкладке, тотализатор, свинец наборных касс...

И новейшая российская история — от ”Мухтамалая клятого”, неизвестно откуда взявшегося инородца, тридцать лет несокрушимо просидевшего в Кремле, до Брони Осиповны, ”когда-то лихо скакавшей в коннице Буденного,

* От себя Алла Кторова добавляет свою любимую, малоизвестную песню ”Это было давно, я не помню когда, вез я девушку трактом почтовым...”

рубившейся с беляками, навскидку стрелявшей", — а в наши дни кротко доживающей свой век в многолюдной коммунальной квартире, где она успокаивает страсти, мирит и утешает жильцов в огромной даже не кухне, а "примусовой". Или до той же Совлашки — Советской Власти Мызгаревой, с которой судьба столкнула Аллу Кторову в студенческом общежитии. Совлашка приехала в Москву из Игарки, проведать сестру-студентку.

Сначала мы узнаем: зовут ее Саша. Не сразу признается она: из высланных они в Заполярье, из раскулаченных, — но громко об этом нельзя, только шепотом. "Тише, тише — умоляет Саша. — Магазин был в селе небольшой", — не у нее, конечно, — у отца.

Ничего, живут люди и в Игарке. "Кушать особенно нечего, но трески много. Да ничего. Мы привычные... Холодно у нас только, да это ладно, была бы одежда. Другое дело — скучно... Молодые люди кто в армии, кто в тюрьме. Безмужчинье. Скоро и вкуса на них не останется никакого".

Но не только это. Саша никогда не бывала в церкви, а оказавшись в Москве, нерешительно спрашивает, "пускают ли в церкву по пропускам или так".

Вот и жизнь ее в Игарке, "ничего жизнь", — вся как на ладони.

И уже при расставании, на вопрос, как ей писать туда, в Игарку, она признается:

" — Ой. Нет. Нет, Викочка, не Александра я и не Саша. Совлашей меня люди зовут, — она улыбнулась. — А полное мое имя — Советка Власть. Только уж тише, вы, Викочка, тише.

Уверена, что тридцать раз Создатель раскаялся, что пустил нас ползать по земному шару. Советка Власть. Так называл Сашин отец дочь, чтобы не притесняла его новая сила...

Советка Власть Мызгарева в шестнадцать лет хотела имя переменить и была в полном своем праве, но крепким, простым умом смекнула, да и учитель ссыльный посоветовал, а зачем? Для жизни пригодится. Нет для данной обстановки лучше имени".

А потом "для данной обстановки" сделала она и такой закономерный шаг: "прошлое свое отсекла навсегда, молодежь уверена, что отец ее красным партизаном был, с Колчаком дрался, а она никого и не разочаровывает".

Появились тогда, в тридцатые годы, и другие столь же удивительные имена, замечает Алла Кторова: Донег ("До-

лой неграмотность”), Ворбудрык (“Ворошилов-Буденный-Рыков”), — я бы еще добавил в этот перечень гнусное, но столь же достоверное имя Векапебеба, — однако “ни в одном собрании имен... вы не найдете женского прозвища Совецка Власть”.

А между тем в жизни это было.

Алла Кторова показывает нам — по рассказам родных — и как это начиналось, откуда пошло повальное оподление народа. Как могло случиться, например, что Николайка Чепурнов в годы разора и “экспроприаций” явился грабить собственного приемного отца? Вот вся его история:

“На бульваре” Маяковского — одна из моих любимых русских картин.

Вглядитесь в нее. Там, за сидящими на садовой скамейке парнем с гармошкой и его женой, виднеется двухэтажный дом на углу Костянского переулка и Сретенского бульвара. В этом желто-белой гаммы доме, тоже пережившем пожар двенадцатого года, жил Петр Михайлович Чепурнов, отец тети Вари, сын дядяши Михаила Яковлевича.

У этого Петра было пять сыновей, из них два Николая. Старшего называли Николаша, младшего — Николайка... Этот Николайка оказался единственным с. с.* среди мужчин папиной огромной извозчицей семьи. В четыре года он был иконофором у моего дедушки и бабушки на свадьбе, а потом рос у деда в детях и в крепких руках Тимофея Васильевича был пареньком хорошим. Одиннадцатилетним уже ездил за кучера (взрослый рядом), а в четырнадцать определился конюшенным мальчиком на бега и стал к девятнадцати годам неплохим жокеем. Рысак его, Кунктатор, хоть и шел спокойным махом, но часто первым приходил к призовому столбу.

И все было прилично, пока не:

— Спутала его игра. Тотализатор ожидал, — горько рассказывал дедушка. — На бегах народ сбродный, вот и снюхался с червонными валетами. Завертелся середь них, как вор на ярманке. Ладно б за червонцы, за рубли с жульем драться принимался. Да и сам сколько раз бит бывал...

А при экспроприации первым пошел молодой человек Николай Петрович Чепурнов своего приемного отца грабить.

— Что ты, что ты, Николайка, где же твоя совесть, — по-

* сукиным сыном

краснел дед, — делиться-то поровну надо. Да моего тут в пять раз больше, чем твоего, а ты себе берешь вдвое, чем мне оставляешь, — еле находя слова, затоптался на одном месте дедушка.

— Отдавай чего п р о с и м, а то вилами сбрушу! — ревел подлец племянник”.

Экспроприировать — так экспроприировать! Какое там ”себе берешь вдвое, чем мне оставляешь”! — ”Ладно, бери”, — вспоминал дед, ”глядя на меня размытыми временем, потемневшими, тоскливыми глазами”, — ”да ведь все, все отняли. Последнюю соломинку сдули, последнюю пылинку смели”.

Правда, не пришлось попользоваться Николайке награбленным у родных (да, по сути, ведь не для себя он и грабил, — все равно пришлось бы отдать властям). ”Вошла во время этого разговора тетка Ульяна-шептуха, бабушка моя, постояла, послушала. Внимательно посмотрела в подлящие Николайкины глаза, вышла. А тот пришел домой, лег на койку и будь здоровчик. Даже ’ох’ не сказал. Как испуганно талдычила тогда вся Рогожская, помер еще совсем молодой здоровенный Николай по Божьему заказу и по шептухиному приказу”.

Подобные штрихи нашей отечественной истории поистине драгоценны своей драматичностью и подлинностью. При том ведь история — это уже и то, что происходило не далее как вчера, и то, что случилось сегодня утром. Казалось бы — давно ли появился в печати роман Булгакова, а вот уже, повествует Алла Кторова, живут в прежней ее московской квартире три черепахи, и ”поскольку пол этих таинственных существ был неизвестен, каждая была наречена двумя именами, и звали их: М а с т е р и М а р г а р и т а, Е р м о л а й и М е л ь н и ч и х а и В а л е н т и н и В а л е н т и н а”.

Читая ”Мелкий жемчуг”, не раз — то с восхищением, а то и с горечью, — повторишь про себя слова поэта: ”Это было при нас. Это с нами вошло в поговорку”.

Язык книги — удивителен. На триста почти страниц — ни натяжки, ни малейшей фальши. И это при том, что в книге соседствуют самые разные слои русской речи — и старое московское просторечье, и пестрый жаргон современной молодежи, и дворянские церемонные фразы (впрочем, изрядно уже тронутые временной порчей), и виртуозное многословье авторских отступлений, где слово и фраза

поворачиваются и так и этак: игра, но играет мастер с исключительным языковым чутьем.

В доказательство, к уже цитированному выше, можно приводить страницу за страницей, но я ограничусь таким характерным для книги отрывком, где речь идет о недавно помянутой бабушке Прасковье Ульяновне (она же — по уличному прозвищу — "Ульяна-шептуха", и прозвище это, конечно же, дано ей недаром):

"Силу ее как шептуньи я поняла только в восемнадцать лет, когда влюбилась, но не была осчастливлена ответным чувством. Тогда Прасковья Ульяновна, прознав про мои страдания, позвала моего героя к нам за чайком посидеть. Пришел, посидели. С тех пор мою всю любовь как ветром сдуло. Я с колен, он на колени. И у ног моих дрожал, и в вечной преданности клялся и даже сделал формальное предложение...

Оказалось, бабушка ему в чайке-то *п р и с у ш н о́ г о*, а мне отсушного на любовь дала".

Ни натяжки, ни малейшей фальши, — но небольшие шероховатости встречаются. Вот хотя бы в куске о Николайке: "Там, за сидящими на седовой скамейке парнем с гармошкой и его женой...". Но парнем можно было в прошлом веке назвать только неженатого молодого мужчину (напомню у Твардовского: "посидим, помолчим над водой, словно мы парень да девка с тобой"). Немного выбивается из стиля этого отрывка и слово "гамма" в следующей фразе ("В этом желто-белой *г а м м ы* доме...").

Однако это все мелочи. Найдутся, наверное, читатели, которые предъявят автору более серьезный упрек: книга в целом могла бы быть слаженней, стройнее по композиции. "Не чувствую, дорогая коллежанка, где у вас правда жизни, а где правда искусства, — брзжит некий не названный Аллой Кторовой "маститый литератор". — Жанровый крой должен быть теснее, туже. Понимаете? Нет у вас крепких сюжетных зажимов. Что касается содержания, избегайте мелкотемья. Все ваши сочинения — это мелкий жемчуг, нанизанный на живую нитку. Лопни нитка — и жемчужины рассыпятся".

А по мне — так и жемчуг тут крупный, и нитка прочна.

Иосиф Косинский

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Г р а н т Александр. Псевдоним недавно выехавшего московского журналиста и литератора. Рассказ "Заговор муз" — первая его публикация на Западе. В настоящее время находится в США.

К у б л а н о в с к и й Юрий Михайлович, род. в 1947 г. Окончил искусствоведческое отделение МГУ. В октябре 1982 г. под давлением угрожавшего ему КГБ был вынужден иммигрировать. Автор трех книг: "Избранное" (сост. И. Бродский, Ардис 1981); "С последним солнцем" (La Press Libre, 1983); "Оттиск" (YMCA—PRESS 1985). Автор очерков, эссе и критических статей, регулярно публикующихся в периодике русского зарубежья.

Ф а л ь к о в Борис, род. в 1946 г. Учился в Московской и Ленинградской консерваториях, пианист. Аспирантуру заканчивал в Киеве. В СССР с его исполнительским творчеством слушатели знакомы, благодаря записям на радио и на пластинки. В 1987 г. Борис Фальков выехал на Запад и в настоящее время живет в Мюнхене. Заниматься литературой начал еще будучи студентом, сначала — поэзией. Проза началась с романа "Миротворцы", также готовящегося к публикации, и десятки маленьких рассказов "Новые времена". Роман "Во сне земного бытия или Моцарт из Карелии" — третье крупное сочинение Бориса Фалькова.

Ф л е р о в Владимир, род. в 1921 г., доктор медицины, врач-анестезиолог. Учился в Днепропетровске, Граце и Франкфурте. Имеет ряд научных работ по анестезиологии, психиатрии и парапсихологии. Автор целого ряда статей в периодике русского зарубежья. В настоящее время живет в Западной Германии.

Х е й ф е ц Михаил — родился в 1934 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский педагогический институт имени Герцена. Автор нескольких книг и статей по истории революционного движения в России. В апреле 1974 года был арестован за публикацию в самиздате предисловия к собранию сочинений Иосифа Бродского. Приговорен к четырем годам заключения с последующей двухгодичной ссылкой.

Отбыл полный срок, эмигрировал. Живет в Израиле. Печатался во многих русскоязычных изданиях.

Ш н е е р с о н Мария Анатольевна родилась в 1913 г. в Екатеринославе. Окончила филологический факультет Ленинградского университета. В 1955 г. защитила кандидатскую диссертацию. Свыше 25 лет работала педагогом и занималась изучением русской классической литературы XIX века. Ряд работ М. Шнеерсон был опубликован в Сов. Союзе. С 1979 г. живет в США. С 1980 г. ее статьи, посвященные современной русской литературе, публикуются в "Гранях", "Новом русском слове" и др. зарубежных периодических изданиях. В 1984 г. вышла книга М. Шнеерсон "Александр Солженицын. Очерки творчества" (изд. "Посев").

СОДЕРЖАНИЕ

с № 143 по № 146

ПРОЗА

- БУКРИНСКИЙ Эрнест
Расплата. Маленькая повесть, 144
- ГРАНТ Александр
Заговор муз. Мини-повесть, 146
- КОРМЕР Владимир
Я — математик. Глава из романа "Наследство",
143
- КТОРОВА Алла
Совлаша. Рассказ, 144
- МУРАТОВА Вера
Дым Дымыч. Рассказ, 146
- СОРОКИН Вячеслав
Любимый человек. Рассказы, 143
- ФАЛЬКОВ Борис
Во сне земного бытия или Моцарт из Карелии.
Главы из романа, 146
- ШАПИРО Рафаэль
Время говорить. Главы из книги, 145
- ШЕНФЕЛЬД Игнатий
Норберт из "Племени Рогатое Сердце". Рассказ,
145

ПОЭЗИЯ

- АНДРЕЙ Даниил
Из "Избранного". Одиннадцать стихотворений:

У стен Кремля. — Каменный старец. — Успенский собор. — У памятника Пушкину. — "Исчезли стены разбегающиеся..." — "Вы, реки сонные..." — "Про всенародное наше вчера..." — Сочельник. — "Этот двор, эти входы..." — "Медленно зреют образы в сердце..." — Сквозь тюремные стены, 143

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий

От истоков до устья... Восемь стихотворений: "Божье сердце — над Шварцвальдским лесом..." — "Крылья распушены пегого сокола..." — "Греясь в бесснежное олово..." — "Как пламя, прикрыта рукой..." — Ангел. — "Моя стезя, не столь жестокая..." — "Дряхлый ястреб, парящий бессрочно..." — От истоков до устья, 143
Где-то на рубежах синевы... Четыре стихотворения: "Где-то на рубежах синевы..." — "В каске лимитная броня..." — Ивы. — "Солнце в воздухе вешнему верное...", 146

МОРЕВ Александр

Девять стихотворений: Россия. — Старуха. — Гойя. — Старая солдатская песня. — "Мир был молод и подстрижен под гребенку..." — Воскресение. — "В окне был июль, не помню, какого года..." — "Мне кажется, что я уснул давно..." — Трава и камни, 145

ПУДОВКИНА Елена

Одиннадцать стихотворений: "Не отвести души от бездны..." — "Как лист календаря, надорван день..." — "К утру вернется в раму натюрморт..." — "Мы так боимся счастья на земле..." — "Двух ртов соприкосанье, а не уст..." — Два диалога. — В Перми. — "Тысячеглазый ангел нелюбви..." — Переложение Псалма 89. — К Меркурию. — "Поблескивает воздух Рождества...", 144

РАТУШИНСКАЯ Ирина

Из новой книги. Семь стихотворений: "Цапля ходит болотом..." — "Верьте мне, так бывало часто..." — Свидание. — "Родина, ты мне врастаешь в ребра..." — "Страна задумчивых вокза-

лов..." — "Время складками ложится..." — "Царь Приам проходит по стенам...", 143

ФИНКЕЛЬ Федор

Пять стихотворений: Проезжая родные места или монолог, услышанный в "общем". — Видение Иакова. — Владимир. — "Мне горестной свободы путь...." — К желанию, 144

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

КОРЖАВИН Наум

Анна Ахматова и "серебряный век", 144

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий

"Март Семнадцатого": хроника исторической катастрофы (А. Солженицын. Красное колесо. Узел III. Март Семнадцатого), 144

МУРАВЬЕВА Ирина

"Вот мой Онегин...", 144

СИНКЕВИЧ Валентина

Творческое одиночество Марины Цветаевой, 143
"Пойдут стихи мои, звеня..." (Памяти Ивана Елагина), 145

ТЕУШ В. Л.

Из книги "О Чехове", 145

ШНЕЕРСОН Мария

Главы, напечатанные петитом (Из наблюдений над "Красным колесом" А. Солженицына), 143
Голос Шухова в произведениях Солженицына, 146

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

ПЕРВУХИН Н. В.

Кто был Александр Бланк, 146

ПОПОВСКИЙ Марк

Мария Степановна, 143

РЖЕВСКИЙ Леонид

Про себя самого, 144

ФЛЕРОВ Владимир

Болезнь и смерть Ленина, 146

ФРЕЗЕР Евгения

Дом на Двине, 145

ИСТОРИЯ

РОСС Николай

Врангель и кронштадтцы, 143

Ударные части в русской армии (весна-лето 1917), 146

ПУБЛИЦИСТИКА

ПОСПЕЛОВСКИЙ Дмитрий

Размышления над книгой (Джон Данлоп "Лики современного русского национализма"), 143

ХЕЙФЕЦ Михаил

Новая "аристократия"?, 146

ЮГОВ Александр

Смотреть правде в глаза, 145

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Григорий

О простоте и сложности российской поэзии, 143

КРАТОВ П.

О роли художника в персоналистической картине мира, 143

Прот. К. ФОТИЕВ

"Дионис и прадионисийство" в свете новейших изысканий, 143

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

А р к а н о в Аркадий

"Рукописи не возвращаются". Роман. — Москва: "Юность" № 12, 1986. (М. Назаров), 144, с. 234.

- Белов Василий**
 "Все впереди". Роман. — Москва: "Наш современник" №№ 7–8, 1986. (М. Назаров), 146, с. 230.
- Битов Андрей**
 Рассказы: "Фотография Пушкина (1799–2099)". — Москва: "Знамя" № 1, 1987. — "Человек в пейзаже". — Москва: "Новый мир" № 3, 1987. — "Преподаватель симметрии". — Москва: "Юность" № 4, 1987. — "Вкус". — Москва: "Огонек" № 17, 1987. (Михаил Назаров), 145, с. 235.
- Кторова Алла**
 "Мелкий жемчуг. — США: изд. "Козерог", 1987. (Иосиф Косинский), 146, с. 239.
- Леонгард Вольфганг**
 "Революция отвергает своих детей. 2-е изд. — Лондон: Overseas Publications Interchange, 1984. (Михаил Хейфец), 143, с. 276.
- Синкевич Валентина**
 "Цветенье трав. — Филадельфия: Encounters, 1985. (Н. Малаховская), 143, с. 282.
- Чиннов Игорь**
 "Автограф". — США: Neu England Publishibg Co, (Н. Малаховская), 143, с. 282.

ПУБЛИКАЦИИ

- СЕНДЕРОВ Валерий**
 В редакцию журнала "Грани", 145
- КАЗАЧКОВ Михаил**
 Письмо из Мордовии, 145

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

БРЕЙТБАРТ Екатерина (составитель)

- Февраль — Март 1917 года, 143
 Апрель — Май — Июнь 1917 года, 144
 Июль — Август — Сентябрь 1917 года, 145
 Октябрь — Ноябрь — Декабрь 1917 года, 146

ГОЛОВИН Н. Н., ген.

Выступление генерала Корнилова (главы из кн. "Российская контрреволюция в 1917–1918"), 145

ДЕНИКИН А. И., ген.

Революция в Петрограде. Революция и армия (главы из кн. "Очерки Русской Смуты"), 143

МИЛЮКОВ П. Н.

Пять дней революции (из кн. "История второй русской революции"), 143

ПЛЕХАНОВ Г. В.

О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен, 144

РОСС Николай

Попытка создания русской революционной армии (май–июнь 1917 г.), 144

Русская революция глазами петроградского чиновника. Из дневника 1917–1918 гг. (Публ. Е. Н. Нильсена и Б. Вайля), 146

ЯШУНСКИЙ И.

Выборы в Учредительное Собрание, 146

ХРОНИКА 1917

Новые министры, 144

Прощание А. И. Гучкова, 144

Объяснение П. Н. Милюкова, 144

А. Ф. Керенский среди войск, 144

Батальон смерти, 145

Женщины-герои, 145

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Октябрь — Ноябрь — Декабрь 1917 года

К началу октября стало ясно, что власть в стране не принадлежит никому. Номинальную — Временного Правительства никто не хотел защищать. Все хотели изменений: пусть хуже, но иначе. Ленин понял: пришел его час...

7 октября. Открытие Совета Республики (Предпарламент).

10 октября. Заседание ЦК большевиков, на котором принимается резолюция Ленина о вооруженном восстании. Против резолюции голосуют Зиновьев и Каменев. На этом заседании избрано Политическое бюро ЦК по руководству восстанием в составе: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Сокольников, Бубнова.

11 октября. Съезд Советов Северной области под руководством Троцкого.

16 октября. Расширенное заседание ЦК большевиков с участием представителей военной организации, большевистских деятелей профсоюзов, фабзавкомов и т. д. Резолюция Ленина о вооруженном восстании принимается 14 голосами против двух (Зиновьева и Каменева). Образование Военно-революционного комитета (ВРК) при Петроградском комитете.

17 октября. Ленин встречается с руководителями военной организации (Антонов-Овсеенко, Подвойский, Невский) и требует проведения восстания до открытия Второго Съезда Советов.

18 октября. Газета М. Горького "Новая жизнь" печатает заявление Каменева и Зиновьева против восстания.

21—24 октября. ВРК призывает войска не выполнять приказов правительства без его одобрения. "Переговоры" штаба Керенского с представителями ВРК. "День Петроградского Совета": демонстрации, митинги... 24 октября Троцкий и Лашевич убеждают гарнизон Петропавловской крепости перейти на сторону ВРК; собрание представителей Петроградского гарнизона переходит на сторону ВРК.

Керенский решает арестовать членов ВРК и закрыть большевистские газеты. Штаб Керенского пытается стянуть войска в Петроград; Керенский обращается к Предпарламенту за поддержкой и требует предоставить ему чрезвычайные полномочия; Петроградская городская дума пытается путем переговоров "разрешить конфликт" между правительством и ВРК. Троцкий обращается за помощью к кронштадтским матросам. ВРК занимает телеграф. Предпарламент принимает двусмысленную резолюцию, которая требует энергичных мер, создание комитета Общественного Спасения и как бы выражает косвенно недоверие правительству Керенского. Керенский угрожает отставкой.

Но город медленно, но неуклонно переходит в руки восставших, не встречающих сопротивления. Борьба за город, еще никто не сознает, что это борьба за страну, происходит между 6—7 тысячами сторонников большевиков: 2500 солдат — павловцев и кексгольмцев, 2500 кронштадтских моряков и около 2000 красногвардейцев, — и 1500 — 2000 защитников Временного правительства. Огромный петроградский гарнизон объявил себя нейтральным и не вмешивался.

25 октября. Последнее заседание оборонческого ЦИК'а. Дан протестует против большевистского восстания и предупреждает о неминуемой контрреволюции; большевистские части занимают телефонную станцию, почту, вокзалы.

В 3.30 утра "Аврора" бросила якорь у Николаевского моста и отряд моряков, прогнав патруль Временного правительства, занял мост. Зимний дворец, в котором заседало Временное правительство, оказался изолированным от города.

Утром министры еще не знали о том, что они потеряли власть. Они не могли узнать об этом из газет, которые вышли с безнадежно запоздавшими статьями: *Известия* предупреждали большевиков не ввязываться в "бессмысленную авантюру"; *Новая жизнь* советовала большевикам "не стрелять первыми"; меньшевистская *Рабочая газета* выражала надежду на возможность компромисса.

Ленин к этому времени знал, что победил. В 10 утра он обращается "к гражданам России", извещая их: "Временное правительство низложено. Дело, за которое боролся народ, — немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правитель-

ства, — это дело обеспечено”. Ленин знал, что власть, за которую он так долго боролся, у него в руках.

Тройке, в составе Антонова, Подвойского и Чудновского, поручается с войсками занять Зимний дворец, в котором заседают министры Временного Правительства. С целью привести верные войска с фронта, Керенский покидает Петроград. Министры решают покинуть дворец только в случае применения к ним силы. Большевистские отряды разгоняют членов Предпарламента. Главнокомандующий Северным фронтом (Главкосев) ген. Черемисов отказывается в Пскове Керенскому в помощи.

В 10 часов вечера — холостой выстрел ”Авроры”. Открытие Второго Съезда Советов; в 12 часов ночи — занятие Зимнего дворца. Арест Временного Правительства.

26 октября рано утром. Съезд Советов официально перенимает власть. Керенский пытается убедить ген. Краснова и его казаков начать поход на Петроград.

Вялые, некоординированные попытки оказать сопротивление новой власти, закончились полной неудачей в первую неделю после Октябрьского переворота. Керенский, покинувший утром 25 октября Зимний дворец, отправился за помощью в Псков, ставку Северного фронта. Защищать Временное правительство соглашается лишь генерал Краснов, командир Третьего конного корпуса, того самого, который в августе, под командованием генерала Крымова, шел на Петроград, чтобы свергнуть правительство Керенского. Краснову удастся собрать не более 700 всадников, ”меньше полка нормального масштаба”. Но и с этими силами ему удастся занять Гатчину, потом Царское село. 30 октября под Пулковскими высотами отряды Красной гвардии, усиленные моряками, останавливают продвижение казаков.

Но красногвардейцы под командованием полк. Вальдена перешли в наступление. Краснов приказал отходить в Гатчину. Там он был арестован; Керенский успел скрыться...

2 ноября. Сломив сильное и упорное сопротивление, московские большевики занимают Кремль.

4 ноября. Сторонники коалиционного социалистического правительства в большевистском руководстве (Зиновьев, Каменев, Рыков, Ломов, Ногин, Милютин, Теодорович) выходят из Совнаркома и ЦК.

12 ноября. Выборы в Учредительное Собрание.

вершенной до решения проблемы Учредительного собрания. Решение о созыве Учредительного собрания, свободно выбранного всеми гражданами страны для определения будущего политического строя России, было принято Временным правительством.

Свою кампанию против Временного правительства большевики вели, в частности, под лозунгом защиты Учредительного собрания, обвиняя правительство в том, что оно "мешает хозяину русской земли сказать свое властное слово".

Выборы в Учредительное собрание — самые свободные в истории России — состоялись уже после Октябрьского переворота. Состав Учредительного собрания: социалистические партии — 59,6% (в том числе эсеры 40,4%, меньшевики 2,7%), большевики — 24%, буржуазные партии — 16,4%, определил отношение к нему правящей партии. Отношение резко отрицательное.

Интересны несколько цифр по выборам в армии. По Особой Армии число избирателей считалось в 352 000 человек. Подано было бюллетеней немного больше чем 280 000. Из них голосовало за социалистов-революционеров 210 000, за большевиков — 45 000, а остальные голоса делятся между украинцами, кадетами и другими списками. На кого же падают те 45 000 голосов, что были поданы за большевистский список?

По сведениям Армейской избирательной комиссии, в боевых частях число поданных голосов за большевиков не превышало 5%, исключение составляла III-я дивизия, где два полка подали во множестве свои бюллетени за большевистский список (45%).

Но уже в обозах и в парках число голосовавших за большевиков превышает, местами, 20%. И, наконец, места скопления тыловых частей, как, например, Ровно, дали наибольший процент голосовавших за большевиков.

Эти цифры позволяют утверждать, что армия, в боевой своей части, голосовала не только против большевиков, но за определенно оборонческие списки. Иначе говоря, она голосовала не за тех, кто отвечал ее инстинктивным, шкурным вожелениям, но за тех, кто, по ее разуму, мог наилучшим образом представлять народные интересы в Учредительном Собрании.

20 ноября. Большевики занимают Ставку в Могилеве. Убийство Верховного главнокомандующего генерала Духова.

10 декабря. Левые эсеры входят в Совет Народных Комиссаров.

Меньше, чем через месяц, будет созвано Учредительное Собрание — 5 января 1918 года. Оно категорически откажется уступить требованию Ленина передать все свои полномочия большевистскому правительству. И за это будет разогнано "Исторические слова командира отряда моряков Железнякова — "караул устал" — завершили краткую историю свободного русского парламента. Воля караула становится высшим законом"* ...

* Михаил Геллер, Александр Некрич, "Утопия у власти". — Лондон: Overseas Publications Interchange, 1986, с. 46.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ПЕТРОГРАДСКОГО ЧИНОВНИКА

Суббота, 7 октября

Сегодня открытие Предпарламента.

Воскресенье, 8 октября 1917г.

Вчера был опубликован Указ о роспуске Государственной Думы, о чем Родзянко¹ узнал только из газет. Началась разгрузка Москвы и "уплотнение" в ней квартир. Если маме и папе удастся получить разрешение на проживание в Москве - они туда пере-едут.

Умерла б/ароне/сса Крузенштерн. Мне очень жаль; она была всегда чрезвычайно приветлива и гостеприимна. Вчера открылся Предпарламент - Временный Совет Российской республики.

15 октября 1917г., воскресенье

Опять масса слухов о готовящемся выступлении большевиков. Скверные вести о настроении "революционной армии", которая, по словам Керенского в закрытом заседании Комиссии по Обороне, походит на "разбойничью банду". Не дурное определение русского христолубивого и победоносного воинства.

Если бы Россия продолжала бы войну - враг был бы уже сломен, теперь же, как бы война ни кончилась, Россия выйдет обессиленной и истощенной, а главное, надолго деморализованной.² Россия захлебнулась в потоке слов всяких союзов, комитетов, совещаний, заседаний и пр. Всюду происходят самосуды, что, впрочем, вполне естественно, когда нет настоящего правосудия.

1 М.В.Родзянко - председатель Государственной думы.

2 Подчеркнуто автором.

Отрывок из кн. "Русская революция глазами петроградского чиновника. Дневник 1917—1918 гг.". Публикация Енса Петтера Нильсена и Бориса Вайля. — Осло: "Meddelelser", № 48, 1986. Печатается с любезного разрешения публикаторов.

Керенский изволил отбыть в Ставку; быть опять беспорядкам и чехарде назначений. Раньше у нас была Александра Федоровна, а теперь Александр Федорович! Острота не моя. Когда Керенский уезжает из Петрограда, на Зимнем Дворце спускается заменивший Императорский Штандарт красный флаг. Это факт, а не анекдот. Какой мерзавец Керенский. Неужели он избегнет виселицы или самосуда?

16 октября 1917г., понедельник

По понедельникам у меня бывает хорошее настроение - нет газет, но к вечеру газеты выходят, и настроение совсем падает. Сегодня все известия печальны и тревожны. Немцы разгромили итальянцев. Голод надвигается. В провинции усиливается анархия. Все большевики постепенно выпущены на свободу.

19 окт/ября/, четверг

Совещание армии Северного фронта требует вывода петроградского гарнизона. Большевики, с Троцким во главе, натравливают гарнизон на Врем/енное/ Правит/ельство/, приписывая ему инициативу вывода войск. Троцкий старается во славу Германии. Только и разговоров, что о готовящемся завтра или в ночь на воскресенье выступлении большевиков. Будут арестованы члены Врем/енного Правит/ельства/, начнется избиение буржуев, обыски, грабежи и прочее. "Красная Гвардия", т.е. вооруженные рабочие, будут творить насилия во имя свободы и ради "углубления революции".

На вокзалах наплыв дезертиров, на окраинах бродят толпы пьяных матросов. Милиция блещет своим отсутствием. Главнокомандующий Петрогр/адским/ Военным Округом издает приказы, которых все равно исполнять не будут. Приказ говорит о пресечении вооруженных выступлений и погромов и недопущении самочинных обысков. Исполнит/ельный/ комитет 1-я армии говорит: "Солдаты в тылу обратили свободу в бесчинства, а революцию в погромы."¹ Керенский удрал в Ставку в предвидении беспорядков и большевистского выступления.

Во время Японской войны говорили про японцев: "Они нас минами да минами, а мы их молебнами." Теперь же можно сказать про большевиков: "Они нас пулями да пулями, а мы их воззваниями, воззваниями." Как мне осточертели все эти лозунги, и прочая

¹ Подчеркнуто автором - здесь и далее.

"революционная" ересь.

20 октября 1917г.

Назначенное на сегодня большевистское выступление, как и следовало ожидать, еще не состоялось. Ce qui est remis, n'est pas perdu.¹ Остроумное замечание одного простого вагоновожатого про обесценение денег: "Скоро придется кредитки носить в корзине, а провизию - в портмоне." C'est un mot à retenir.²

21 октября 1917г., суббота

Настроение тяжелое. Работоспособность равняется нулю. Трудно сосредотачиваться на каком-либо деле, когда ежедневно может начаться новая катавасия.

22 октября, воскресенье

Ген/ерал/ Алексеев хорошо характеризует положение: армия дезорганизована, тыл бездействует, промышленность умирает, ж/елезные/ д/ороги/ останавливаются, одна часть населения голодает, а другая зарывает хлеб в землю или перегоняет его на водку. Корень зла не в анархии, а в безвластии.

23 октября, понедельник

Большевистская гроза, по-видимому, приближается, и не сегодня-завтра разразится. Каша заваривается: Петроградский Совет С/олдатских/ и Р/абочих/ Д/епутатов/ обратился Военно-Революционный Комитет и настаивает на передаче этому Комитету всей власти.

24 окт/ября/ 1917г., вторник.

Начало нового переворота. Учрежденный Военно-Революционный Комитет захватил в свои руки право распоряжения войсковыми нарядами. Распоряжения Главнокомандующего требуют санкционирования Комитетом. Временное/ Правит/ельство/ постановило привлечь Военно-Революционный Комитет к ответственности. Руки коротки.

Обедал в Английском офицерском собрании. Англичане, как всегда, спокойны, но злы. В четв/ерг/ посол собирался ехать в отпуск в Англию, теперь, конечно, не уедет.

1 Что отложено - не потеряно.

2 Это нужно запомнить.

25 октября 1917, среда

Ночью из Кронштадта/ пришла "Аврора" и миноносец и стали в Неве у Николаевского моста. С утра очень тревожно. Каждые полчаса все новые и новые известия. Большевиками занят ночью Почтамт и Телеграфное Агентство, а утром Мариинский Дворец и Государственный Банк. Предпарламент (или Предбанник, как его называли) разогнан. Захвачены типографии "Биржевых Ведомостей" и "Русской воли". К вечеру войска стянуты к Дворцовой площади. Стоят броневики, войска все на стороне Военно-революционного Комитета. Керенский утром бежал в действующую армию, покинув женщин (батальон) и детей (юнкеров) на произвол судьбы. Вечером Зимний Дворец обстреливался из орудий из Крепости и с "Авроры" и ночью занят. По слухам члены Временного Правительства арестованы, исправно исколочены и отвезены в Петропавловскую крепость. Дворец разгромлен и разграблен. Над беззащитными юнкерами творят зверства. При мне дали по шее безоружному юнкеру ни за что ни про что.

В 3 часа в Министерстве Финансов появился комиссар Военно-революционного Комитета некий Менжинский.¹ В министерский кабинет были приглашены товарищи министра и начальники отдельных частей, которым Комиссар заявил об аресте Бернацкого,² обратился от имени В/оенно-/р/еволюционного/ К/омитет/а с просьбой продолжать спокойно работать и выразил при этом надежду, что чиновничество будет аполитично. "Я знаю, - прибавил он, - что между вами нет пролетариев и бедных крестьян, тем не менее, чиновники могут работать на общее дело."

Все присутствовавшие молча выслушали это обращение и хотели покинуть кабинет, когда И.П.Шипов³ обратился к Менж/инскому/ "за указаниями" по какому-то делу. Далее последовали выступления Кузьминского, Дементьева и других.

Между тем, тов/ариш/ мин/истра/ Хрушев узнал по телефону, что Бернацкий вовсе не арестован, а заседает в Зимнем Дворце; Хрушев извелся; вернулся в кабинет и сказал Менж/инскому: "Вы лжете и не имеете никакого права здесь находиться!" Менж/инский/ несколько смутился, но, тем не менее, остался и имел в министерстве пребывание до двух

1 В.Р.Менжинский (1874-1934), видный большевик, первый нарком финансов; с 1926 - председатель ОГПУ.

2 М.В.Бернацкий - министр финансов Временного Правительства.

3 И.П.Шипов - управляющий Госбанком.

часов ночи.

Врем/енное/ Прав/ительство/ не унывает и обратилось к фронту с особым воззванием о происходящих событиях, указывая на необходимость прекратить восстание в Петрограде, являющееся ударом в спину армии. Вр/еменное/ Прав/ительство/ возложило на Кишкина особые полномочия по восстановлению порядка в Петрограде. Воззвание заместителя Министра-Председателя Коновалова вызывает: "Граждане! Спасайте родину, республику и свободу! Вы должны помочь Врем/енному/ Правительству." На этот раз, но уже слишком поздно, забыли упомянуть о революции и ее спасении и углублении.

Дотанцевались!

25 октября 1917г., среда¹

Осада Зимнего Дворца началась в 9 вечера. Тогда же начался обстрел. "Аврора" дала несколько боевых и холостых выстрелов. Один снаряд попал в д/ом/ №13 по Демидову переулку в родильный приют. Со стороны Морской обстрел Зимнего Дворца начался в первом часу ночи. В Кредитной Канц/елярии/ полопались стекла.² У Маринского Дворца, на Гороховой у Красного моста и на Полицейском мосту баррикады. Сегодня в нашей Канцелярии и в канцелярии министра большая ажитация, в какой форме реагировать на переворот.

Четв/ерг/ 26 октября 1917г.

В ночь на сегодня Врем/енное/ Прав/ительство/ приказало долго жить! Керенский удрал из Зимнего Дворца на фронт еще вчера утром, остальные министры арестованы ночью в Зимнем Дворце и, говорят, порядком избиты. Так им и надо, достаточно натворили глупостей, пускай теперь расплачиваются. Жаль, что Керенский удрал, а не повешен.

Видел утром результаты ночного боя и взятия Зимнего Дворца: окна Дворца пробиты пулями, карниз сорван снарядами с "Авроры" или из крепости. Перед Дворцом со стороны площади блиндаж из штабелей дров. Окна в Гл/авном/ Штабе пробиты, отчасти полопались. На Невском стоят захваченные трофеи - учебные орудия Михайловского артиллерийского училища. Банки и большинство

1 Автор иногда датирует свои записи тем же самым числом.

2 Кредитная канцелярия находилась вблизи Зимнего Дворца (Дворцовая площадь 8).

магазинов попрежнему, как вчера, закрыты; окна заколочены ставнями. Пережил тревожную ночь, т.к. мне дали знать, что с 12 час/ов/ "Аврора" начнет бомбардировать Зимний Дворец. Т.к. Врем/енное/ Правит/ельство/ сдалось, бомбард/ировка/ не состоялась.

Так временно окончилась вторая революция. Странно читать сегодня в утренних газетах посмертные воззвания Временного Правительства. Троцкий заявил вчера в Петр/оградском/ С/овете/ Р/абочих/ и С/олдатских/ Д/епутатов/: "Власть, возглавляемая Керенским была мертва и ждала лишь удара метлы истории, которая должна была ее смести" (очень остроумно сказано). В заседании участвовали Ленин, Зиновьев . . .¹ Совет Республики (Предпарламент) был очень вежливо разогнан. Вообще большевики пока ведут себя очень приветливо.

В 2 ч/аса/ ночи с 25 на 26 октября Зимний Дворец был занят большевиками, разграблен и изгажен. Дворцовая церковь превращена в аборт, а церковная завеса украдена.

Всеросс/ийский/ Съезд С/оветов/ р/абочих/ и с/олдатских/ д/епутат/ов открылся вчера, в среду, в 11 часов вечера в составе 560 делегатов, из коих 250 большевиков. На заседании меньшевики протестовали против захвата власти большевиками накануне съезда Советов. Ночью же происходило пленарное заседание Центр/ального/ Исп/олнительного/ К/омитета/ С/оветов/ р/абочих/ и с/олдатских/ д/епутато/в и Исп/олнительного/ К/омитета/ Крест/ьянских/ Депутатов. Председательствовал Гоц.² Дан³ в докладе своем назвал предпринятое большевиками выступление - преступлением перед народом, армией и революцией. Вполне с этим согласен.

В противоположность этому ночное заседание Петроградского Совета Р/абочих/ и С/олдатских/ Д/епутатов/ носило явно большевистский характер. Председательствовал Троцкий (Бронштейн), объявивший Совету о победе большевиков, низложении Врем/енного/ Прав/ительства/, аресте министров, роспуске Предпарламента. Собрание бурно приветствовало Ленина, Луначарского, Зиновьева и прочих столпов большевизма.

Образовался "Всеросс/ийский/ Комитет Спасения Родины и Ре-

1 Предложение не закончено.

2 А.Р.Гоц (1882-1940) - один из лидеров партии С.-Р.

3 Ф.И.Дан (1871-1947) - один из лидеров меньшевиков.

волюции" из представителей Врем/енного/ Совета Республики, Петр/оградской/ Городской Думы, ЦИК С/овета/ Р/абочих/ и С/олдатских/ Д/епутато/в, ЦИК С/овета/ Кр/естьянских/ Д/епутатов/ и друг/их/, призывающий не признавать власти насильников. Выясняется, что кладовые Зимнего Дворца разгромлены, серебро расхищено, ценный фарфор перебит. Женский батальон заташен в казармы Павловского полка и изнасилован. Юнкера посажены в Петропавловку. Терещенко сильно избит. Поделом.

Опубликован декрет о мире. Министр Внутренних дел Никитин обратился по телеграфу к губернским, областным и городским комиссарам, призывая их поддержать Временное Правительство. Обращение это лишь судороги предсмертной агонии.

26.X.1917

Коковцов¹ не думает, чтобы образовался большевистский кабинет, считая, что они не уверены в своих силах. В сущности, то, что вчера произошло, - не полит/ический/ переворот, не восстание, а просто военный заговор. Есть еще возможность спасти положение - демократически реорганизовать Временное Правительство с декларацией о готовности выступить в переговоры о мире. Разгон Совета Республики - 18 бр/юмера г. Троцкого. Передают слухи об образовании нового министерства в Москве во главе с М.В.Родзянкой и с Савинковым² как военным министром. Хочется этому верить, но не верится.

27 октября 1917г., пятн/ица/.

Весь день прошел на собрании служащих Кредитной Канцелярии, а затем делегаций от всех учреждений Министерства финансов. Собрание началось в 2 часа дня и кончилось в 10 вечера. Постановили начать общую забастовку и указать в резолюции, что, протестуя против совершившегося захвата государственной власти, мы, служащие Министерства финансов заявляем:

1. мы не считаем возможным подчиняться распоряжениям, исходящим от захвативших власть. 2. мы отказываемся входить с ними в служебные отношения. и 3. впредь до создания власти, пользующейся всенародным признанием мы прерываем свою служебную деятельность, возлагая ответственность за последствия на

1 Граф В.Н.Коковцов - министр финансов царского правительства с 1906 по 1914 гг. и председатель Совета Министров с сентября 1911 до января 1914г.

2 Б.В.Савинков - известный террорист и правый эсер.

захвативших власть. Это резолюция выражалась в еще более резкой форме, чем резолюция товарищей министра и директоров отдельных частей, которые оговаривали перерыв своей служебной деятельности наличием невозможности действовать в законном порядке.

Вечером, от 10 до 12-ти, поспешно эвакуировал свои вещи, так как опасаясь разгрома моей казенной квартиры.

Приезжал Менжинский. Хотел поручить Замену¹ составить список крупных банкиров. Замен руки ему не подал и ответил, что никакого другого разговора вести с ним не будет, как только об охране дел. Менжинский ответил: "Я не считаю Вас больше директором Кредитной Канцелярии."

28 октября 1917г.

Вчера в последний раз вышли "Новое Время" и "Речь". Сегодня "буржуазной" прессы уже не видно, да и органы социалистов-революционеров иногда подвергаются насилиям со стороны большевиков и уничтожаются. Народный комиссар по м/инистерст/ву финансов Менжинский приезжал утром в Министерство, но встретив одних только сторожей и курьеров, предпочел вскоре удалиться.

"Воля народа", издаваемая соц/иалистами/-революционерами, вышла с заголовком: "Большевики губят Россию! Все на борьбу против них! Граждане, объединяйтесь вокруг единственного представителя революционной демократии - Комитета Спасения Родины и Революции! Да здравствует Учредительное Собрание!"

Военно-революц/ионный/ Комитет отдал приказ, чтобы повсюду производилась торговля. Все товарищи-рабочие приглашаются прекратить все экономические и политические забастовки.

Смертная казнь отменяется, вводятся самосуды. Большевиц-ская свобода печати - уничтожение всех органов, кроме "Правды" и пр. Пом/ощник/ военного министра кн. Туманов убит озверев-шими солдатами, линчован и брошен в Мойку.²

В 3 часа дня у Думы перестрелка. 6 чел/овек/ убито. Во всех министерствах служащие прекратили занятия. В "Известиях Центр/ального/ Исп/олнительного/ К/омите/та" опубликован декрет Ленина 26 окт/ября/ о земле. За весь ноябрь будет отпущено по 1/4 ф/унта/ коровьего масла, 1/4 ф/унта/ растительного или 1/4 ф/унта/ сала на человека. Яйца будут отпущены

1 К.Е.Замен - директор Кредитной Канцелярии министерства финансов.

2 Согласно Джону Риду ("Десять дней которые потрясли свет"), кн. Туманов не был убит, лишь арестован. Согласно Зинаиде Гиппиус - убит.

лишь детям и больным.

Воскресенье 29 октября 1917г.

В 10 часов утра юнкера захватили Центр/альную/ Телефонную станцию. Я был на Морской, но выстрелов не слышал. Днем в 4 часа большевики взяли станцию обратно. Была стрельба. В наш министерский лазарет принесли убитого мальчика-рассыльного лет 12-ти. При переноске оказал помощь какой-то иностранец.

На Невском днем было спокойно, тогда как вчера в три часа дня была стычка у Думы и Гост/иногo/ Двора. Мне телефонировали (до 5 телефоны действовали исправно), что на Спасской ул/ице/ обстреляли юнкеров и около Инженерного замка была перестрелка. С пяти телефоны бездействуют, хотя сейчас, в 10 часов, чей-то мужской голос откликнулся и меня соединили.

Графиня Клейнмихель три дня не ночевала дома. Сколько эта несчастная старуха переживает.

29.X.17. Воскресенье

Мне кажется, что единственное спасение страны - присылка нескольких дивизий иностранных войск, но технически, говорят, это неосуществимо. Еще в августе я предсказал гибель России и назначал дату: 17 октября. В результате - ошибся всего на неделю.

Понед/ельник/ 30 окт/ября/ 1917г.

По-прежнему нет никаких известий из других городов. Мы точно отрезаны от внешнего мира. Газет почти нет. На улице тихо. Город по-прежнему во власти большевиков. На улицах разгуливают красногвардейцы.

Красное Село было взято еще в пятницу войсками Керенского. Новый Центр/альный/ Исп/олнительный/ К/омите/т постановил войти в контакт с центр/альными/ комитетами всех социалистических партий по вопросу о создании коалиционного м/инистерств/а. Железнодорожный союз угрожает полной ж/елезно/д/орожной/ забастовкой, если не будет образовано чисто социалистическое министерство.

Под видом борьбы с большевиками "Комитет спасения Родины и Революции" хочет захватить в свою очередь власть. Не следует забывать, что этот Комитет состоит из социалистов-революционеров и требует образования однородного социалистического министерства.

Был в Английском Офиц/ерском/ Собрании. Англичане разобщены от всего мира и тоже ничего не знают и естественно злятся. Был у датского посланника Скавениуса.¹ Они переезжали на два дня на Сергиевскую, в здание австрийского посольства, думая, что там будет спокойнее. У них приютилась гр/афи/ня Клеймихель.

31 октября, вторник

Голод в Петрограде неминуем: за субботу было привезено всего 5 вагонов продовольствия, в воскресенье - один. Ген/ерал/ Каледин задерживает вагоны, идущие в Петроград. Англичане мне говорили, что юнкера Никол/аевского/ Кавал/ерийского/ Уч/илища/, охранявшие англ/ийское/ посольство, перепились виски и шампанским, которое они сташили у одного из секретарей и так, что на следующий день только один мог встать. Пришлось жаловаться большевистскому Главнокомандующему подп/олковнику/ Муравьеву.

Комиссия Труда Рабочего и Крест/ьянского/ Правительства бывшее министерство труда мобилизует новых служащих, верных революции, приглашая их занять посты во всех учреждениях новой народной власти. Открывается запись на работу вместо чиновников бывшего Временного Правительства, которые "благодаря своему ослеплению саботируют свои обязанности, не считаясь с вредными последствиями своего поступка".

Народным комиссаром по министерстве финансов был назначен некий Скворцов.² Сегодня приказом по м/инистерств/у ф/инансо/в назначен врем/енным/ заместителем нар/одного/ ком/иссара/ Вячеслав Рудольфович Менжинский.

Приказано производить с сегодняшнего дня работу в обычное время. Если в каких-либо учреждениях м/инистерст/ва ф/инанс/-ов забастовка будет продолжаться, начальники этих учреждений будут немедленно арестованы. Выходит новый орган Петрогр/адского/ С/овета/ Р/абочих/ и С/олдатских/ д/епутатов/ "Рабочий и Солдат". Это вечерняя газетка большевистского направления, полная теперь яростных нападок на социалистич/ескую/ прессу.

Новая острота: что такое анархия? Анархия - это когда "всем, всем, всем" можно делать все, все, все!³

1 Харальд Скавениус (Harald Scavenius) (1873-1939), датский посол в России (1912-1919).

2 И.И.Скворцов-Степанов (1870-1928) - видный большевик, экономист

3 "Всем, всем, всем!" - так начинались обращения Керенского и большевистские обращения после октябрьского переворота.

Я по-прежнему сомневаюсь в успехах Керенского. Слишком имя его всем ненавистно. И во имя чего и для чего его будут солдаты поддерживать. С выступлением большевиков они получили все, или, по крайней мере, обещание всего: мира, земли, полной свободы, граничащей с коммуной. Чего еще?

Правые не станут поддерживать такого прохвоста как Керенский который думает только о себе, о своей власти и губит Россию окончательно и бесповоротно. Я предпочитаю Ленина, открытого врага, Керенскому, этому волку в овечьей шкуре. Воображаю как радуются теперь немцы при прелестных известиях из России.

Убита г/оспо/жа Слуцкая, член Петр/оградской/ Гор/одской/ Думы, в то время, когда она выступала с зажигательными речами перед войсками Керенского.¹ Туда ей и дорога. Она была убита наповал осколком снаряда.

Опять слухи о взятии Аландских островов и о десанте. Сегодня я заходил в шведскую миссию. Там нет никаких сведений. Трудно разобраться в разноречивых известиях. Мне кажется, что песня Керенского спета.

31.X.1917.

Вчера Викжелем² получены телеграммы о том, что в Москве творится нечто невообразимое. Убитых и раненых до 2.000. Винный склад в десятки тысяч ведер осаждается возбужденными массами, толпы врываются в дома, начинается пьяный погром. Разгромлен кадетский корпус, масса кадет перебита.

1 ноября 1917г., среда

У нас в министерстве продолжается забастовка. В воскресенье опять мерзавец Керенский учинил подлость: юнкерам было приказано отражать большевиков и к 7 час. вечера обещана была помощь. Вместо этого Кер/енский/ опять занимался произнесением речей в Царском Селе.

Я об одном мечтаю- видеть Керенского повешенным.

Из-за угроз Менжинского в частн/ых/ банках опять полная забастовка. В Госуд/арственном/ Банке - тоже. Сегодня сбере-

1 Вера (Берта) Слуцкая (1880-1917) - большевичка.

2 Викжель - Исполнительный Комитет Всероссийского Союза железнодорожных рабочих и слушащих. Избран на учредительном железнодорожном съезде в Москве в августе 1917г. в составе 40 человек, где только 3 были большевиками. После октября требовал создание "однородного социалистического правительства". Ликвидирован большевиками в начале января 1918г.

гательные кассы будут открыты на два часа.

2 ноября 1917г.

Вчерашний день в "военном" отношении прошел тихо. Стрельбы не было. Красногвардейцев на улицах, по крайней мере, в центральных частях города, немного. Происходят междупартийные переговоры, которые, по-видимому, сегодня, выльются в определенную форму. Вероятно, премьером будет Чернов. Сбывается то, что я предсказывал еще два месяца тому назад. Политическая болезнь русского государства течет совершенно нормально. В составе нового кабинета Ленин и Троцкий не будут участвовать.

Мне кажется не трудно предсказать грядущие политические события, если только руководствоваться логикой и здравым смыслом, а не рассказами, слухами, болтовней, а главное несбыточными надеждами и бессмысленными мечтаниями. Забастовка министерств продолжается, но с завтрашнего дня мы приступим к текущим делам.

Очень интересно читать газеты противоположных лагерей: и те и другие ругаются и подтасовывают факты. Мы дошли до того, что правым органом считаем "Волю Народа" партии социалистов-революционеров с заголовком: "В борьбе обрешь ты право свое!" "Воля Народа" называет позором капитуляцию перед большевиками. Соглашение с большевиками - неизбежная и перманентная гражданская война, гибель России, позорное самоубийство революционной демократии, смертельный удар родине и свободе.

Сила теперь на стороне большевиков, но обещания их неосуществимы, они их не исполнят и останутся в блестящем одиночестве. Мира не будет - это уже ясно, хлеба - тоже. Не будет керосина, угля, начнется полная нужда. А уже о свободе и помину нет. Среди железнодорожников раскол. Среди чиновников - тоже. Так, у нас в Министерстве завтра уже приступают к частичным занятиям, находя, что мы уже достаточно выказали свой политический протест против захватчиков власти. Кто бывал в эти дни в Смольнске, утверждают, что все заправили - жида.

2.XI.17

Обедал в Офицерском Собрании английской военной миссии. Из печальных новостей сегодняшнего дня пока подтверждается забастовка в Финляндии и взятие Аландских островов. Есть слух о самоубийстве Керенского. Я лично слуху этому не верю - такие подлые эгоисты не стреляются.

Заходил в бельг/ийскую/ миссию сговориться с Lalaing¹ поселиться вместе в Москве в случае эвакуации. Застал сборище бельгийцев по случаю дня рождения Короля. Собрание происходило во мраке, т.к. до 5 1/2 час/ов/ не пускают электрич/еского/ света. Было объявлено, что в клубах не будет света, а между тем я был у нас в клубе, и ровно в шесть зажглось электричество. "Положительно при большевиках больше порядка", - воскликнули мы.

В англ/ийском/ офиц/ерском/ собрании очень симпатично, мне, по крайней мере, т.к. я люблю англичан и их обычаи, но неинтересно: все они чрезвычайно сдержанны, ничего никогда не узнаешь. Теперь они оптимистично настроены, т.к. хуже, чем было, быть не может. Много разговоров о том, что Вильгельм будто бы отверг предложенный большевиками мир. Другого и нельзя было ожидать от такого умного человека, как кайзер. Он прекрасно понимает, что мир, предложенный одной только политической партией - простой блеф и всем русским народом признан не будет и реального значения не получит. Но какой это козырь в наших руках. Социалисты сели в лужу. Особенно трагично положение Плеханова и других идейных партийных работников: всю жизнь стремиться к чему-нибудь и когда надежды осуществились - убедиться, что они в тоже время погибли.

Несомненно, что Керенский окончательно погиб, если еще не физически, то, во всяком случае, политически. Действительно, всем, всем, всем имя его ненавистно.

5 ноября 1917г., воскресенье

Выпал первый снег. В былые годы в это время был санный путь.

6 ноября, понед/ельник/

У нас в министерстве забастовочное движение усиливается. На сегодняшнем общем собрании решено во всех учреждениях продолжать забастовку и производить работы только с разрешения Союза Союзов по неотложным делам непосредственно связанным с нуждами обороны. В субботу утром был арестован и увезен в Смольный И.П.Шипов, а в субботу же днем возили на допрос в Смольный товарищей министра Кузьминского, Шателена² и Фридмана, а также Замена и Дементьева. У нас в министерстве сидит в министерском кабинете некто Ланицкий. С чинами нашего ведом-

2 Jacques de Lalaing - сотрудник бельгийского посольства - из семьи бельгийских графов.

2 Шателен - товарищ (заместитель) министра финансов.

ства большевики в Смольном были изысканно любезны и только, ничего не добившись, перешли на угрозы, что, если им не дать ассигновки на 15 миллионов, они захватят Государственный Банк и возьмут столько, сколько им понадобится.

6-XI -1917

Попытка большевиков "огрбить нацию" на 15 милл/ионов/ пока не увенчалась успехом. Я не поручусь, что они не приведут в исполнение своих угроз взломать государственные сундуки - они пойдут на крайние средства. Терять им нечего.

Вместо семеновцев в Госуд/арственный/ Банк был прислан большевистский караул Павловского полка. Но так как павловцы не знали пароля, семеновцы отказались смениться. В случае разгрома Госуд/арственного/ Банка, по словам Шингарева¹, по всей России прокатится страшная кроваво-погромная волна, которая сметет со своего пути все живое.

Опубликовано воззвание служащих Министерства Финансов к населению Петрограда и ко всему русскому народу, что они готовы удовлетворять все законные и неотложные нужды армии и населения, но, не желая быть участниками в расхищении народного достояния, они не подчинятся давлению захватчиков и при попытке насилия над кем-либо из чинов ведомства, они немедленно прекратят свои работы, возлагая заранее всю ответственность за могущие произойти потрясения на лиц, производящих покушение на средства народа.

В М/инистерст/ве Ин/остранных/ Дел, не смотря на строгий приказ г. Троцкого, сегодня никто не явился. До последних событий курс рубля в Стокгольме держался в пределах 31-36 ёре. Под влиянием событий курс упал до 12, а при разговорах о возможном мире сразу поднялся до 45.

7 ноября, 1917г.

Ночью была ограблена касса Кред/итной/ Канцелярии. Грабителями явились полотеры; было разгромлено два шкапа, и никто ничего не слышал! Сегодня утром большевики пытались вскрыть кладовые Госуд/арственного/ Банка, но стоящие в карауле семеновцы не допустили разгрома "народного достояния".

Менжинский объявил, что если Совету Народных Комиссаров не будет выдано 10 милл/ионов/ рублей, сумма эта будет взята путем взлома кассы силою. Совет Госуд/арственного/ Банка по-

1 А.И.Шингарев - министр финансов Временного Правительства.

становил: Совет не считает себя вправе удовлетворить это требование как неоснованное на законе. Текущий счет на имя Совета Нар/одных/ Ком/иссаров/ не может быть открыт, т.к. Совет не пользуется правами юридического лица.

В армии начался форменный голод. Солдаты бегут из окопов.

8 ноября, среда

Вчерашнее нападение на Государственный Банк не увенчалось успехом. У И.П.Шипова от страшного волнения сделался припадок астмы. Армия - без хлеба, сев/ерная/ Россия - тоже. Стране грозит всеразрушающая катастрофа. Петрограду и Москве (т.к. положение там не лучше, если не хуже) грозит неминуемый голод, остановка фабрик и заводов, водопроводов, газового и электрич/ского/ освещения, трамваев.

По-моему, напрасно взваливать всю вину в теперешней катастрофе на большевиков. Несомненно, выступление большевиков ускорило катастрофу, но истинной причиной была причина уже не партийного и государственного характера, а стихийного. То, что теперь происходит - неминуемо должно было случиться и случиться именно теперь, перед наступлением зимы и вне зависимости от того, кто находится у власти. Если бы сам Николай Угодник и все святые ангелы с ним явились бы править нашей несчастной страной, неумолимой судьбы, роковой и катастрофической, они не могли бы предотвратить.

9 ноября 1917г., четверг

Большевиками захвачена московская контора Госуд/арственного/ Банка, в которой находилось кредитных билетов на 100 миллионов рублей. 12 ноября - день выборов в Учредительное Собрание. В этот день опять ожидаются беспорядки. В воскресенье каждая богатая квартира (свыше 2.400 руб/лей/) должна пожертвовать для отправки в д/ействующую/ армию теплую одежду и одеяло. Этот приказ - прекрасный повод для производства самочинных обысков и хищений.

9-XI-17

Реквизиция теплых вещей будет произведена большевиками при посредстве домовых комитетов. Служащие Госуд/арственного/ Банка категорич/еским/ образом протестуют против покушения на кассу Гос/ударственного/ Б/анка/ лиц, силою захвативших власть и именующих себя Народными Комиссарами. Служащие Экс-

педииии присоединились к этому протесту.

Встретил сегодня Mr. Meserve, директора National City Bank, который только что вернулся из Москвы.¹ В революционные дни шесть дней им пришлось отсидеть безвыходно в Национ/альной/ гостинице, частью даже в погребе. Пищи было мало. Один раз в день давали горячий суп. У гостиницы снесена крыша и пробиты стекла. От пережитых волнений он уезжает с семьей в Америку.

Мне припоминается, что в 1905 году на каждом шагу употреблялись новые тогда слова: хулиган, платформа, экспроприация вместо воровства. Теперь же только и слышно о революционном суде, революц/ионной/ дисциплине, революц/ионных/ лозунгах. Иностранцы не могут без омерзения слышать слова "svoboda" и "tovaristchy". Когда Albert Thomas, франц/узский/ министр снабжения (социалист) был прошлой весной в Петрограде, он, говорят, сказал: La Russie est un foutu pays qui sera bientôt foutu."² Слова оказались пророческими. Уезжая он воскликнул: "J'ai oublié d'aller a Zarskoe Sélo, serrer la main a ce brave Nicolas II qui pendant vingt trois ans a pu gouverner cette crapule."³

По возвращении во Францию его спрашивают о впечатлениях о нашей революции: "Oh, ils sont charmant les tovarishchy, mais c'est étonnant qu'ils ne portent pas de boucle a leur nez!"⁴

А все-таки я продолжаю утверждать, что партии большевиков у нас нет - есть кучка "максималистов", быть может, идейных, быть может, подкупленных немцами, и за ними русское стадо, которое нисколько политикой не интересуется, лишь бы только окончилась война, прошла бы дороговизна, уменьшился бы голод, передана была бы крестьянам земля. Какое правительство принесет эти жизненные блага - народу совершенно безразлично. Весь вопрос как это осуществить.

Кто бы теперь ни находился у власти - теперешние бедствия были неизбежны, они являются результатом ошибок многих лет,

1 Генри Фессенден Мезерв - представитель National City Bank'a, руководимого Фрэнком Вандерлипом. Русское отделение этого банка открылось в 1916г., закрылось в 1918г.

2 Россия это гиблая страна, которая скоро погибнет.

3 Я забыл съездить в Царское Село, пожмите руку этому храб-рому Николаю II, который в течение 23 лет смог править этим сбродом.

4 Они очаровательны, эти товарищи, но очень странно, что они не носят колец в носу!

отсутствия образования, а главное, дисциплины и добросовестности у русских людей.

Размеры теперешней катастрофы нельзя охватить разумом. Когда подумаешь, что от великого государства, от великой Российской Империи остались одни лохмотья - жутко становится на душе. Прежняя жизнь отошла в вечность.

Как ни старайся развивать в себе эгоизм, как ни думай только о себе и своих делах - нельзя побороть в себе чувства стыда и позора, нельзя не болеть душой за свою несчастную родину.

10 ноября 1917г., пятница/

Совершилось позорище земли русской: наше "Правительство Народных Комиссаров" предложило сепаратный мир, - иначе нельзя назвать приказ Верховному Главнокомандующему о заключении немедленного перемирия для начатия мирных переговоров.

На фронте творятся ужасы, солдаты убивают генералов и офицеров и голодные и озверевшие бегут в тыл.

10-XI-17

Большевики стремятся во что бы то ни стало организовать выборы в Учредительное Собрание 12-го, хотя в то же время лишают возможности вести свободную политическую агитацию. В.Ульянов (Ленин) обратился с воззванием к солдатам, призывая их не дать контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира. "Вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда . . . Пусть полки, стоящие на позициях выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры с неприятелем. Совет Нар/одных/ Комиссаров дает вам право на это."

Какой кошмар. Призывы к арестам и к измене родине. Холод на душе. Военно-Рев/олюционный/ Комитет в воззвании, расклеенном на всех углах, объявляет, что чиновники подрывают работу правительства, казначейств и госуд/арственного/ банка, не выдают денег. Контрреволюционные чиновники являются самыми бесчестными преступниками по отношению к голодающим и умирающим на фронте.¹ Военно-Револуц/ионный/ К/омитет/ делает этим

¹ В новейших советских исследованиях бастовавшие чиновники обвиняются не в этом, а в "финансировании контрреволюции", см. например В.П.Дьяченко, "История финансов СССР (1917-1950)" (Москва 1978), стр.16.

преступникам последнее предостережение. В случае малейшего сопротивления или противодействия с их стороны по отношению к ним будут приняты меры, суровость которых будет отвечать размерам совершаемого ими преступления.

Этот призыв к насилиям заключает совершенную ложь. В госуд/арственном/ банке и казначействе оплачивают все ассигновки, относящиеся к обороне, а самим большевикам денег не дают и не дадут.

Большевики обещали мир на всех фронтах, а устроили перемирие только на русском фронте, они осуществляют сепаратный мир и оставляют за немцами десятки русских губерний.

11 ноября, суббота

М/инистерст/во финансов категорически заявляет, что слухи будто по вине служащих м/инистерст/ва и, в частности, Госуд/арственного/ Банка, армия и население терпят голод, холод и другие лишения, т.к. чиновники не желают будто бы давать деньги на народные нужды . . . слухи эти ложны - не верьте им.

За время с 25 окт/ября/ по 9 ноября Госб/анком/ выпущено в обращении кред/итных/ билетов на 610 мил/лионов/ рублей. Сегодня опять состоялось общее собрание служащих Кредитной Канцелярии; как всегда, происходили бесконечные споры и наконец постановили продолжать забастовку в тех пределах, вернее сказать, с теми исключениями, как было уже принято и проводилось. Окончание забастовки ставится в связь с окончанием выборов по Петрограду в Учредительное Собрание.

12 ноября 1917г., воскресенье

Над нашим министерством разразилась сегодня катастрофа: приказами по М/инистерст/ву Ф/инансо/в Председателя Совета Народных Комиссаров, за подписью В.Ульянова (Ленина), заместителя народного комиссара по М/инистерст/ву Ф/инансо/в В.Менжинского, за отказ признать власть Совета Н/ародных/ К/омиссаров/ уволены от занимаемых должностей, без права на пенсию товарищи министра Хрушев, Кузьминский, Шателен и Фридман, директор ДТК Дементьев, директор Кр/едитной/ К/анцелярии/ Замен, Д/иректор/ Общ/ей/ К/анцелярии/ Скворцов, упр/авляющий/ Г/ос/б/анком/ Шипов и упр/авляющий/ Гл/авным/ Каз/начейством/ Петин.

Приказом по м/инистерст/ву ф/инансов/ врем/енного/ замести-
теля комиссара по м/инистертсву/ ф/инансов/ Менжинского все
служащие и чиновники, не признающие власти Совета Н/ародных/
К/омиссаров/ считаются уволенными от службы без сохранения
права на пенсию. Все военно-обязанные снимаются с учета. Служа-
щие и чиновники, желающие продолжать работу, всецело под-
чиняются революционной власти СНК, должны в понедельник 13-го
приступить к занятиям. Уволенные чиновники, пользующиеся ка-
з/енной/ квартирой, должны их очистить в течение трех дней,
считая с 13 ноября с.г. Приказы эти опубликованы в "Извес-
тиях СРиСДеп/утатов/".

Опять в Канцелярии вчера у нас было собрание, постановили в
знак протеста объявить полную забастовку. К.Е.Замену выражено
было полное сочувствие. Менжинским была послана телеграмма
комиссару моск/овской/ конт/оры/ Госбанка Попову: "Какие меры
приняты к охране неприкосновенности золотого запаса Госбанка?
Предупреждаю, что, если хоть один золотой слиток выйдет из
подвалов, Вы будете подлежать строжайшей ответственности перед
СНК и военно-революционным судом. Отвечайте немедленно: Смоль-
ная СНК."

Ответ опубликован не был!

Сегодня первый день выборов в Учредительное Собрание. "Из-
вестия СРиСд/епутато/в" нападают на всех своих политических
противников и обзывают калет - партией мародеров, трудовиков -
волками в овечьей шкуре, меньшевиков - подголосками и холопами
буржуазии, расчищающими дорогу для контрреволюции, меньшевиков-
интернационалистов - вносящими разложение в ряды революционной
демократии.

Я вносил свой избирательный бюллетень в Адмиралтейском ма-
неже. Утром там было мало народа и большой порядок. Большевики
хотят доказать, что кроме мира, они дадут и хлеб, а посему от
15-го ноября выдача хлеба по карточкам будет увеличена до 1/2
ф/унта/ в день, а для занимающихся физическим трудом - до 1
фунта.

В ночь на сегодня, с 2 до 4-х, я опять нес дежурство, бродил
по двору и по панели около министерского здания и сидел в под-
воротне.¹ Весело!

Острота Репникова: вместо слова "Россия" на пограничном
столбе можно было бы с успехом написать "Tiergarten".

¹ Министерство финансов находилось на набережной Мойки, 43.

В моск/овской/ конторе Госуд/арственного/ Банка захвачено 670 миллионов золота.

Понед/ельник/ 13 ноября

Сегодня решительный день в ходе нашей чиновничьей забастовки. В Госбанке состоится общее собрание служащих, а вечером собрание делегатов всех учреждений м/инистерст/ва ф/инансо/в. У меня очень тревожные дни. Завтра нас уволят от службы, призывают на военную службу, выселяют из казенных квартир. Я упаковываюсь, стараюсь относиться спокойно, но на душе очень тяжело. Не решил еще, как устрою свою жизнь, поселюсь ли со своими на Галерной или постараюсь найти отдельную квартиру.

14 ноября 1917г.

Из-за увольнения К.Е.Замена у нас в Кред/итной/ Канц/елярии/ с сегодняшнего дня полная забастовка.

Упр/авляющим/ Госб/анком/ назначен некто Станислав Пестковский, комиссаром по Госб/анку/ - Валер/ия/ Оболенский. Посольства продолжают опровергать слухи о предстоящем своем отъезде.

Брендстрем, кот/орого/ я видел в субб/оту/ у гр/афини/ Клейнмихель, говорит, что слухи о мире - вздор, т.к. Германия не согласится заключать мира с теперешним правительством.

Я занят укладкой своих пожитков. Не знаешь, когда придется выбираться.

Среда 15 ноября 1917г.

У нас в м/инистерст/ве продолжается полная забастовка. В М/инистерстве/ И/ностранных/ Д/ел/ появилось несколько штрейкбрехеров: Доливо-Добровольский дир/ектор/ деп/артамента/ личного состава и с ним 4 чиновников, в том числе Чельцов "Августовский" - бывшие правоведы. В каждом стаде бывают паршивые овцы.

Запрещены междугородные телефонные разговоры "явно контр-революционного содержания". Группа квартиранимателей-большевиков спроектировала квартирный закон, согласно которому отсрочивается на 6 месяцев внесение квартирной платы до 1.200 р/ублей/ в год. Никто не может пользоваться больше, чем одной комнатой на каждого члена семьи. Производится немедленная

секвестр особняков, гостиниц, домов терпимости и свиданий.

16 ноября 1917г.

Госуд/арственные/ банки и все частные банки объявили полную забастовку на три дня в знак протеста против попыток большевиков захватить Госуд/арственный/ Банк. Сегодня будет вскрыта касса Госбанка.

По М/инистерст/ву Ин/остранных/ Дел продолжаются массовые увольнения чиновников, причем титулованные лица значатся: бывший барон, бывш/ий/ князь, б/ывший/ граф.

16-X1-17

Обедал в Английском офицерском собрании. Нового ничего. Те же разговоры о протесте военных миссий и ряд печальных анекдотов о нашей действительности.

Суббота 18-X1-17

Настроение с каждым днем становится хуже и хуже. Забастовка наша продолжается, и кто знает, быть может, продолжится до открытия Учредительного Собрания, т.е. до 28 ноября. Я совершенно свободен и должен был бы использовать это время для работы по моим акционерным обществам и для чтения. Но, к несчастью, работоспособность моя равна нулю. Положительно не в состоянии сосредоточиться и работать. Все время невольно испытываешь тревожное настроение. Несомненно этому способствует то, что я еще живу на казенной квартире и с минуты на минуту могу ожидать, что меня с нее выгонят, а, главное, разгромят.

Дома сидеть в одиночестве очень тягостно и даже жутко. Провел вчера вечер у американцев, но нового ничего не узнал, они так же мало знают, как и мы, и еще меньше понимают. Гадали о том, что нас ожидает.

Я лично смотрю очень мрачно. Впереди еще много несчастий: 1. Катастрофическое повальное бегство солдат из окопов, все разрушающее и уничтожающее на своем пути и распространяющее еще большую анархию по всей стране, кроме разве Области Войска Донского, где казаки окажут сопротивление. 2. Голод всеобщий, но в особенности в Петрограде. Россия разделится на Север и Юг, и Юг не даст хлеба для дальнейшего "углубления" революции на Севере. 3. Жестокая безработица. Масса солдат явится в города, т.к. в деревне им делать нечего, много за-

водов принуждено будет закрыться отчасти из-за отсутствия топлива и сырых материалов, отчасти же из-за неспособности к производству мирного времени. В результате - банды голодных, безработных, озлобленных и неудовлетворенных пресловутой свободой товарищей. 4. В виде апофеоза - повсеместные жидовские погромы, которые, конечно, не смотря на всю их привлекательность для души, нельзя приветствовать разумом.

В этом апофеозе выльется вся безграничная злоба, которая во всех накопилась, без различия сословий и партий, и после бури, наконец, наступит успокоение страстей. Так мне представляется ход событий. Отдельные части России будут "самоопределяться" дондеже это им самим не омерзает и пока они не сольются снова в русском море, возглавленном монархией.

Мне говорили сегодня две интересные вещи: первое, что большевистское движение в тоже время монархическое и что подп/олковник/ Муравьев¹ в душе своей монархист, а не большевик. Поэтому бой под Пулковым велся таким образом, что доблестных красногвардейцев пало множество, а у казаков потери были весьма незначительны.

18-XI-17

Наша чиновничья забастовка приобретает большое значение. В стране и без того анархия, а непризнание чиновниками СНК имеет большое моральное значение для всех внепетроградских мест. И даже союзники говорят большевикам: "Как мы можем вас признавать, если ваши же министерства вас не желают признавать."

В начале я все время был против забастовки, теперь же я готов голосовать за продолжение забастовки до Учредительного Собрания.

Воскр/есенье/ 19 ноября 1917г.

Третья неделя нашей чиновничьей забастовки закончилась, но ничего еще не знаешь, когда она будет ликвидирована, а, главное, - как. По-видимому, она продолжится до Учредительного Собрания, т.е. до 28 ноября. Неопределенность положения очень томительна. Но, насколько я в начале ее не сочувствовал,

¹ М.А.Муравьев (1880-1918) - после октябрьского переворота командующий Петроградским военным округом, с июня 1918 - командующий Восточным фронтом. В июле 1918 заявил, что разрывает Брестский мир, возобновляет войну с Германией. Убит в перестрелке с большевиками, решившими арестовать его.

настолько же теперь признаю ее целесообразной.

Материальный вред, приносимый забастовкой, несравненно менее ее морального значения.

Т.к. балансы Госб/анка/ не публикуются - неизвестна сумма кредитного обращения. Мы опять накануне новой гражданской войны

Понед/ельник/ 20 ноября

Впервые двадцатого числа бедные чиновники жалованья не получают: забастовка продолжается. С квартиры меня еще не выселили, и реальных угроз еще никаких не было.

Из-за разгона Городской Думы большевиками возможна забастовка протеста всех городских предприятий. Точных известий о начавшихся вчера переговорах о перемирии пока нет. По городу блуждают немецкие офицеры, снабженные разрешениями большевистского правительства. Попадают на улицах и немецкие солдаты. Нет никаких сомнений, что все восстание организовано немцами и на немецкие деньги, хотя, быть может, и при благосклонном участии черносотенцев. О связи между большевиками и черносотенцами много разговоров.

Подозрительно поведение полк/овника/ Муравьева. У Алексея Суворина¹ в Смольном чуть ли не свой кабинет. Вырубова², говорят, в дружбе с женой Каменева.

Вторник, 21-го ноября 1917

Арестованы члены Временного Правительства. Вчера были закрыты все буржуазные газеты. Забастовка правительственных служащих окончится 28 ноября, в день созыва Учред/ительного/ Собр/ания/. М/инистерст/во Продовольствия все время продолжало работать. Теперь же из-за появления большевистских комиссаров, матросов и красногвардейцев объявило полную забастовку.

Среда, 22 ноября

Правительствующий Сенат в общем собрании внес решение о непризнании СлК. Рабочие сенатской типографии отказались печатать это контрреволюционное решение.

Четв/ерг/ 23 ноября

По М/инистерству/ В/нутренних/ Д/ел/ сегодня будет про-

1 А.С.Сувор. . публицист, умер в 1912г.

2 Анна Вырубова, фрейлина, была близка к Г.Распутину.

изводиться набор новых чиновников. Саботирующие чиновники должны очистить квартиры к 27 ноября. Я перееду 26-го на Моховую в квартиру гр/афини/ Пален.¹

Нар/одный/ Ком/иссар/ по просвещению Луначарский посетил вчера министерство. Все служащие были приглашены на собрание, однако присутствовали только "пролетарии просвещения" - младшие служащие. Сегодня от домового комитета приносили бюллетень для выборов в Городскую Думу. Я отказался принять, считая, что Дума существует и роспуск ее незаконен.

В случае разгона Учредительного Собрания Центр/альный/ Продов/ольственный/ Союз в Москве постановил объявить всероссийскую продовольственную забастовку.

27 ноября 1917г., понедельник

Новые большевистские выборы в Центральную Городскую Думу. Все враги пролетариата и крестьянства решили бойкотировать эти выборы. Завтра должно было открыться Учредительное Собрание, но по постановлению большевиков, пока не соберется 400 членов - Уч/редительное/ Собр/ание/ не откроется. Происходит ряд митингов в защиту Учредит/ельного/ Собрания. С/оциалисты/-р/евOLUTIONеры/ стараются вовсю.

Саботаж чиновников продолжается. Комиссарами запрещен чиновникам доступ в помещения министерств. В ночь на 25-е разгромлен Английский клуб, похищено и перебито все вино. Дворянский и Крестьянский банки упразднены.

28 ноября

Сегодня должно собраться Учредит/ельное/ Собрание, но не соберется. С.-Р. газеты по этому поводу захлебываются от негодования и уверяют, что карта большевиков . . . будет скоро бита. По-моему, это вздор. Прошло время для партийной борьбы, наша революция приобрела стихийную силу, которую политикой не остановишь. Части Петроградского гарнизона заменяются латышами. Большевики хотят вывести семеновцев и преображенцев.

29 ноября 1917г.

Был занят переездом на новую квартиру, на казенной оста-

1 Константин Иванович Пален - граф, статссекретарь во времена Николая II.

ваться было невозможно, ежеминутно могли появиться красногвардейцы и вышвырнуть меня вместе с пожитками на улицу. Большевики, по всеобщему признанию, весьма лжбезны и обязательны ко всем тем, кто к ним обращается и вообще имеет с ними дело, но таковых пока немного.

Совет Нар/одных/ Ком/иссаров/ объявил, что Учред/ительное/ Собрание будет открыто не раньше, как соберется 400 членов. Вчера открытие Собрания фактически все-таки состоялось при наличии 60 членов, но сегодня матросы и красногвардейцы оцепляют Таврический дворец и не пропускают на собрание.

Среда 29 ноября

Вчера, по случаю предполагавшегося открытия Учред/ительного/ Собрания, ожидалось беспорядки. Все магазины и банки были закрыты. Летучие митинги разгонялись красногвардейцами. Все частные автомобили реквизированы. В Таврич/еском/ дворце - вооруженные латыш, русским полкам большевики недостаточно доверяют. Учредилка - не состоялась.

30 ноября 1917г.

"Наш век", заменивший "Речь", продолжает вопить по поводу разгона Учредилки.

1-X11-17

Хлебный паек увеличен до 3/4 фунта.

Рыночная цена золота - 45-50 руб/лея/, платины - 140 руб/-лея/.

2 декабря 1917г., суббота

Чиновничий саботаж продолжается. В Кред/итной/ Канц/елярии/ работа не налажена. Во главе канцелярии - т. Аксельрод. С 4 декабря начнется забастовка дворников и швейцаров. Придется самому носить дрова.

Воскресенье, 3 декабря

Г-жа Коллонтай разъезжает по институтам и на места классных дам назначает горничных, а место инспектора Екатерин/инского/ Института предложила старшему дворнику. Много слухов о том, что в ближайшем будущем в Петроград явятся немецкие войска, на престол будет возведен цесаревич Алексей, а регентом будет назначен не то Гессенский, не то Баварский принц. Хуже не

будет, и многие предпочитают видеть здесь тысячу шуцманов, чем сотню красногвардейцев. "День" называет "Правду" не официозом, а рупором для той банды, которая продолжает сохранять свою власть над Петроградом и частью России.

Понед/ельник/ 4-го декабря 1917г.

Сегодня днем опять была стрельба на углу Караванской и Итальянской, у винного погреба. Бастуют швейцары и дворники. Парадный подъезд закрыт, и дрова не принесены. Завтра я пойду сам с Американцем за дровами.

Сегодня я простоял два часа, чтобы получить по чеку в Русско-Английском банке 1000 рублей.

Среда 6 декабря

Сегодняшний праздничный день оказался для меня чрезвычайно занятым. Утром было заседание Правления Русского Торгово-промышленного акционерного Общества, в котором я состою директором. Затем беседовал с норвежцами и гр/афом/ Бергом о делах Русско-Норвежского Общества электрохимической промышленности, в кот/ором/ я числюсь членом правления, и, наконец, с 4 до 7-ми происходили переговоры с братьями Вавельберг¹ о покупке Петроградского Торгового Банка. Если только у нас не произойдет полной трагедии, можно рассчитывать, что дело это благополучно окончится. Политические дела меня перестали интересовать. Надо терпеливо выжидать событий.

Слава Богу, что мои не уехали ни в Таганрог, ни в Москву. Навсегда останется памятным выражение Керенского: "Взбунтовавшиеся рабы." Из-за забастовки швейцаров парадный подъезд закрыт, а из-за забастовки дворников мне приходится вместе с Американцем таскать дрова. Вчера произошел целый скандал, т.к. дворники не дают ключей от дворного сарая. Пришлось обратиться в комиссариат.

8 декабря 1917г.

Мой американец туманно говорит, что через несколько недель

¹ Вавельберги - владельцы банков, основали в 1886г. торговый дом "Вавельберг" с отделениями в Петербурге и Варшаве. В 1911г. этот торговый дом преобразован в Петроградский Торговый Банк, а в 1913г. Варшавское отделение преобразовано в Западный Банк. Не ясно, для кого покупал автор у Вавельберга Петроградский Торговый Банк. Для себя?

Петроградскій Торговый Банкъ

Невскій пр., № 7-9, домъ Вавельбергъ.

ОТДАЮТСЯ
ВЪ НАЕМЪ БЕЗОПАСНЫЕ ЯЩИКИ (Sates)
отъ 3 рублей.

Неогорожденный складовой

для приёма на храненіе сундуковъ, ящичковъ и т. п.
съ драгоценностями 2 рубля за кубическій
аршинъ въ мѣсяцъ.

Приёмъ процентныхъ и дивидендныхъ бумагъ
на храненіе съ управленіемъ.

Объявление, помещенное Петро-
градским Торговым Банком в
справочнике 1916г.

здесь будут немцы, что это уже официально известно, и всем дипломатам придется покинуть "гостеприимные" невские берега. Что вместо товарищей у нас скоро будут шущманы - /против/ я решительно ничего не имею, но против разрыва с союзниками протестую.

4 месяца продолжается на Руси анархия. Не довольно ли? Отчего над Петроградом не летают германские цеппелины? Отчего наши союзники не прислали сюда карательных отрядов? Доколе будет продолжаться углубление революции? Вчера разогнан Викжель.

На улицу вечером пренеприятно выходить: всюду темнота, слышны выстрелы. Да и дома сидеть не весело: из-за забастовки дворников нет никакой охраны и всякий может войти во двор и влезть в квартиру. По чекам выдается только до 1000 рублей. Начались по вечерам ограбления и раздевания буржуев. Снимают пальто и даже пиджаки. Я выхожу в стареньком красногвардейском пальто и оставляю часы и кольца дома.

8-Х11-1917

Ликвидирована забастовка дворников и швейцаров.

9 дек/абря/, суббота

Большевики захватили Киев и Харьков. Тем лучше, украинцы еще зловеднее. Я с невыразимой злобой думаю о деятельности в течение 9 месяцев Временного Правительства. Это было сплошное глумление над истинной свободой. В конце концов начинаешь сочувствовать большевикам, если не их программе, то, по крайней мере, тому, что революция и ее "завоевания" сведутся к нулю благодаря aberrации ad absurdum социалистических насаждений большевиков. Думаю, что солдаты скоро накомстылят красногвардейцам: ведь обидно же одним получать жалованья 5 рублей в месяц, а другим 30 руб/лея/ суточных. При таких обстоятельствах забывается равенство и братство и прочие великие лозунги.¹

Газеты выходят без объявлений. Не знаешь даже кто умер за это время. Какая трагедия должна быть на душе истинного социалиста, когда видишь как все рушится.

Находящиеся в тяжелом материальном положении офицеры образуют трудовые артели. Некоторые поступили грузчиками на Николаевскую дорогу, другие скалывают снег, третьи - нанялись в дворники.

9-X11-17

В связи с пьяными погромами в Петрограде введено осадное положение. Революционные войска и красногвардейцы перепиваются. Продовольственный вопрос с каждым днем ухудшается. Все мечтают увидеть на углах шуцманов вместо проклятых красногвардейцев. Масса слухов. Уверяют, что большевики скорее согласятся на восстановление в России монархии, чем примирятся с буржуазной республикой, и вот почему они ведут ожесточенную борьбу с соглашателями из партий с/оциалистов/-р/еволюционеров/ и с/оциал/-д/емократов/.

12-X11-1917

Вся наша теперешняя жизнь - сплошное ожидание. Мы ждем мира, покоя и порядка.

В случае занятия Петрограда немцами, СНК переберется в Москву. Скатертью дорога.

¹ Согласно сб. "Петроградский Военно-Революционный Комитет. Документы и материалы" (Москва 1966), т.2, стр.111, красногвардейцы получали 10 рублей в день - это примерно соответствовало дневной зарплате рабочего.

В цирке Модерн анархисты устраивают митинги протеста против присуждения к смертной казни в Америке двух анархистов. Американский посол получил угрожающие письма.

13 декабря

Несмотря на тяжелое время и печальное настроение был вчера на танцевальном вечере, устроенном дамами 4-го стрелкового полка. Была Вел/икая/ Кня/иня/ Мария Павловна с Путятиным. Офицеры были в малиновых рубашках и погонах. Приятно немного отдохнуть от политики и мерзостей текущей жизни.

Обокрадена Е.Н.Эйхвальд. Граф Мирбах остановился в Гранд-Отеле.¹ Я был с ним знаком, когда в 1912 году он приезжал в Петроград с Бетман-Гольвегом² и обедал на Елагином у Коковцовых.³

Возможна забастовка водопроводов. Опять у меня на всякий случай наполнена ванна.

16 декабря

Вчера захвачены петроградские частные банки. Арестованы директора. В Москве тоже самое. Объявлена ревизия сейфов. Чтобы не дать возможности сноситься по телефону, все телефоны вчера утром были выключены. Выдача пенсий ограничена 300 р/ублями/ в месяц на семейство.

17 декабря

Распубликован декрет о национализации банков. Все ныне существующие частные акц/ионерные/ банки и банкирские конторы объединяются с Государственным банком. Золото в монете и слитках конфискуется и передается в государственный золотой фонд. Временно/ и/сполняющий/ д/олжность/ Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа установил обязательную трудовую повинность по уборке снега.

Новые стишки на мотив "Ухаря-купца":

"Ешь ананасы
и рябчика жуй,
день твой последний
приходит, буржуя!"

1 Граф Мирбах (Mirbach) - немецкий посол в Петрограде. Мирбах был убит в июле 1918г. двумя левыми эсерами.

2 Бетман-Гольвег (Bethmann-Hollweg) - немецкий канцлер и министр иностранных дел.

3 Обед этот описан (очень коротко) в воспоминаниях Коковцова, "Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919", т.2 (Париж 1933) стр.61.

Часто происходит кровавые самосуды. Вместо И.П.Шипова управляющим Государственным Банком назначен "камергер" Д.В.Безобразов. В день выдают 1/8 ф/унта/ хлеба.

22 декабря

В банках происходит ревизия сейфов и конфискация золота, серебр/яной/ монеты, иностр/анной/ валюты. Возобновились пьяные погромы. Разгромлен Импер/аторский/ Яхтклуб. На Морской стрельба.

Рождественский сочельник

Решил устроить у себя елку. Вместо ненужных картонажей купил кустарные игрушки. Елку купил у товарища на улице. Но на душе очень тяжело. Россия как единое целое навсегда умерла.

Началась ревизия сейфов.

Среда 27 декабря

Второй день продолжается снежная метель. Трамвай не ходит с 24-го числа.

Пятница 29 декабря

Sir George Buchanan¹ передал представительнице женского взаимноблаготворительного Обществ/а 100.000 рублей для раздачи пособий семьям наиболее нуждающихся офицеров.

Наш рубль снят с котировки на зап/адно/европейских биржах.

Суббота/ 30 декабря

Из-за отсутствия топлива почти нет электричества. Картофель стоит 1 р/убль/ фунт, свежая капуста 70 копеек - цены неслыханные.

Воскресенье 31 декабря 1917г.

Прекращены платежи по купонам и дивидендам. Воспрепятствуются все сделки с ценными бумагами. . .

Выборы въ Учредительное Собрание.

I.

Активное и пассивное избирательное право.

Выборы въ Учредительное Собрание будутъ произведены на основѣ всеобщаго, безъ различія пола, и равнаго избирательнаго права,—такъ, въ полномъ согласіи съ требованіями демократіи, устанавливаетъ ст. 1 Положенія о выборахъ.

Демократическая формула избирательнаго права усвоена въ настоящее время многими странами Стараго и Новаго Свѣта, но не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что нигдѣ въ мірѣ эта формула не проведена съ такой неукоснительной послѣдовательностью, какъ это сдѣлано въ законѣ о выборахъ въ Учредительное Собрание. Нашъ законъ выгодно отличается отъ самыхъ демократическихъ избирательныхъ законовъ другихъ странъ именно тѣмъ, что необходимыя ограниченія избирательнаго права заключены въ немъ въ самыя тѣсныя рамки и распространяются только на лицъ, участіе которыхъ въ выборахъ было бы противно либо здравому смыслу, либо здравому нравственному чувству.

Наиболѣе существеннымъ съ практической точки зрѣнія является ограниченіе возрастное, т. е. требованіе избирательнаго закона, чтобы въ выборахъ приняли участіе лица не моложе опредѣленнаго возраста. Насчетъ установленія этого возрастнаго предѣла въ демократической средѣ намѣтились два теченія. Оба они сходились въ томъ, что политическое совершеннолѣтіе, т. е. возрастъ, начиная съ коего гражданинъ долженъ пользоваться избирательнымъ правомъ, не слѣдуетъ приравнивать къ возрасту гражданскаго совершеннолѣтія (по нашимъ законамъ—21 годъ), ибо этотъ возрастъ слишкомъ высокъ. Но въ то время какъ одни предлагали установить возможно болѣе ранній возрастъ политическаго совершеннолѣтія, примѣрно, 18 лѣтъ, другіе находили этотъ возрастъ слишкомъ низкимъ и рекомен-

Из брошюры "Спутник избирателя в Учредительное Собрание". — Петроград: Издание Юридического Отдела Петроградскаго Областнаго Комитета Всероссийскаго Союза Городов, 1917.

довали остановиться на нормѣ въ 20 лѣтъ. Двадцатилѣтній возрастъ въ Россіи принять какъ нормальный возрастъ отбыванія воинской повинности, а кромѣ того, на этой возрастной нормѣ построены и новые законы о выборахъ органовъ мѣстнаго самоуправления. Къ этому второму мнѣнію примкнули и составители Положенія. „Правомъ участія въ выборахъ въ Учредительное Собраніе пользуются россійскіе граждане обоего пола, коимъ ко дню выборовъ исполнится 20 лѣтъ“, гласитъ ст. 3 Положенія. Въ силу этой статьи избирателями будутъ всѣ тѣ, кому исполнится ко дню выборовъ 20 лѣтъ, и такіе избиратели должны быть заносимы въ избирательные списки, хотя бы во время составленія этихъ списковъ имъ не минуло еще 20 лѣтъ.

Важно примѣчаніе къ приведенной статьѣ. Оно устанавливаетъ льготу для военнослужащихъ, а именно: военнослужащіе пользуются правомъ участія въ выборахъ, если они достигнутъ ко дню выборовъ возраста, установленнаго для послѣдняго досрочнаго призыва (18 лѣтъ). Это значитъ, что всѣ призванные на военную службу и не уволенные изъ рядовъ войскъ пользуются избирательнымъ правомъ независимо отъ возраста, а на ряду съ ними участвуютъ въ выборахъ также 18 лѣтніе и 19 лѣтніе, которые добровольно пошли служить отечеству (охотники, вольноопредѣляющіеся, офицеры, воспитанники юнкерскихъ училищъ и школъ прапорщиковъ, женщины-военнослужащія.)

Статья 3 Положенія устанавливаетъ, между прочимъ, еще одно ограниченіе избирательнаго права: къ выборамъ допускаются только россійскіе граждане. Другими словами, иностранцы, проживающіе на территоріи Россіи, исключаются изъ числа избирателей. Учредительное Собраніе призвано выразить волю россійскаго народоправства, и было бы странно, чтобы въ созданіи воли державнаго народа Россіи принимали участіе лица, не принадлежащія къ числу россійскихъ гражданъ. Но лица, принятыя въ россійское гражданство изъ подданства иностранныхъ государствъ, пользуются избирательнымъ правомъ. Равнымъ образомъ причисляются къ избирателямъ финляндскіе уроженцы, проживающіе въ Россіи, и эвакуированное населеніе губерній бывшаго Царства Польскаго.

Столь же понятна статья 4 Положенія, въ силу которой „не участвуютъ въ выборахъ признанные въ установленномъ законѣ порядкѣ безумными или сумасшедшими, а также глухонѣмые, находящіеся подъ опекой“. Участіе въ выборахъ должно быть актомъ сознательнымъ, а посему тотъ, кто неспособенъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, устраняется отъ выборовъ. Во избѣжаніе злоупотребленій, законъ однако опредѣленно указываетъ, что не всѣ, кого въ обществѣ называютъ сумасшедшими или безумными, лишены избирательнаго права; лишеніе это распространяется только на случаи сумасшествія и душевной болѣзни, признанные таковыми въ законномъ порядкѣ.

Равнымъ образомъ не всѣ глухонѣмые устраняются отъ выборовъ, а только тѣ изъ нихъ, которые находятся подъ опекой; въ силу же нашихъ законовъ, опека учреждается лишь надъ глухонѣмыми, которые не обладаютъ способностью выражать свою волю и мысли.

Особую группу лишенныхъ права участія въ выборахъ составляютъ лица, подвергшіяся осужденію за преступныя дѣянія. Авторитетъ Учредительнаго Собранія требуетъ того, чтобы въ созданіи носителя верховныхъ правъ народа не участвовали явные преступники. Поэтому, хотя суженіе круга лицъ, принимающихъ участіе въ выборахъ, представляется нежелательнымъ и нарушающимъ начало всеобщности выборовъ, все же неизбѣжно недопущеніе къ выборамъ людей, опороченныхъ по суду. Но не всѣ судившіеся и лишенные правъ по суду должны быть лишены избирательныхъ правъ,—это ограниченіе должно касаться лишь тѣхъ, чье преступленіе носитъ позорящій характеръ. Менѣе важныя проступки, если они не представляются явно позорными, вовсе не должны быть основаніемъ для лишенія избирательныхъ правъ. Наконецъ, въ согласіи съ новѣйшими демократическими теченіями въ наукѣ уголовного права, утрата избирательнаго права лицомъ, впавшимъ въ преступленіе, не должна быть безсрочной,—впавшему въ преступленіе надо предоставить возможность снять съ себя позорящее клеймо, а посему по истеченіи извѣстнаго времени по отбытіи наказанія должно послѣдовать полное возстановленіе въ правахъ. Исходя изъ этихъ соображеній, нашъ избирательный законъ постановляетъ въ ст. 5: До истеченія 10 лѣтъ по отбытіи наказанія лишены права участія въ выборахъ присужденные къ каторжнымъ работамъ, до истеченія 5 лѣтъ по отбытіи наказанія—присужденные къ ссылкѣ на поселеніе, къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, къ заключенію въ исправительномъ домѣ и пр., съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія. Возстановленные въ правахъ состоянія ранѣе этого срока не лишаются избирательнаго права. Такимъ образомъ, въ частности, всѣ пострадавшіе при старомъ режимѣ за свои политическія или религіозныя убѣжденія и нынѣ амнистированные являются полноправными избирателями. До истеченія трехъ лѣтъ по отбытіи наказанія лишены права участія въ выборахъ осужденные за кражу, мошенничество и другія позорящія преступленія, перечисленныя въ п. 2 статьи 5.

Военнослужащіе (ст. 6) ¹⁾, сверхъ того, въ теченіе тѣхъ же трехъ лѣтъ, лишаются права участія въ выборахъ, если они признаны виновными въ промотаніи выданныхъ имъ (или другимъ

¹⁾ Ссылки на статьи здѣсь и въ дальнѣйшемъ означаютъ ссылки на статьи Положенія о выборахъ.

нижнимъ чинамъ) для употребленія казенныхъ вещей ¹⁾, и если виновнымъ добровольно не пополнено растраченное или промотанное имъ.

Въ изыятіе изъ общаго правила не лишаются избирательнаго права осужденные за кражу, если кража совершена по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и ра-

¹⁾ Приводимъ текстъ статей закона, на которыя сдѣланы ссылки въ ст. 9 Положенія о выборахъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что признанные виновными въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ *первою* и *второю* частью ст. 162 Воинск. Уст. о Наказ. и *первою* и *второю* частью ст. 162 Военно-Морск. Уст. о Наказ., не лишаются права участія въ выборахъ.

Воинскій уставъ о Наказаніяхъ (Св. Воен. Пост. 1869 г., кн. XXII, изд. 4). Ст. 162: Нижніе чины, виновные въ промотаніи выданныхъ имъ для употребленія казенныхъ аммуниционныхъ и мундирныхъ вещей, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ ниже въ ст. 163, подвергаются:

въ первый разъ,—
одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ;
во второй разъ,—
одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ;

въ третій разъ,—
потерѣ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ и отдачѣ въ дисциплинарныя части отъ одного года до трехъ лѣтъ.

Ст. 163. Нижніе чины, виновные въ промотаніи выданныхъ имъ для употребленія казенныхъ: холоднаго оружія, патроновъ, огнестрѣльныхъ припасовъ или лошади, подвергаются:

потерѣ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ и отдачѣ въ дисциплинарныя части отъ одного года до трехъ лѣтъ.

Ст. 165¹. Наказаніямъ, опредѣленнымъ въ предшедшихъ 163, второй части 164 и 165 статьяхъ, подвергаются также нижніе чины, виновные въ промотаніи, умышленной порчѣ и умышленномъ безъ уважительной причины покинутахъ казеннаго оружія, патроновъ и лошади, выданныхъ для употребленія другимъ нижнимъ чинамъ.

Ст. 168. Если виновный въ преступленіяхъ, означенныхъ въ статьяхъ 162, 163, 164, 165, 166 и 167 сего устава, добровольно пополнить растраченное и промотанное имъ, то наказаніе назначается одной или двумя степенями ниже.

Военно-Морской Уставъ о Наказаніяхъ (Св. Морск. Пост., кн. XVI, изд. 1915 г.). Ст. 162. Нижніе чины, виновные въ промотаніи выданныхъ имъ для употребленія казенныхъ аммуниционныхъ и мундирныхъ вещей, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 163, подвергаются:

въ первый разъ,—
содержанію въ военно-исправительной тюрьмѣ морского вѣдомства отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ;

во второй разъ,—
содержанію въ военно-исправительной тюрьмѣ морского вѣдомства отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ;

въ третій разъ,—
потерѣ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ и отдачѣ въ дисциплинарныя баталіоны или роты отъ одного до трехъ лѣтъ.

Ст. 163. Нижніе чины, виновные въ промотаніи выданныхъ имъ для употребленія казенныхъ: холоднаго оружія, патроновъ или огнестрѣльныхъ припасовъ, подвергаются:

потерѣ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ и отдачѣ въ дисциплинарныя баталіоны или роты отъ одного до трехъ лѣтъ.

ботъ¹⁾, равно какъ осужденные за растрату, если растрата совершена только по легкомыслію²⁾. Для военнослужащихъ установлено еще одно изъятіе: если военнослужащему отбытіе положеннаго по суду наказанія отсрочено до окончанія войны, то онъ не лишается права участія въ выборахъ (ст. 6, вторая часть).

Несостоятельные должники, признанные судомъ злостными банкротами („злонамѣренными“—по официальной терминологіи), лишаются права участія въ выборахъ до истеченія трехъ лѣтъ по таковомъ признаніи (ст. 5, п. 3).

Не допускаются къ участию въ выборахъ и тѣ лица, которые ко времени выборовъ окажутся лишенными свободы въ силу судебныхъ приговоровъ, т. е. всѣ тѣ, кто, отбывая положенное наказаніе, будетъ находиться въ тюрьмѣ, подѣ арестомъ и т. д. (ст. 9).

Во всѣхъ безъ исключенія перечисленныхъ случаяхъ лишеніе избирательнаго права можетъ послѣдовать не иначе, какъ на основаніи судебныхъ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу. Одно привлеченіе къ слѣдствію и суду и даже осужденіе, коль скоро приговоръ не вступилъ въ законную силу, не могутъ служить основаніемъ не допустить гражданина къ выборамъ. Однако, не допускаются къ участию въ выборахъ (ст. 9) лица, находящіяся въ предварительномъ заключеніи, т. е. привлеченныя къ суду, въ качествѣ обвиняемыхъ въ какомъ-либо преступномъ дѣяніи если мѣрою пресѣченія въ ихъ отношеніи избрано содержаніе подѣ стражей. Но содержащіеся подѣ стражей не по постановленію суда или судебныхъ властей имѣютъ право участія въ выборахъ, и тѣмъ самымъ пресѣкается возможность для административной власти устранять кого-либо отъ выборовъ путемъ заключенія подѣ стражу.

Ст. 165, примѣчаніе. Наказаніямъ, опредѣленнымъ въ сей (165) статьѣ, а также въ статьяхъ 163 и 164 (ч. 2) сего Устава, подвергаются также нижніе чины, виновные въ промотаніи, умышленной порчѣ и умышленномъ, безъ уважительной причины, покинутіи казеннаго оружія или патроновъ, выданныхъ для употребленія другимъ нижнимъ чинамъ.

Ст. 167. Если виновный въ преступленіяхъ, означенныхъ въ статьяхъ 162—166 сего Устава, добровольно пополнить растраченное и промотанное имъ, то наказаніе назначается ему одною или двумя степенями ниже.

¹⁾ См. пунктъ 2 ст. 5 Положенія. Цитированная въ этомъ пунктѣ статья 171 *Устава о наказаніяхъ* гласитъ: „Слѣдующее виновному по статьямъ 169—170¹ наказаніе можетъ быть уменьшено до половины:.... 2) если кража совершена по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ“.

²⁾ Приводимъ относящіеся сюда статьи закона, на которыя ссылается пунктъ 2 ст. 5 Положенія.

Уставъ о наказаніяхъ, ст. 177 (часть вторая): „Если же растрата совершена только по легкомыслію, и виновные добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, то они подвергаются: аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ“.

Уложеніе о наказаніяхъ, ст. 1681, часть вторая, въ точности совпадаетъ съприведенной второй частью ст. 177 *Устава о наказаніяхъ*.

Отъ общаго начала лишенія избирательныхъ правъ не иначе какъ по суду или въ силу постановленія судебныхъ властей нашъ законъ отступаетъ въ отношеніи дезертировъ. Законъ (ст. 5, пунктъ 4) лишаетъ права участія въ выборахъ военнослужащихъ, „самовольно оставившихъ ряды войскъ“ ¹⁾. Исключеніе сдѣлано для тѣхъ, кто до истеченія срока для обжалованія избирательныхъ списковъ (объ этомъ срокѣ говорится ниже) представить надлежащее удостовѣреніе о признаніи ихъ отлучки уважительною, или объ искупленіи вины послѣдующею доблестною службою; будутъ включены въ число избирателей и тѣ, кто представить удостовѣреніе о томъ, что они судомъ оправданы, либо присуждены къ наказанію, не сопряженному съ рапортоуказаніемъ.

Особнякомъ стоитъ ст. 10 Положенія, включенная въ законъ по соображеніямъ политическимъ и лишающая какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права всѣхъ членовъ царствовавшего въ Россіи дома Романовыхъ.

Таковы всѣ ограниченія активнаго избирательнаго права. Въ истинно демократическомъ духѣ рѣшаетъ Положеніе и вопросъ о пассивномъ избирательномъ правѣ. На вопросъ, кто можетъ быть избранъ членомъ Учредительнаго Собранія, отвѣтъ закона чрезвычайной простоты: *каждое лицо*, пользующееся правомъ участія въ выборахъ, имѣетъ право выставить свою кандидатуру и быть избраннымъ въ Учредительное Собраніе (ст. 8). Больше того. Для осуществленія правъ избирателя требуются нѣкоторыя формальности: надо быть внесеннымъ въ избирательные списки. Для того же, чтобы имѣть право быть избраннымъ, никакихъ формальностей не установлено: каждое лицо, удовлетворяющее требованіямъ закона, т. е. достигшее 20-лѣтняго возраста и не опороченное, можетъ выставить свою кандидатуру въ любомъ мѣстѣ, хотя бы оно было внесено въ избирательные списки въ другомъ мѣстѣ или вовсе нигдѣ не было внесено въ избирательные списки.

¹⁾ Постановленіе Врем. Правительства, на которое ссылается п. 4 ст. 5 Положенія, гласитъ:

Временное Правительство постановило:

1. Лицъ, самовольно оставившихъ ряды войскъ и не явившихся въ свои части къ 15-му мая сего года, независимо отъ наказанія, которому они подлежатъ по закону: а) лишить права участія въ выборахъ въ Учредительное Собраніе и въ органы мѣстнаго самоуправленія и б) представить Учредительному Собранію о лишеніи ихъ права на полученіе земли при земельной реформѣ.

3. Указанныя въ ст. 1 лица, явившіяся въ свои части послѣ мая 1917 г., могутъ быть возобновлены до суда въ правахъ, означенныхъ въ п. п. а и б ст. 1, и вовсе освобождены отъ отвѣтственности за дезертирство, если доблестнымъ исполненіемъ своего долга изгладятъ свое преступленіе передъ Родиной.

4. Дѣйствіе настоящаго постановленія распространить на все время текущей войны и на тѣхъ лицъ, кои самовольно оставили свои части послѣ 15-го мая сего года или оставляютъ ихъ впредь, а равно на лицъ, кои не явятся безъ законныхъ причинъ по мобилизаціямъ или призывамъ на военную службу.

II.

Избирательные округа и участки.

Для производства выборовъ страна дѣлится на избирательные округа.

Соображенія принципиальныя, съ одной стороны, и практическія, съ другой, приводятъ къ необходимости раздѣленія страны на округа. Если страну не дѣлить на избирательные округа, то каждый избиратель долженъ былъ бы называть столько кандидатовъ, сколько членовъ предполагается въ Учредительномъ Собраніи, т. е. 700—800 именъ, и ясное дѣло, что практически это вещь невозможная. Столь же невозможно было бы производить выборы такимъ способомъ, чтобы каждый избиратель подавалъ голосъ только за одно лицо,—одни кандидаты получили бы очень много голосовъ, другіе—очень мало, и результаты выборовъ опредѣлился бы случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Такова практическая сторона дѣла. Съ принципиальной же стороны необходимо учеть то, что въ каждой странѣ, а тѣмъ болѣе въ такой обширной и разноплеменной, какъ Россія, отдѣльныя мѣстности имѣютъ свои особые интересы, и народное представительство—а тѣмъ болѣе Учредительное Собрание—обязательно должно отражать особенности и своеобразие этихъ мѣстностей. И не одни только мѣстныя и національныя отличія должны найти свое выраженіе въ Учредительномъ Собраніи,—крайне важно представить въ немъ мѣсто всѣмъ вообще теченіямъ политической и общественной мысли, какія существуютъ въ странѣ. Правильно сказано въ объяснительной запискѣ къ Положенію о выборахъ, что избирательная система должна обезпечить возможность представительства всѣмъ болѣе замѣтнымъ политическимъ, національнымъ, профессиональнымъ и другимъ группировкамъ, хотя бы и не представляющимъ по численному составу своему особо значительными въ сравненіи съ общимъ числомъ населенія; необходимо, чтобы голосъ представителей всѣхъ этихъ группъ населенія былъ заслушанъ Учредительнымъ Собраніемъ и былъ принятъ во вниманіе при разрѣшеніи вопросовъ, близко касающихся ихъ насущныхъ интересовъ. Достигнуть такой организации выборовъ можно только въ томъ случаѣ, если избирательные округа будутъ не слишкомъ малы, и если каждый изъ нихъ пошлетъ въ У. Собраніе не по одному, а по нѣскольку депутатовъ, на началахъ пропорціональнаго представительства.

Еще два условія должны быть соблюдены при распредѣленіи страны на округа. Во-первыхъ, при образованіи округовъ слѣдуетъ избѣгать произвольныхъ дѣленій, имѣющихъ цѣлью наро

читое созданіе округовъ съ опредѣленнымъ большинствомъ и меньшинствомъ. Во-вторыхъ, въ интересахъ полного равенства избирательнаго права, надо при распредѣленіи по отдѣльнымъ округамъ мѣсть въ Учредительномъ Собраніи руководиться исключительно численностью ихъ населенія и положить одного депутата всюду на одно и то же число жителей.

Всѣ эти начала справедливаго распредѣленія избирательныхъ округовъ легли въ основаніе нашего избирательнаго закона. *Округомъ* по общему правилу является *губернія*. Губернія издавна и по сей день является у насъ основной административной единицей, къ которой приуроченъ весь строй правительственной машины, и по которой строится также вся организація мѣстнаго самоуправления, а потому проще всего было именно губернію сдѣлать избирательнымъ округомъ. Для правильнаго распредѣленія мѣсть въ У. Собраніи по губерніямъ были собраны возможно болѣе точныя статистическія данныя о дѣйствительной численности ихъ населенія въ настоящее время, т. е. о численности населенія за вычетомъ состоящихъ на военной службѣ и съ учётомъ бѣженцевъ, и затѣмъ была произведена разверстка мѣсть по расчету 1 депутата примѣрно на каждые 200 тысячъ жителей.

Обѣ столицы, Петроградъ и Москва, выдѣлены въ особые избирательные округа. Другіе крупные города, въ отличіе отъ того, что имѣло мѣсто на выборахъ въ гос. думу стараго режима, не отдѣлены отъ своихъ губерній.

Отъ общаго правила, согласно которому избирательный округъ совпадаетъ съ губерніей, сдѣлано нѣсколько исключеній для окраинъ. Здѣсь прежде всего пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбить губерніи на части, чтобы исправить явныя ошибки стараго порядка, при которомъ въ одну административную единицу были соединены разнородныя по населенію мѣстности, а въ другихъ случаяхъ оказалось целесообразнымъ (на Кавказѣ и въ Азіатской Россіи) соединить нѣсколько губерній и областей въ одинъ избирательный округъ. Особое Совѣщаніе по выработкѣ проекта Положенія о выборахъ и затѣмъ Временное Правительство пошли въ этомъ отношеніи навстрѣчу пожеланіямъ мѣстныхъ людей. Если иныя—и довольно настойчивыя—заявленія съ мѣсть остались неудовлетворенными, то лишь потому, что они были непріемлемы принципиально. Всѣ притязанія на выдѣленіе русскаго либо инородческаго населенія опредѣленныхъ мѣстностей въ особые національные округа были отвергнуты, такъ какъ выборы на территоріальной основѣ съ примѣненіемъ пропорціональности обезпечиваютъ интересы группъ меньшинства; предложенія же объ образованіи малочисленныхъ національных или сословныхъ курій, напротивъ, клонились къ тому, чтобы въ предѣлахъ этихъ курій лишить меньшинство фактическаго вліянія на исходъ выборовъ.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОКРУГА.

(Население губерний, областей и пр. указано примѣнительно къ территориям избирательныхъ округовъ, согласно ст. 2 Положенія о выборахъ).

№ избирательныхъ округовъ.	Названіе избирательныхъ округовъ.	Число членовъ У. Собранія *).	Населеніе округа (въ тысячахъ).	Число уѣздныхъ изб. комиссій.	Число городскихъ изб. комиссій.
Губерніи:					
1	Алтайская	13	2.630,6	6	1
2	Архангельская	2	495,5	9	1
3	Астраханская	5	904,3	5	1
4	Бессарабская	12	2.519,6	8	2
5	Витебская	7	1.466,2	11	2
6	Владимірская	9	2.003,4	13	2
7	Вологодская	7	1.528,8	10	1
8	Волынская	9	1.911,5	7	1
9	Воронежская	15	3.186,3	12	1
10	Вятская	16	3.380,3	11	1
11	Екатеринославская	16	3.561,4	8	5
12	Енисейская	6	1.004,4	7	1
13	Иркутская	5	775,9	7	1
14	Казанская	12	2.595,7	12	1
15	Калужская	6	1.229,4	11	1
16	Кіевская	20	4.368,1	12	3
17	Костромская	8	1.636,7	12	1
18	Курская	13	2.839,5	15	1
19	Лифляндская	4	839,8	4	1
20	Минская	14	2.972,3	10	2
21	Могилевская	12	2.268,7	11	2
22	Московская	8	1.715,2	13	—
23	Новгородская	7	1.445,8	11	1
24	Нижегородская	9	1.903,8	11	3
25	Олонецкая	2	401,7	7	1
26	Оренбургская	10	2.189,6	5	2
27	Орловская	11	2.257,7	12	4
28	Пензенская	8	1.834,7	10	1
29	Пермская	17	3.578,3	12	2
30	Петроградская	7	1.125,6	8	2
31	Подольская	18	2.873,9	12	1
32	Полтавская	14	3.038,6	15	2
33	Псковская	6	1.264,8	8	1
34	Рязанская	10	2.194,9	12	1
35	Самарская	16	3.533,8	7	1
36	Саратовская	14	3.138,7	10	2
37	Симбирская	8	1.831,6	8	2

*) По предположеніямъ Особого Совѣщанія для изготвленія проекта Положенія о выборахъ.

№№ избирательных округовъ.	Названіе избирательныхъ округовъ.	Число членовъ У. Собранія *).	Населеніе округа (въ тысячахъ).	Число уѣздныхъ изб. комиссій.	Число городскихъ изб. комиссій.
38	Смоленская	8	1.800,5	12	1
39	Ставропольская	6	1.276,4	8	1
40	Таврическая	9	1.909,3	8	3
41	Тамбовская	15	3.315,1	12	1
42	Тверская	9	1.942,1	12	1
43	Тобольская	10	2.025,9	10	1
44	Томская	8	1.478,2	5	2
45	Тульская	8	1.664,9	12	1
46	Уфимская	13	2.915,7	6	2
47	Харьковская	15	3.311,7	11	2
48	Херсонская	15	3.368,5	6	4
49	Черниговская	12	2.596,8	15	2
50	Эстляндская	6	1.194,9	9	2
51	Ярославская	6	1.248,2	10	2
Области:					
52	Войска Донского	16	3.600,8	9	3
53	Забайкальская	6	1.071,6	8	1
54	Закаспійская	2	438,0	4	1
55	Камчатская	1	41,4	6	1
56	Самаркандская	5	1.145,5	4	1
57	Семирѣченская	6	1.307,9	6	1
58	Сырѣ-Дарьинская	8	1.803,6	5	1
59	Тургайская	5	977,3	4	1
60	Уральская	6	1.142,5	5	1
61	Ферганская	10	2.190,2	5	6
62	Якутская	2	271,3	5	1
Столицы:					
63	Петроградъ	11	2.379,0	—	—
64	Москва	9	1.914,0	—	—
Округа:					
65	Аму-Дарьинскій	1	232,6	—	—
66	Закавказскій	32	7.026,7	45	11
67	Кубанско-Черноморскій	14	2.974,3	10	4
68	Терско-Дагестанскій	10	2.040,8	19	4
69	Ордынскій	2	307,3	—	—
70	Пріамурскій	6	925,0	8	4
71	Прикаспійскій	1	183,3	—	—
72	Степной	13	2.748,2	10	3
73	Округъ Китайско-Восточной ж. дороги	1	65,8	—	—

Всего 683 члена Учредительнаго Собранія *); сверхъ того въ Учредительное Собраніе войдутъ члены отъ арміи и флота и отъ мѣстностей, временно занятыхъ непріателемъ.

*) По предложеніямъ Особого Совѣщанія для изготавленія проекта Положенія о выборахъ.

Полный перечень избирательных округов даетъ ст. 2 Положенія; въ ней указаны и отступленія отъ начала, по которому округомъ является губернія. Что касается мѣстностей, занятыхъ сейчасъ непріятелемъ, то выборы отъ нихъ предусмотрены въ отд. V Постановленія Врем. Правительства отъ 20 іюля 1917 г.

Избирательные округа образуются для производства выборовъ, но это единица слишкомъ крупная, чтобы избиратель непосредственно въ округѣ могъ осуществить свое право участія въ выборахъ. Необходимо дѣленіе, болѣе близкое къ избирателю и меньшее по своей территоріи. Таковымъ является избирательный *участокъ*: въ цѣляхъ подачи голосовъ всѣ округа дѣлятся на участки (ст. 2, послѣдняя часть). Такъ какъ избиратели могутъ подавать голосъ на выборахъ не иначе, какъ лично, то чѣмъ меньше территорія участка, тѣмъ меньшій трудъ потребуетъ отъ избирателя въ день выборовъ, чтобы отправиться въ избирательное помѣщеніе и воспользоваться своимъ правомъ голоса. И наоборотъ, большіе участки могутъ привести къ тому, что масса избирателей, проживающихъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ центра участка, при всемъ своемъ желаніи на выборы не попадутъ. Слишкомъ мелкими участки однако тоже нельзя устраивать,—тогда для производства выборовъ потребовалось бы слишкомъ много учреждений и лицъ. Раздѣленіе округа на участки должно быть сообразовано съ мѣстными условіями, посему законъ предписаній на этотъ счетъ не содержитъ, указываетъ только, кто долженъ озаботиться образованіемъ избирательныхъ участковъ.

Законъ возлагаетъ на уѣздныя и городскія по дѣламъ о выборахъ комиссіи обязанность составлять планы распредѣленія уѣзда или города на участки и представлять ихъ въ окружную по дѣламъ о выборахъ комиссію (ст. 19, п. 2). Разсмотрѣніе заявленій, поступающихъ на этотъ счетъ, и окончательное утвержденіе распредѣленія предоставлено окружнымъ комиссіямъ (ст. 16, п. 2).

Болѣе подробныя указанія мы находимъ въ Наказѣ ¹⁾. Послѣдній предлагаетъ придерживаться въ городахъ по возможности того же дѣленія, какое было уже установлено на выборахъ въ городскія думы. Что касается волостей, то онѣ подлежатъ раздѣленію на тѣ же участки, какіе были образованы при земскихъ выборахъ. Если при городскихъ или земскихъ выборахъ

¹⁾ Наказъ о примѣненіи Положенія о выборахъ имѣетъ быть изданъ Временнымъ Правительствомъ. Особое Совѣщаніе, которому поручено составленіе проекта Наказа, къ моменту составленія настоящаго очерка (начало августа) одобрило уже въ первомъ чтеніи проектъ статей Наказа, относящихся къ разсматриваемой части Положенія о выборахъ. Этотъ проектъ Наказа нами и былъ использованъ, какъ наиболѣе важный матеріалъ для истолкованія избирательнаго закона.

обнаружилось существенное неудобство принятаго дѣленія на участки, и представляется желательнымъ измѣнить границы участковъ или мѣстонахождение участковыхъ комиссій, то уѣздная или городская комиссія должна въ своемъ представленіи отмѣтить это обстоятельство и привести свои соображенія по этому предмету. Многолюдныя волости можно разбивать на два или нѣсколько избирательныхъ участковъ (желательно, чтобы въ участкѣ было не больше 2000 избирателей), а двѣ или нѣсколько малонаселенныхъ волостей можно соединять въ одинъ участокъ. Какъ только уѣздная или городская комиссія составитъ свой планъ распредѣленія уѣзда (города) на участки, она представляетъ его на утвержденіе окружной комиссії и одновременно объявляетъ его во всеобщее свѣдѣніе. Объявленіе должно послѣдовать за 10 дней до дня, назначеннаго для приступа къ составленію избирательныхъ списковъ, и въ теченіе 5 дней по объявленіи плана распредѣленія на участки каждый избиратель можетъ подать заявленіе о замѣченныхъ имъ неправильностяхъ въ планѣ. Эти заявленія подаются черезъ уѣздныя и городскія комиссіи и рассматриваются въ окружной комиссії, которая не позднѣе, чѣмъ за 2 дня до приступа къ составленію избирательныхъ списковъ, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе установленное ею окончательное дѣленіе округа на избирательныя участки.

III.

Учрежденія, завѣдывающія производствомъ выборовъ.

Такъ какъ страна для производства выборовъ раздѣлена на округа, а округа въ свою очередь подраздѣляются на избирательныя участки, то надлежитъ имѣть въ каждомъ округѣ учрежденіе, въ которомъ было бы сосредоточено все производство выборовъ по округу, а въ участкѣ—учрежденіе, съ которымъ избиратель приходилъ бы въ непосредственное соприкосновеніе. Это и предусмотрено Положеніемъ о выборахъ въ видѣ окружныхъ и участковыхъ комиссій. Обширность же нашихъ избирательныхъ округовъ, губерній, и неудовлетворительность путей сообщенія во многихъ изъ нихъ дѣлаетъ необходимымъ созданіе еще одной промежуточной инстанціи: кромѣ окружныхъ и участковыхъ комиссій, будутъ созданы уѣздныя по дѣламъ о выборахъ въ У. Собраніе комиссії, а въ городахъ губернскихъ или имѣющихъ населеніе свыше 50 тыс. жителей—городскія комиссіи.

Въ столицахъ, которыя выдѣлены въ особые округа, опускается моментъ пространственной обширности округа. Здѣсь можно обойтись безъ промежуточной инстанціи, и для этихъ двухъ округовъ созданы specialныя столичныя комиссіи, кото-

рыя совмѣщаютъ права и обязанности комиссій окружныхъ и городскихъ (ст. 20).

Составъ всѣхъ комиссій точно указанъ въ ст. 15 (окружныя комиссіи), 17 (уѣздныя), 18 (городскія), 20 (столичныя) и 21 (участковыя) Положенія. Въ комиссіи, какъ видно изъ этихъ статей, входятъ представители или избранники органовъ мѣстнаго самоуправления и чины судебного вѣдомства. Къ этому основному составу комиссій позднѣе (за 23 дня до выборовъ) присоединяются представители отъ каждой группы избирателей, заявившей кандидатскій списокъ.

Устанавливая такой составъ избирательныхъ комиссій, составители закона исходили изъ того, что веденіе выборовъ должно быть поручено учреждениямъ, демократически избраннымъ, являющимся представителями *всего* населенія данной мѣстности. Кромѣ того, завѣдующіе производствомъ выборовъ должны быть близко знакомы съ мѣстными бытовыми условіями и должны имѣть навыкъ къ общественной работѣ. Всѣмъ этимъ условіямъ и удовлетворяютъ дѣятели мѣстнаго самоуправления. А чтобы обезпечить полную безпартійность выборныхъ дѣйствій, въ избирательныя комиссіи введены еще представители судебного вѣдомства, какъ лица, призванныя стоять на стражѣ закона и охранять его отъ нарушеній съ чьей бы то ни было стороны. Наконецъ, въ видѣ представителей кандидатскихъ списковъ комиссіи восполняются гражданами, представляющими имѣющіеся въ данномъ мѣстѣ политическія и общественныя теченія.

Но на мѣстахъ не всюду уже имѣются тѣ самые демократически избранные органы мѣстнаго самоуправления, которые должны посылать изъ своей среды или избирать членовъ окружныхъ, уѣздныхъ и участковыхъ комиссій. Въ городахъ дѣло обстоитъ болѣе или менѣе благополучно: выборы въ новыя городскія думы въ полномъ ходу, и надо думать, что въ теченіе августа города Россіи будутъ имѣть демократически избранныя думы и управы. Иначе обстоитъ дѣло съ сельскими мѣстностями. Далеко еще не закончены волостные выборы,—во многихъ мѣстахъ теперь лишь дѣлаются нужныя для этого подготовительныя дѣйствія, а новыхъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ органовъ и подавно нѣтъ, такъ какъ они, по новымъ правиламъ, строятся на основѣ списковъ, составленныхъ для волостныхъ выборовъ. Что касается административныхъ судебныхъ учреждений, то ихъ тоже почти что нѣтъ,—недавно лишь состоялось постановленіе Врем. Правительства объ учрежденіи административной юстиціи, и министерство юстиціи не могло успѣть въ столь краткій срокъ вызвать къ жизни всѣ административные суды. Ждать съ выборами въ У. Собраніе, пока всюду не будутъ призваны къ жизни новыя демократическія земства, опять таки невозможно. Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія былъ найденъ въ томъ, что одновременно съ изданіемъ Поло-

женія о выборахъ установленъ рядъ переходныхъ правилъ. Они изложены въ отдѣлѣ VI Постановленія Врем. Правительства отъ 20 іюля и практически являются важной составной частью избирательнаго закона, хотя формально стоятъ какъ бы внѣ этого закона. Сущность переходныхъ правилъ та, что впредь до образованія на мѣстахъ учреждений земскаго и городского самоуправления, избранныхъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, члены избирательныхъ комиссій по выбору этихъ учреждений будутъ замѣщены лицами, которыя будутъ избраны нынѣ существующими мѣстными общественными учреждениями и организаціями. Какія именно учреждения это будутъ — укажетъ Временное Правительство, основываясь на свѣдѣніяхъ, которыя ему будутъ доставлены съ мѣстъ представителями администраціи (губернскими комиссарами и др.).

Права и обязанности избирательныхъ комиссій перечислены въ законѣ со всей полнотой (ст. 16, 19, 22). Работа, возложенная закономъ на эти комиссіи, распадается, какъ во времени, такъ и по характеру своему, на три категоріи: прежде всего идутъ работы по составленію и открытію дѣйствій самихъ комиссій и рядъ другихъ болѣе или менѣе сложныхъ работъ по подготовкѣ выборовъ, какъ-то: составленіе избирательныхъ списковъ, приемъ и опубликованіе кандидатскихъ списковъ, заготовленіе всѣхъ печатныхъ матеріаловъ для голосованія и т. д.; затѣмъ—самый приемъ избирательныхъ записокъ отъ избирателей и, наконецъ, въ-третьихъ—подсчетъ записокъ и опредѣленіе результата выборовъ по округу. По мѣрѣ того, какъ мы будемъ знакомиться со всѣми этими стадіями выборнаго производства, мы узнаемъ, что именно должна дѣлать каждая комиссія. Сейчасъ ограничимся нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Первыми по времени своего образованія являются окружныя по дѣламъ о выборахъ комиссіи. Какъ только Врем. Правительство укажетъ, какія мѣстныя общественныя учреждения и организаціи должны избрать членовъ этихъ комиссій, за неимѣніемъ пока демократически избранныхъ губернскихъ земскихъ управъ, откроются окружныя комиссіи, и, собственно говоря, лишь съ этого момента начнется на мѣстахъ правильная работа по выборамъ въ Учредительное Собраніе.

Окружная комиссія прежде всего должна озаботиться образованіемъ и открытіемъ дѣйствій уѣздныхъ и городскихъ комиссій. Эти послѣднія въ свою очередь должны озаботиться, чтобы своевременно были образованы и открыли свои дѣйствія участковыя избирательныя комиссіи. Но это забота позднѣйшая, и уѣздныя комиссіи лишь наблюдаютъ за этимъ, — участковыя комиссіи назначаются подлежащими городскими и волостными управами, при чемъ, по Наказу, члены участковой избирательной комиссии должны быть назначены по крайней мѣрѣ за десять дней до дня выборовъ. Первымъ же дѣломъ уѣздная или город-

ская комиссія должна составить планъ распредѣленія уѣзда (города) на избирательные участки, о чемъ у насъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. Окончательное распредѣленіе округа на участки, какъ мы тамъ сказали, принадлежитъ окружной комиссіи.

Далѣе, окружная комиссія опредѣляетъ и объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе день, въ который городскія и поселковыя управы должны приступить къ составленію избирательныхъ списковъ. Какъ окружныя, такъ и уѣздныя и городскія комиссіи наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы списки были своевременно составлены и выставлены для всеобщаго обозрѣнія. Уѣздная комиссія, сверхъ того, въ качествѣ какъ бы судебной инстанціи разсматриваетъ протесты и жалобы на составленіе избирательныхъ списковъ, вслѣдствіе чего въ составъ ея, въ отличіе отъ иныхъ комиссій, представители судебного вѣдомства включены въ числѣ трехъ.

Одновременно съ работой по избирательнымъ спискамъ въ окружныхъ комиссіяхъ производится работа по кандидатскимъ спискамъ (см. гл. V).

Къ подготовкѣ выборовъ относится еще заготовленіе всѣхъ требуемыхъ для выборной процедуры печатныхъ матеріаловъ, какъ то: избирательныя записки, избирательные конверты, въ которыхъ эти записки должны опускаться въ избирательныя ящики, и т. д. Заготовленіе всѣхъ печатныхъ матеріаловъ производится распоряженіемъ окружной комиссіи, т. е. въ зависимости отъ мѣстныхъ условій окружная комиссія либо сама заказываетъ все, что нужно напечатать для выборовъ, либо возлагаетъ эту работу по уѣздамъ и городамъ на соотвѣтственные мѣстныя комиссіи. Въ томъ и другомъ случаѣ окружныя и уѣздныя (городскія) комиссіи обязаны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы весь матеріалъ былъ своевременно и въ нужномъ количествѣ доставленъ въ участковыя комиссіи и въ городскія и волостныя управы, которыя обязаны наканунѣ выборовъ разослать избирательныя записки избирателямъ. Въ нормальное время эти обязанности комиссій оказались бы наименѣ хлопотливыми. При теперешнихъ же затрудненіяхъ въ бумажномъ и типографскомъ дѣлѣ печатаніе милліоновъ избирательныхъ записокъ и пр. должно будетъ составить предметъ самыхъ тщательныхъ заботъ со стороны комиссій.

О внутреннемъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ комиссій законъ ничего не говоритъ, и этотъ пробѣлъ восполняется Наказомъ. Комиссіи избираютъ изъ своей среды товарища предсѣдателя и секретаря, а участковыя комиссіи, для которыхъ предсѣдатель въ самомъ законѣ не указанъ, также и предсѣдателя. Въ окружныхъ комиссіяхъ однако обязанности замѣстителя предсѣдателя возлагаются на товарища предсѣдателя окружнаго суда по административному отдѣленію. Какъ окружныя, такъ и уѣздныя и городскія комиссіи могутъ въ нужныхъ случаяхъ команди-

ровать своихъ членовъ для наблюденія за своевременнымъ образованіемъ низшихъ инстанцій и за составленіемъ ими списковъ. Всякія заявленія въ комиссіи могутъ быть подаваемы и посылаемы не только въ письменномъ видѣ, но и дѣлаемы словесно въ присутственные часы, которые устанавливаетъ окружная комиссія. Начиная съ 40-го дня до дня выборовъ, всѣ учрежденія по дѣламъ о выборахъ имѣютъ присутствіе ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, а посему эти дни при исчисленіи сроковъ не исключаются изъ числа дней присутственныхъ.

Независимо отъ мѣстныхъ комиссій, въ Петроградѣ, при Временномъ Правительствѣ, учреждается Всероссійская по дѣламъ о выборахъ въ У. Собраніе комиссія, на которую возлагается общее наблюденіе за ходомъ выборовъ и обсужденіе мѣръ, необходимыхъ для ихъ ускоренія. Комиссія состоитъ изъ назначеннаго Правительствомъ предсѣдателя и 15 членовъ, назначенныхъ Правительствомъ по представленію Особого Совѣщанія, занимавшагося изготавленіемъ проекта Положенія о выборахъ. Всероссійская комиссія является центральнымъ органомъ при Правительствѣ по всѣмъ дѣламъ о выборахъ.

Что касается юридическихъ вопросовъ, могущихъ возникнуть при примѣненіи Положенія о выборахъ, то для ихъ разъясненія учреждено особое присутствіе изъ 5 сенаторовъ, при первомъ департаментѣ сената.

Всѣ комиссіи, которыя мы перечисляли, образуются спеціально для выборовъ въ У. Собраніе и по окончаніи выборовъ прекратятъ свое существованіе. Сверхъ того, важныя обязанности по производству выборовъ—главнымъ образомъ, по составленію избирательныхъ списковъ—возлагаются закономъ на постоянныя учрежденія мѣстнаго самоуправленія: городскія и поселковыя управы и волостныя земскія управы, а также на окружные суды. Всѣ вообще учрежденія мѣстнаго управленія и самоуправленія обязаны оказывать содѣйствіе комиссіямъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей (ст. 23), а Наказъ добавляетъ къ этому, что, въ виду краткости установленныхъ закономъ сроковъ для производства всѣхъ выборныхъ дѣйствій, всѣ учрежденія и должностныя лица обязаны безъ замедленія исполнять законныя требованія и отвѣчать на запросы установленій, завѣдывающихъ производствомъ выборовъ.

IV.

Избирательные списки.

При разсмотрѣніи вопроса, на кого возложить составленіе избирательныхъ списковъ, составители Положенія о выборахъ встрѣтились съ тою же трудностью, что и при созданіи учреж-

дений для завѣдыванія выборами: съ отсутствіемъ на мѣстахъ демократическаго земства. Составить списки полно и добросовѣстно можетъ только учрежденіе, близко стоящее къ мѣстному населенію и пользующееся несомнѣннымъ его довѣріемъ. Въ виду этого и въ виду важности избирательныхъ списковъ, Временное Правительство постановленіемъ отъ 14 іюня предпрѣшило, что составленіе списковъ возлагается на органы волостного и городскаго мѣстнаго самоуправленія, избранные на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Въ согласіи съ этимъ редактирована ст. 26 Положенія о выборахъ. Но волостная земскія управы не всюду еще созданы. Отсюда вытекаетъ, что всѣ, кто заинтересованъ въ скорѣйшемъ созывѣ У. Собранія, обязаны приложить всѣ усилія, чтобы основная ячейка земскаго самоуправления, волостное земское собраніе и волостная управа, были образованы возможно скорѣе. Пока этихъ органовъ нѣтъ, нельзя будетъ приступить къ главнымъ дѣйствіямъ по производству выборовъ въ У. Собраніе. Это, однако, не равносильно тому, что до созданія волостныхъ органовъ вообще нельзя готовиться къ выборамъ въ У. Собраніе. Какъ разъ наоборотъ. Именно потому, что волостные органы сейчасъ не созданы, и что по открытіи ими своихъ дѣйствій имъ придется спѣшно составить избирательные списки, именно потому, что времени для выполненія этой работы у нихъ будетъ очень мало, надлежитъ теперь же заняться подготовительными работами. Это и предусмѣтрѣно въ постановленіи Временнаго Правительства о выборахъ. Подготовительная работа по составленію избирательныхъ списковъ возлагается имъ (отд. II) на существующія государственныя учрежденія и общественныя организаціи, которыя будутъ особо указаны Временнымъ Правительствомъ.

Задача составленія избирательныхъ списковъ облегчается тѣмъ, что для нея имѣется хорошій подготовительный матеріалъ. Таковыми являются списки, составленные для волостныхъ и городскихъ выборовъ. Ими и надо будетъ воспользоваться въ первую очередь, тщательно ихъ провѣривши и исправивши (особенно надо будетъ имѣть въ виду при этомъ, что условія допущенія къ выборамъ по правиламъ о мѣстныхъ выборахъ и по Положенію о выборахъ въ У. Собраніе не совсѣмъ совпадаютъ). Такъ какъ въ выборной процедурѣ очень важенъ опытъ, то лица, принимавшія участіе въ организаціи городскихъ и волостныхъ выборовъ, сумѣютъ оказать цѣнное содѣйствіе на выборахъ въ У. Собраніе, а самое производство мѣстныхъ выборовъ дастъ мѣстному населенію навыкъ въ избирательныхъ дѣлахъ, что тоже облегчитъ проведеніе выборовъ въ У. Собраніе.

На выборахъ въ У. Собраніе избирательные списки должны быть составлены отдѣльно по каждому избирательному участку. Но ко времени подготовительныхъ работъ границы участковъ не будутъ въ точности извѣстны. Смущаться этимъ не слѣдуетъ, а

надо собирать матеріалъ для списковъ, располагая его временно по естественнымъ дѣленіямъ территории, какъ то: села, деревни и т. д., въ городахъ—улицы, кварталы, подрайоны и т. д. Если только всѣ имѣющіе право участвовать въ выборахъ будутъ въ этой стадіи предварительныхъ работъ зарегистрированы, то позднѣе, когда опредѣлятся границы участковъ, не трудно будетъ сгруппировать матеріалъ по участкамъ и расположить избирателей въ алфавитномъ порядкѣ.

Имѣютъ право на внесеніе въ списки всѣ лица, проживающія въ участкѣ ко дню начала составленія списковъ, если только, разумѣется, они вообще имѣютъ право на участіе въ выборахъ (см. гл. I). Находящихся въ отлучкѣ тоже надо заносить въ списки, если отлучка ихъ является временною, и если они сохранили связь съ данною мѣстностью. Отъ избирателей никакихъ заявленій для внесенія въ списки не требуется: городская, поселковая или волостная управа, по принадлежности, должна сама принять мѣры къ тому, чтобы всѣ, имѣющіе право на внесеніе въ списки, были въ нихъ внесены. Перечень свѣдѣній, подлежащихъ включенію въ списокъ, указанъ въ ст. 30 Положенія*). Для полученія свѣдѣній о жителяхъ участка подлежащая управѣ—а, въ стадіи подготовительныхъ работъ, замѣняющая ихъ учрежденія—могутъ требовать сообщенія свѣдѣній отъ домовладѣльцевъ, управляющихъ домами, домовыхъ комитетовъ, также отъ собственниковъ, арендаторовъ или управляющихъ недвижимыми имуществами, отъ милиціи, правительственныхъ и должностныхъ лицъ. Учрежденія, составляющія списокъ, должны также въ случаѣ сомнѣній выяснять, не подпадаютъ ли отдѣльныя лица подъ условія, лишающія ихъ избирательныхъ правъ, и для этого они могутъ обращаться съ запросами въ судебныя установленія, въ мѣста заключенія, къ чинамъ милиціи, къ должностнымъ лицамъ, вѣдающимъ справками о судимости, и т. п.

Кто бы однако ни составлялъ списокъ, никогда нельзя имѣть увѣренности, что избирательный списокъ совершенно безошибоченъ. Составленіе списковъ, въ которыхъ должны значиться тысячи фамилій, столь кропотливо и сложно, что при самомъ добросовѣстномъ и рачительномъ отношеніи управъ къ своимъ обязанностямъ неизбежны пропуски, неточныя и неполныя записи, включеніе въ списки лицъ, лишенныхъ избирательнаго права, и т. п. Засимъ возможны и—какъ показалъ опытъ Запада—часто встрѣчаются нарочитыя злоупотребленія по политическимъ мотивамъ или изъ личныхъ видовъ, не говоря уже объ ошибкахъ и пробѣлахъ, допущенныхъ просто по неряшливости и небрежности. Необходима поэтому провѣрка списковъ, въ которой могли

*) Наказъ разъясняетъ, что *родъ занятій* избирателя надо отмѣчать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для установленія самоличности избирателя.

бы принять участіе всѣ заинтересованные, и такъ какъ при этомъ могутъ возникнуть споры, то нужны инстанціи, разрѣшающія подобнаго рода споры.

Право провѣрять списки предоставляется всѣмъ, имѣющимъ право участія въ выборахъ, а также мѣстной администраціи. Для того, чтобы каждый могъ провѣрить, внесенъ ли онъ въ списокъ, и вообще правильно ли составленъ списокъ, надлежитъ сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ и каждого. Немедленно по составленіи списка, но во всякомъ случаѣ не позднѣе, чѣмъ за 40 дней до дня выборовъ, Положеніе (ст. 31) предписываетъ объявлять списокъ во всеобщее свѣдѣніе. На выборахъ въ государственныя думы, когда избирателей было немного, списки часто печатались, такъ что обзорѣніе ихъ было очень доступно. Сейчасъ, когда избиратели исчисляются милліонами, не можетъ быть рѣчи о печатаніи списковъ, но все же необходимо принять мѣры, чтобы дѣйствительно всѣ имѣли возможность ознакомиться со списками. Для этого списки должны быть изготовлены въ нѣсколькихъ экземплярахъ и выставлены въ удобномъ помѣщеніи, доступномъ въ теченіе цѣлаго дня. Такъ какъ среди избирателей окажется много неграмотныхъ, то наказъ предписываетъ, чтобы въ помѣщеніяхъ, гдѣ списки выставлены, дежурили въ опредѣленные часы лица, могущія дать желающимъ всѣ нужныя справки.

День, когда списки впервыеставляются для всеобщаго обзорѣнія, имѣетъ важное значеніе для всей выборной процедуры: съ него начинается теченіе сроковъ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Въ теченіе 10 дней по объявленіи избирательнаго списка во всеобщее свѣдѣніе лица, пользующіяся правомъ участія въ выборахъ, могутъ подавать жалобы на неправильность или неполноту списковъ (ст. 32). Жалобы эти могутъ касаться какъ личныхъ правъ жалобщика, такъ и каждой вообще записи въ списокъ, въ которой жалобщикъ усматриваетъ неправильность. Жалобы подаются въ то самое учрежденіе, которое составило списокъ, т. е. въ подлежащую управу. Чтобы облегчить разсмотрѣніе жалобъ, крайне желательно не медлить съ ихъ подачей и ни въ коемъ случаѣ не откладывать этого на послѣдній день: откладывая, можно и вовсе пропустить срокъ, а кромѣ того, не слѣдуетъ обременять избирательныя комиссіи спѣшнымъ разсмотрѣніемъ жалобъ въ самый послѣдній моментъ. Къ тому же, по закону, жалоба, поданная заблаговременно, скорѣе и проще удовлетворяется. А именно, Положеніе (ст. 33) устанавливаетъ слѣдующій порядокъ. Если жалобщикъ требуетъ своего внесенія въ списокъ, и жалоба подана имъ не позднѣе, чѣмъ за 5 дней до истеченія срока, т. е. чѣмъ черезъ 5 дней по выставленіи списка, то составившая списокъ управа сама можетъ уважить эту жалобу и включить избирателя въ особо составляемый дополнительный списокъ. Ошибка, слѣдовательно, мо-

жетъ быть исправлена быстро тутъ же на мѣстѣ, гдѣ она была замѣчена, и безъ лишнихъ хлопотъ. Сверхъ этихъ случаевъ, управы собственной властью могутъ исправлять, по жалобамъ избирателей, только неправильно записанныя о нихъ свѣдѣнія (напр., ошибки въ имени, отчествѣ, возрастѣ и т. д.).

Всѣ остальные жалобы, т. е. всѣ жалобы иного содержанія, кромѣ здѣсь указанного, а также жалобы на невключеніе въ списокъ, поданныя позже 5-дневнаго срока, управа обязана въ трехдневный срокъ препроводить въ уѣздную комиссію, представивъ при этомъ свои объясненія (ст. 34). Точно также поступаетъ управа съ поступающими къ ней протестами на избирательные списки. Дѣло въ томъ, что на ряду съ частными лицами, которымъ предоставлено право обжаловать списки, представители мѣстной администраціи могутъ заявлять въ тотъ же 10-дневный срокъ протесты на списки, и протесты, наравнѣ съ жалобами, препровождаются въ уѣздную городскую комиссію.

Если въ протестѣ или жалобѣ оспаривается право опредѣленнаго лица, занесеннаго въ списокъ, то управа, принявшая протестъ или жалобу, обязана увѣдомить о томъ заинтересованное лицо (ст. 35). Оповѣщеніе производится черезъ милицію или разсылныхъ.

Уѣздная (городская) комиссія разсматриваетъ жалобы и протесты въ пятидневный срокъ по ихъ поступленіи. Она при этомъ засѣдаетъ публично и ведетъ разсмотрѣніе по правиламъ, установленнымъ для разсмотрѣнія дѣлъ административными судами. Члены комиссіи, посланные въ нее группами заявителей кандидатовскихъ списковъ, въ рѣшеніи этихъ дѣлъ участія не принимаютъ. Подавшіе жалобу или протестъ, а также представители управы, составлявшей списокъ, затѣмъ лица, чьи избирательныя права оспариваются, могутъ явиться въ засѣданіе уѣздной комиссіи и принять участіе въ разборѣ дѣла на правахъ сторонъ, Комиссія однако не обязана посылать имъ повѣстокъ о днѣ и часѣ разсмотрѣнія дѣла, и желающіе лично поддерживать свои жалобы должны сами наводить справки, когда ихъ дѣло будетъ слушаться въ комиссіи.

Рѣшенія уѣздной (городской) комиссіи обязательны для управъ, т. е. послѣднія обязаны исправлять списки согласно этимъ рѣшеніямъ. Для того именно и установленъ такой сравнительно небольшой срокъ для подачи жалобъ и для разсмотрѣнія дѣлъ въ комиссіи, чтобы комиссія успѣла своевременно разсмотрѣть всѣ жалобы и протесты. Вторая причина, почему эти сроки сравнительно кратки, та, что рѣшенія уѣздной (городской) комиссіи не окончательны, и на нихъ можно жаловаться еще въ одну инстанцію—въ окружный судъ по административному отдѣленію. Жалобы эти или протесты могутъ быть подаваемы въ теченіе 10 дней послѣ того, какъ рѣшеніе уѣздной инстанціи стало извѣстно, и окружный судъ разсматриваетъ ихъ въ 5-дневный срокъ. Но

эти жалобы, подаваемые въ высшую инстанцію, имѣютъ одно существенное отличіе отъ подаваемыхъ въ уѣздную инстанцію: подача жалобъ и протестовъ въ окружный судъ не приостанавливаетъ выборнаго производства. Это значитъ: если судъ успѣетъ разсмотрѣть жалобу или протестъ до дня выборовъ, то его рѣшеніе будетъ принято во вниманіе, если нѣтъ—то выборы изъ-за этого не откладываются. Составители Положенія о выборахъ не считали возможнымъ постановить, что необходимо выжидать рѣшеній окружныхъ судовъ по всѣмъ жалобамъ и протестамъ, ибо это чрезвычайно бы удлинило и безъ того долгую выборную процедуру. Къ тому же, если избиратели не будутъ медлить съ подачей жалобъ, то они сумѣютъ добиться разсмотрѣнія дѣла во всѣхъ инстанціяхъ. Это соображеніе является еще однимъ доводомъ, почему избиратели ни въ какомъ случаѣ не должны откладывать на послѣдніе дни ознакомленіе со спискомъ избирателей и подачу жалобъ.

До сихъ поръ мы говорили объ избирателяхъ, проживающихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ составляются списки, а посему подлежащихъ занесенію въ списки безъ всякихъ заявленій съ ихъ стороны. Но въ предѣлы даннаго избирательнаго участка за время составленія списковъ могутъ прибыть лица, проживавшія въ другомъ мѣстѣ ко дню, когда приступлено было къ составленію списковъ. О нихъ управы не будутъ имѣть свѣдѣній, а кромѣ того, эти лица не подходятъ подъ категорію жителей даннаго участка. Чтобы обезпечить ихъ права, Положеніе (ст. 29) установило для нихъ особый порядокъ внесенія въ списки. Они заносятся въ списки по особымъ ихъ заявленіямъ, подаваемымъ въ подлежащую управу. Заявленія эти должны быть поданы не позднѣе, чѣмъ за 5 дней до окончанія срока, установленнаго для подачи жалобъ, т. е. не позднѣе, чѣмъ черезъ 5 дней по первомъ выставленіи списка. Вмѣстѣ съ подачей такого заявленія необходимо подать заявленіе объ исключеніи заявителя изъ списковъ по мѣсту прежняго его проживанія, и это заявленіе объ исключеніи управа сама препровождаетъ по назначенію. Лица, подавшія такія заявленія, вносятся въ дополнительный списокъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ управа собственной властью, какъ сказано выше, постановила включить въ списокъ по ихъ о томъ жалобамъ. Дополнительный списокъ тоже долженъ быть объявленъ во всеобщее свѣдѣніе не позднѣе, чѣмъ за 3 дня до истеченія срока обжалованія, т. е. не позднѣе, чѣмъ черезъ 7 дней по объявленіи основнаго списка. Въ теченіе оставшихся до конца срока 3 дней можно, на общемъ основаніи, подавать жалобы и протесты на дополнительный списокъ.

Чтобы исчерпать вопросъ, отмѣтимъ, что всѣ жалобы и протесты и вообще всякаго рода бумаги, составляемыя по дѣламъ о выборахъ въ У. Собраніе, освобождены отъ гербоваго и иныхъ сборовъ. Далѣе, относительно всѣхъ указанныхъ въ Положеніи

сроковъ для подачи жалобъ, заявленій и пр. надо имѣть въ виду, что пропущенный срокъ ни въ коемъ случаѣ возстановленъ быть не можетъ: кто пропуститъ срокъ, тотъ утратилъ право на подачу жалобы, заявленія и пр., какова бы ни была причина пропуска имъ срока. Жалобы и заявленія можно подавать лично или пересылать по телеграфу, либо по почтѣ. Въ послѣднихъ случаяхъ жалобы и заявленія считаются поступившими со времени получения ихъ на мѣстѣ назначенія (а не со времени подачи на почту и телеграфъ, какъ это принято въ иныхъ случаяхъ). Жалобы и протесты на неполноту и неправильность избирательныхъ списковъ обязательно должны содержать въ себѣ соображенія и данныя, подтверждающія ихъ основательность, въ противномъ случаѣ они будутъ устраняться отъ разсмотрѣнія, какъ голословные.

Послѣ того, какъ въ управу поступили рѣшенія уѣздной (городской) комиссіи по всѣмъ разсмотрѣннымъ ею дѣламъ, списки исправляются согласно этимъ рѣшеніямъ, а также согласно рѣшеніямъ окружнаго суда, которыя успѣютъ поступить за это время. Не позднѣе, чѣмъ за 10 дней до перваго дня выборовъ, исправленные такимъ путемъ списки (основной и дополнительный) вновь объявляются во всеобщее свѣдѣніе. Это выставленіе списковъ имѣетъ чисто освѣдомительную цѣль,—никакіе новые споры о содержаніи списка возбуждаемы уже быть не могутъ, исправленные списки являются окончательными, и съ ихъ выставленіемъ оканчивается первая часть выборнаго производства,

V.

Кандидатскіе списки.

Если избирательные списки являются необходимой составной частью всѣхъ рѣшительно современныхъ системъ выборовъ, то кандидатскіе списки составляютъ характерную особенность системы, которая принята для выборовъ въ У. Собраніе. Тамъ, гдѣ избирательные округа настолько малы, что посылаютъ въ парламентъ по одному депутату, нѣтъ кандидатскихъ списковъ, и можно вообще обойтись безъ предварительнаго заявленія кандидатуръ. Если округъ посылаетъ въ парламентъ нѣсколько депутатовъ, и избирателю предоставляется голосовать за столькохъ кандидатовъ, сколько мѣстъ приходится на данный округъ, то появляются списки кандидатовъ, предварительное же заявленіе кандидатуръ значительно облегчаетъ послѣдующій подсчетъ голосовъ и опредѣленіе результата выборовъ. А тамъ, гдѣ выборы производятся по пропорціональной системѣ, какъ это установлено для Учредительнаго Собранія, голосованіе по заявленнымъ

спискамъ необходимо и вытекаетъ изъ самой сущности пропорціональныхъ выборовъ. Для того, чтобы распредѣлить депутатскія мѣста пропорціонально между борющимися партіями и группами, необходимы опредѣленные и не вызывающіе сомнѣній признаки, указывающіе, какой партіи или группѣ отдалъ свой голосъ избиратель. Единственный способъ достигнуть этой опредѣленности и ясности—это требовать заблаговременнаго заявленія списковъ кандидатовъ, съ тѣмъ, чтобы избиратель могъ выбирать только между заявленными кандидатскими списками. Это требованіе и выражено въ ст. 42 Положенія о выборахъ.

При пропорціональныхъ выборахъ имѣются двѣ возможности: избиратель можетъ голосовать либо за списки, какъ они были заявлены, не внося въ нихъ никакихъ измѣненій (такъ назыв. „связанные“ или „обязательные“ списки), либо законъ предоставляетъ избирателю въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ производить измѣненія въ спискахъ (такъ назыв. „свободные“ списки). Въ Положеніи о выборахъ въ У. Собраніе, по цѣлому ряду соображеній, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, принята система „связанныхъ“ списковъ: избиратель имѣетъ свободу выбора между заявленными списками; остановившись же на одномъ изъ нихъ, онъ долженъ принять его цѣликомъ безъ измѣненій, т. е. голосовать за всѣхъ поименованныхъ въ списокѣ кандидатовъ и обязательно писать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ кандидатскомъ списокѣ. Дѣло въ томъ, что при пропорціональныхъ выборахъ порядокъ размѣщенія именъ въ кандидатскомъ списокѣ имѣетъ первостепенное значеніе. Партіи и группы обыкновенно не могутъ заранее съ точностью учесть и предвидѣть, сколько мѣстъ имъ удастся отвоевать для себя на выборахъ. Данный округъ посылаетъ, скажемъ, въ У. Собраніе десять депутатовъ, такая-то партія рассчитываетъ провести отъ округа шесть своихъ кандидатовъ и выставляетъ списокъ съ 6 именами. Но послѣ выборовъ оказывается, что партія была слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ вліяніи, и на ея долю пришлось всего 3 мѣста. Кто же изъ ея кандидатовъ долженъ считаться избраннымъ? Преимущество имѣютъ кандидаты, стоящіе на первыхъ мѣстахъ въ списокѣ: если на долю списка пришлось 1 мѣсто, то избраннымъ является кандидатъ, помѣщенный въ списокъ на первомъ мѣстѣ, въ началѣ списка; если списокъ получилъ 2 мѣста, то избранными считаются помѣщенные въ списокъ на первомъ и на второмъ мѣстѣ, и т. д.

Партіи и организаціи, заявляющія кандидатскіе списки, сильно считаются съ этимъ обстоятельствомъ и тщательно взвѣшиваютъ, кого поставить въ списокъ на первое мѣсто, кого на второе и т. д. Избиратели, при ознакомленіи съ борющимися списками, также должны помнить, что, кто стоитъ ближе къ началу въ списокѣ, тотъ имѣетъ больше шансовъ пройти въ У. Собраніе,

и что голосъ, подаваемый за тотъ или иной списокъ, пойдетъ на пользу прежде всего кандидатамъ, возглавляющимъ списокъ.

Такъ какъ при пропорціональных выборахъ избиратель отдаетъ свой голосъ не просто опредѣленнымъ лицамъ, а показаннымъ въ списокѣ кандидатамъ, какъ представителямъ опредѣленнаго политическаго теченія, то, чтобы избирателю сразу видно было, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, кандидатскіе списки могутъ быть снабжены названіемъ партіи или группы („организаци“, какъ официально выражается законъ), которая этихъ кандидатовъ выставила.

Выставлятъ кандидатовъ и заявлятъ кандидатскіе списки на выборахъ будутъ, конечно, политическія и общественныя организации. Закону, однако, политическія организации, какъ таковыя, неизвѣстны, и если бы въ Положеніи о выборахъ было сказано, что право выставлятъ кандидатуры и заявлятъ списки принадлежитъ политическимъ партіямъ и общественнымъ организациямъ, то это могло бы подать поводъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ. Независимо отъ этого, нельзя возбранятъ группамъ гражданъ, которые до сихъ поръ не были организованы, специально объединяться для совмѣстнаго выступленія на выборахъ и введенія желательныхъ имъ лицъ. Въ законѣ поэтому говорится, что право заявлятъ кандидатскіе списки принадлежитъ „группамъ избирателей“. Статьи 44 и сл. Положенія о выборахъ подробнѣе разъясняютъ это.

Не позднѣе, чѣмъ за 30 дней до дня выборовъ, граждане, числомъ не менѣе ста, пользующіеся правомъ участія въ выборахъ по данному округу, могутъ заявлять окружной по дѣламъ о выборахъ коммисіи кандидатскіе списки. Заявители должны собственноручно подписать списокъ, въ которомъ они обязаны обозначить каждаго кандидата по имени, отчеству и фамиліи и указать его мѣстожительство. Если заявители желаютъ, то они включаютъ въ списокъ названіе своей организаци. Къ списку обязательно слѣдуетъ прилагать письменныя заявленія кандидатовъ, что они согласны баллотироваться въ данномъ округѣ по данному списку (Эго необходимо для того, чтобы никто не имѣлъ возможности злоупотреблять чужими именами). Число предлагаемыхъ въ списокѣ кандидатовъ можетъ равняться числу членовъ У. Собранія отъ даннаго округа, оно можетъ быть меньше его и даже больше (но не должно превышать указанное число болѣе, чѣмъ на половину). Большее число кандидатовъ въ списокѣ имѣетъ своей цѣлью обезпечить партію на тотъ случай, если лица, стоящія на первыхъ мѣстахъ въ списокѣ и попавшія въ У. Собраніе, впоследствии по какой-либо причинѣ выйдутъ изъ его состава. Партіи меньшинства; не рассчитывающія собрать много голосовъ, конечно, будутъ ограничиваться небольшимъ числомъ кандидатовъ, и въ этомъ отношеніи законъ никакихъ стѣсненій

имъ не дѣлаетъ; по закону возможны „списки“, въ которыхъ будетъ значиться всего одно имя.

Мы уже сказали, что каждый политически правоспособный гражданинъ можетъ быть избраннымъ въ любомъ округѣ страны. При составленіи кандидатскихъ списковъ группы избирателей могутъ поэтому включать въ нихъ какъ мѣстныхъ жителей, такъ и своихъ единомышленниковъ, проживающихъ въ данный моментъ въ иномъ мѣстѣ, хотя бы за границей. Еще одну льготу представляетъ законъ желающимъ баллотироваться въ Учр. Собрание: право выставить свою кандидатуру въ нѣсколькихъ округахъ одновременно, но не болѣе, чѣмъ въ пяти (ст. 48). Порядокъ, при которомъ можно выступать кандидатомъ исключительно въ одномъ округѣ, въ нашихъ условіяхъ могъ бы привести къ тому, что наиболее видныя лица не попадутъ въ У. Собрание. Можетъ вѣдь случиться такъ, что партія, разсчитывая въ данномъ округѣ найти много приверженцевъ, выставитъ тамъ своихъ вождей, но расчетъ ея окажется ошибочнымъ, и главари партіи останутся за стѣнами У. Собранія. Другая крайность, отсутствіе всякихъ стѣсненій и разрѣшеніе выставять кандидатуры въ сколькихъ угодно округахъ, страдаетъ иного рода недостаткомъ: при желаніи можно тогда ввести избирателей въ заблужденіе, а именно—какая-нибудь партія выставитъ во всѣхъ своихъ спискахъ одно и то же популярное лицо и подъ флагомъ этого популярнаго лица проведетъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ своихъ кандидатовъ. Положеніе о выборахъ, чтобы избѣжать той и другой опасности, избрало вышеуказанный средній путь. Само собою разумѣется, что одно и то же лицо не можетъ быть включено въ разные списки по одному и тому же округу,—нельзя служить одновременно интересамъ двухъ борющихся между собой политическихъ организацій.

Заявленные кандидатскіе списки разсматриваются окружными комиссіями съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія требованіямъ закона (имѣется ли подъ заявленіемъ 100 подписей, принадлежать ли подписавшіе заявленіе къ числу избирателей по округу, приложены ли къ заявленію письменныя согласія кандидатовъ и т. д.), и если при этомъ будутъ обнаружены недостатки, то комиссія сообщаетъ о нихъ представителямъ заявительской группы въ трехдневный срокъ (ст. 51) и предлагаетъ исправить недостатки. Кандидатскіе списки, удовлетворяющіе законнымъ условіямъ, нумеруются окружною комиссіею въ порядкѣ ихъ поступленія и съ этой нумераціею они публикуются во всеобщее свѣдѣніе и затѣмъ печатаются на избирательныхъ запискахъ и доставляются избирателямъ. Во время избирательной кампаніи номеръ списка, какъ это показали опытъ городскихъ выборовъ, является отличительнымъ признакомъ списковъ и чрезвычайно облегчаетъ веденіе избирательной агитаціи. Партіи и группы должны поэтому, въ собственныхъ интересахъ, какъ можно

раньше заявлять свои списки, чтобы, заручившись для них номеромъ, имѣть возможность начать агитацію въ пользу своего списка. Тридцатый же день выборовъ является вообще крайнимъ срокомъ, послѣ котораго никакіе кандидатскіе списки заявлены быть не могутъ.

Заявленіе кандидатскаго списка дѣлаетъ группу заявителей активнымъ участникомъ избирательной процедуры: представители группы включаются въ составъ комиссій, завѣдующихъ производствомъ выборовъ. А именно, въ окружную комиссію отъ каждой группы заявителей входитъ ея представитель, который долженъ быть указанъ одновременно съ подачей кандидатскаго списка. Если представитель не указанъ, таковымъ считается первый изъ подписавшихъ заявленіе о кандидатскомъ списокѣ (ст. 45). Лица, уполномоченныя группой на участіе отъ ея имени въ уѣздныхъ, городскихъ и участковыхъ комиссіяхъ, могутъ быть указываемы и позднѣе. Послѣдній день объявленія во всеобщее свѣдѣніе принятыхъ и занумерованныхъ кандидатскихъ списковъ—это должно быть сдѣлано не позднѣе 23 дней до дня выборовъ (ст. 52)—является тѣмъ днемъ, когда составъ всѣхъ комиссій пополняется представителями группъ избирателей.

Въ послѣднихъ статьяхъ главы V Положенія говорится еще о „соединеніи“ списковъ. Понятіе это тѣсно связано со всей системой выборовъ въ У. Собраніе, въ частности—съ правилами о распредѣленіи мѣстъ между списками въ зависимости отъ результатовъ голосованія, и на этомъ удобнѣе будетъ остановиться при изложеніи второй части Положенія о выборахъ.

І. Яшунскій.

**Главный редактор
Е. А. Брейтбарт-Самсонова**

Адрес редакции журнала «Грани»:
Grani c/o Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D 6230 Frankfurt a. M. 80
Тел. (069) 34 46 71

Непринятые рукописи не возвращаются.

Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

Издательство «Посев», журналы «Грани» и «Посев» искренне поздравляют поэта Иосифа Бродского с присуждением ему Нобелевской премии по литературе за 1987 год. Для журнала «Грани» это событие – радость и честь вдвойне, ибо именно с его страниц голос поэта впервые прозвучал за пределами нашей страны («Грани» №№ 56, 68, 70, 72, 76).

Нобелевская премия этого года еще раз продемонстрировала единство русской литературы, независимо от внешних и внутренних границ. Как невозможно сделать несуществующими или отлучить от литературы опальных поэта Пастернака и писателя Солженицына, так и невозможно лишить литературного гражданства писателя Бунина и сегодня – поэта Иосифа Бродского.

НОВАЯ КНИГА

«Гибель Царской семьи»

**Материалы следствия по делу
об убийстве Царской семьи
(Август 1918 – февраль 1920)**

Составитель Николай Росс

Впервые отдельной книгой опубликованы материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи. 277 важных и интересных документов, отобранные составителем, – протоколы допросов, осмотры вещественных доказательств, дознания... – вовлекают читателя в ход расследования, дают ему возможность оценить проделанную в трудных условиях работу следователя.

Но новая книга достойна внимания читателя не только с точки зрения следственной, юридической. Она интересна и тем, что в протоколах говорят люди; они свидетельствуют, живым, присущим им языком, о виденном, слышанном и пережитом, кто желая помочь следствию, а кто стараясь запутать... Перед читателем возникает быт, нравы и чаяния самых разных жителей Урала и Западной Сибири в эпоху гражданской войны. В бытовых подробностях встают и последние месяцы жизни Царской семьи перед расправой над нею – величайшим преступлением в нашей истории.

Во введении составитель книги подготавливает читателя к наиболее полному уяснению документов. Для лучшего понимания в приложении приведены необходимые примечания, законодательные материалы и именной указатель. Обогащают труд иллюстрации: планы дома Ипатьева и его участка, схемы местности и множество фотографий.

Книга издана на высококачественной бумаге, в твердом переплете с золотым тиснением. Формат – 17 x 24 см.

1987

650 с.

200 нм

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Алексей Князев,
прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Условия подписки (3 выпуска) :

— с пересылкой обыкновенной почтой (*Sea Mail*) — 240 фр. / \$ 35
— воздушной почтой (*AIR MAIL*) — 300 фр. / \$ 40

Цена отдельного номера : 80 фр. / \$ 12 (без пересылки)

Чеки выписывать на имя: «*LE MESSENGER*»
(Почтовый счет — CCP: № 23-601-57 U Paris).

ИЗДАНИЕ
РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Адрес редакции : «*LE MESSENGER*», A.C.E.R.,
91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, F. (tél. 42.50.53.66).

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

Владимир Кормер

НАСЛЕДСТВО

Сложный полифонический роман московского писателя Владимира Кормера (1939 – 1986) «Наследство» – магистральное произведение этого интересного, безвременно ушедшего от нас автора. Он дает широкую панораму жизни столичной интеллигенции 60-70-х гг.

Острый «криминальный» сюжет, многоступенчатая фабула, то уводящая повествование в мир старой русской эмиграции, то выходящая в жгучую современность, – сопрягаются здесь с глубинными размышлениями о выживании человеческого духа и совести в трагических условиях тоталитарного мира.

1987

386 с.

38 н. м.

СТРЕЛЕЦ — 1988

**ежемесячник литературы, искусства
и общественно-политической мысли
Главный редактор — Александр Глезер**

Журнал «Стрелец» объявляет подписку на 1988 год. В редакционном портфеле новые прозаические произведения **Василия Аксенова, Владимира Войновича, Юрия Гальперина, Юрия Мамлеева, Виктора Некрасова, Сергея Юрьенена** и др. писателей, новые стихи **Василия Бетаки, Дмитрия Бобышева, Натальи Горбаневской, Бахыта Кенжеева, Юрия Кублановского** и др. поэтов, эссе, воспоминания, интервью с русскими и западными писателями, статьи о неофициальных русских художниках, неизвестные современному читателю рассказы и повести двадцатых и тридцатых годов, публицистика **Александра Глезера, Иосифа Косинского, Доры Штурман, Сергея Юрьенена**. Мы будем по-прежнему продолжать публикацию стихов и прозы, поступающих к нам по каналам Самиздата из СССР. В разделе «Критика» читатель встретится с рецензиями на новые книги и журналы, а также творческими портретами писателей и поэтов.

Стоимость годовой подписки на журнал остается прежней — **36 долларов или 336 французских франков**. Для подписавшихся до 15 января 1988 года — льготная подписка: **30 долларов или 300 французских франков**.

Чек посылайте по адресу:

В Европе: **Alexandre Glezer — Château du Moulin de Senlis, 91230 Montgeron, FRANCE.**

В США: **Alexander Glezer, 286 Barrow str., Jersey City N.J. 07302, USA.**

Дорогие читатели!

Стремясь облегчить проникновение нашего журнала в Россию, а также ознакомить вас с лучшими напечатанными в нем произведениями, редакция журнала „Грани” выпускает карманные сборники избранного из „Граней”.

Эти сборники, размером 9,5 на 14,5 см, отпечатаны на тонкой бумаге и содержат в среднем 512 страниц. Они легко помещаются в кармане или женской сумочке. Каждому путешественнику — советскому ли за рубежом, иностранному ли в России — не трудно взять их с собой.

Мы обращаемся к читателям в России:

- передавайте свой экземпляр дальше, увеличивая тем число читателей;*
- просите друзей, едущих за границу, привезти вам наши сборники;*
- просите своих иностранных знакомых привозить вам их, вместо подарка!*

Мы обращаемся к читателям за рубежом:

- используйте каждую возможность (встречу с соотечественниками, свои или друзей поездки в нашу страну и т. п.), чтобы передать в Россию наши сборники!*

Эти сборники предназначены для России! Каждый, желающий их иметь ДЛЯ РОССИИ, — может получить нужное количество экземпляров, обратившись по адресу:

А. Kandaurow c/o „Possev-Verlag”

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/Main 80

Уже выпущены следующие сборники „Граней”:

Сборник	№ 1 из	№№ 87/88-94 (разошелся)
Сборник	№ 2 из	№№ 78-86 (разошелся)
Сборник	№ 3 из	№№ 71-77 (разошелся)
Сборник	№ 4 из	№№ 69-70 (разошелся)
Сборник	№ 5 из	№№ 53-68
Сборник	№ 6 из	№№ 49-52
Сборник	№ 7 из	№№ 40-51
Сборник	№ 8 из	№№ 34/35-39

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Стоимость подписки на 4 номера:
в издательстве — 60 н.м.
через магазины — 70 н.м.

ПОСЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Стоимость подписки на 12 номеров:
в издательстве — 72 н.м.
через посредников — 84 н.м.

«НАДЕЖДА»

Христианское чтение

в печати № 14

В продаже еще все номера, кроме №№ 1 и 2

СТОИМОСТЬ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:
„ГРАНИ” — 17.50 н. м., „ПОСЕВ” — 7 н. м.
НАДЕЖДА” — 24 н. м.

Расходы по пересылке за счет подписчика

Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

POSSEV-VERLAG

D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15
или же банковским переводом на

Konto 2 412 75500, Dresdner Bank, Frankfurt/Main
или на почтовый счет

Postscheckkonto 334 61-608, Frankfurt/Main.

ISSN 0017-3185